

ОГОНЁК

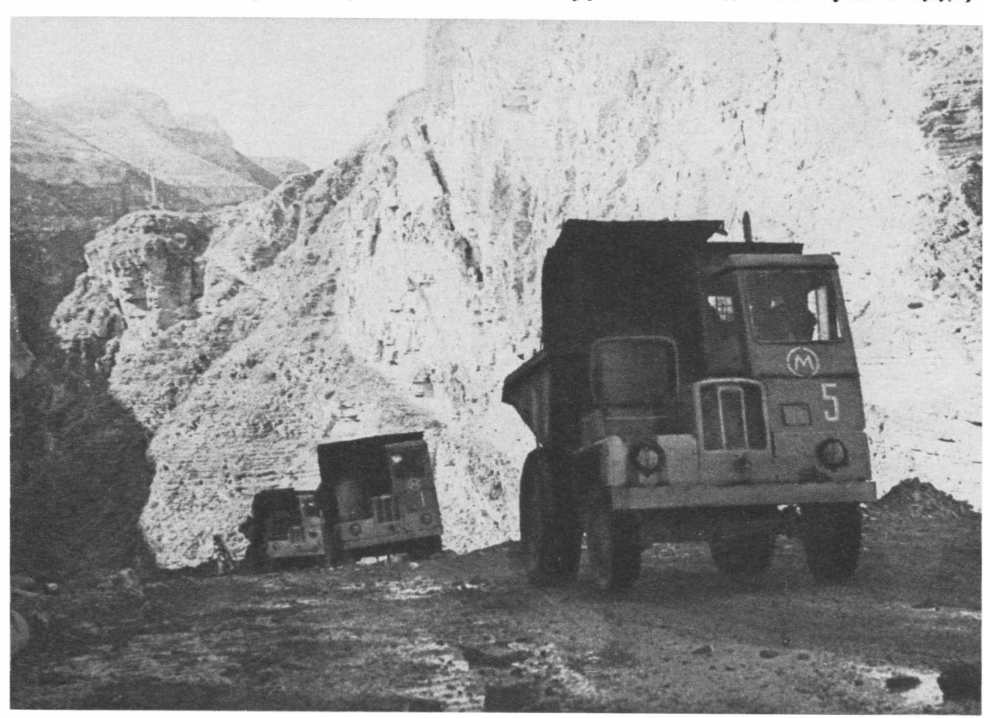
№ 49 ДЕКАБРЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На берег Сулака Оля Титова приехала с Урала.

С первыми лучами солнца автогрузчики выходят на стройплощадку.

Мастер Магомед Гамзатов (впереди), уроженец Чиркея.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 49 (2006)

5 ДЕКАБРЯ 1965

Здесь будет плотина.

ЧИРКЕЙ ТОМУ СВИДЕТЕЛЬ

Николай БЫКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Можно сказать, мне повезло: спустил левый скат — прокол. Как раз на половине дороги, когда мы уже почти выбрались из каменной теснины. Машина вильнула чуть в сторону, если только вообще можно вильнуть вот так, с ходу, на горной дороге в дождливый день, и остановилась. И сразу — тихо. Горы дышали снегом. Я улыбнулся: прощание с Дагестаном продлилось!..

Внизу, слева, летел через камни вспененный Сулак. Казалось, он только что догнал нас и теперь, сбиваясь, глотая слова, целые фразы, торопился досказать мне прекрасную легенду. Все эти дни, что довелось провести в Дагестане, я слушал Сулак, а он все рассказывал и рассказывал. И не удивительно: горы молчат, а за многие-многие века здесь произошло столько событий, и кто-то же должен о них рассказать...

Позади остались очень старый и очень гостеприимный аул Чиркей и его новый сосед, поселок строителей Дружба. Наползали тяжелые, свинцовые тучи, они с трудом переваливали через горы, цеплялись за скалы, оставляя живописные клочья на острых вершинах. Там, высоко, уже выпал снег, а здесь все льет и льет.

Мимо нас шли к Чирюрту отары. Время перегона. Движущиеся, живые острова. Мокрые, потемневшие от дождей, плотно сбитые. То и дело встряхиваются косматые и в такую погоду особенно злые волкодавы. Чабаны в тяжелых бурках, с замерзшими, мокрыми лицами. Из-под глубоких папах — острые взгляды. На шеях висят транзисторы. Овцы, овцы, отара за отарой... Вниз, вниз, к теплу зазеленевших долин. Там трава, а тут близкая зима.

Я слушал Сулак, смотрел на вечное движение овечьего потока и вспоминал оставшиеся в горах древний аварский аул и новостройку с прозаической вывеской «Чиркейгэсстрой».

...Гусейн сидел под большим орехом и слушал. Слушал, как молчат родные горы, слушал рвущийся из каменного плена непокоренный поток, редкие взрывы на стройке, слушал своих пчел. Гусейн любит слушать пчел. Они улетают далеко-далеко, и поэтому их рассказы всегда интересны. Пчелы летают к дальним липам за сладким нектаром. Но не только. Они летают далеко, будто для того, чтобы посмотреть, как пасутся овцы в горах, как тяжелеют колосья пшеницы, как взбираются по кручам взрывники-скалолазы, какие диковинные машины пришли на Сулак, какие веселые парни и девушки изучают его глубину, напор и силу. Пчелы возвращаются к ульям, и Гусейну слышится их рассказ обо всем, что увидели за аулом, за старым мостом.

Иногда Гусейн, высокий и крепкий мужчина, сам ходит к старому мосту, к развалинам древней крепости и подолгу слушает разноголосицу стройки. Он хотел бы все увидеть своими глазами, но у него их нет. Последнее, что видел Гусейн, — немец, офицер. Не страшный, нет. Иногда он даже улыбался, и это было особенно невыносимо. Когда он ударил чем-то Гусейна в правый глаз и Гусейн упал с табуретки, то и тогда он не был страшным, он только стал нетерпеливым и все повторял: «Говори! Ну, говори же! Я тебе не враг, я пришел освободить твою родину, твой Кавказ. Говори, говори, и тебе будет хорошо, очень хорошо. Говори! Или ты не любишь горы?.. Ты любишь горы, любишь, говори...»

Горы... О, как он их любит, как помнит их и любит! Сержант, обливаясь кровью, теряя сознание, старался увидеть горы, обступившие родной Чиркей. Но он видел только его, немецкого офицера, почему-то залитого красным. Стены, немец, весь мир были залиты чем-то красным. Гусейн хотел закрыть глаза и не мог...

Он очнулся ночью. То есть, может быть, и днем. Или утром, или вечером. Он тогда еще не знал, что для него теперь всегда будет ночь. Гусейн чувствовал, что широко раскрыл глаза, но ничего не видел. Горели глазницы, огнем и болью горели, но он ничего не видел. Он хотел протереть глаза руками, разодрать слипшиеся от крови веки, но протереть глаза, разодрать веки было нечем. Гусейн понял, что у него нет глаз. И нет рук. И тогда он закричал и увидел того немца. Это было последнее, что он видел, что Гусейн ясно видит и сейчас, двадцать четыре года спустя...

Гусейн Абдурахманов! Люди, узнайте это имя. Герой Чиркея — так называют Гусейна в ауле. Бывший сержант, разведчик был схвачен фашистами под Ленинградом. Всего три дня в плену, в лапах карателей. Три дня. 1, 2 и 3 сентября 1941 года... Он шел в группе разведчиков на связь с партизанами. И вся группа попала в ловушку. Отбивались красноармейцы долго и мучительно, пока руки держали автомат. Потом удар по голове — и ничего. Потом — глоток воды, штаб эсэсовцев, табуретка, офицер. Тот самый...

Его могли убить, распять, как распяли Юрия Смирнова. Ему выкололи глаза, отрубили кисти рук, но заставить говорить не смогли. Гусейна через три дня выручили свои же разведчики, русские ребята. Сейчас он любит сидеть под большим орехом. И слушать пчел. Он улыбается и вспоминает тех славных ребят, когда слышит, как старики в ауле тихо и нежно говорят: «Наш герой!..» Может быть, так оно и есть. Они мудрые, старики Чиркея. Они, их отцы, деды умели драться за родную землю, умели постоять за себя, за свои горы и обычаи, они-то знают, что значит биться насмерть. И знают, как останавливаются сердца бесстрашных воинов, бессильных отомстить врагу. За Гусейна отомстили друзья, русские парни, отомстил непокорившийся Ленинград.

А мне хочется рассказать Гусейну, как жаль мне было уезжать из его Чиркея, из поселка Дружба, и как острая радость охватила меня, когда «газик» вдруг стал посреди молчаливых гор и я понял, что пробуду на чудесной земле славного Дагестана еще несколько нежданных минут. И еще мне хочется рассказать Гусейну о «Чиркейгэсстрое», о будущей плотине, о людях, которые зажгут свет в горах. Свет и для него, Гусейна. И когда это свершится, это будет подвиг, равный ратному подвигу солдата из аварского аула Гусейна Абдурахманова!

Горцы настороженно встретили тех, кто пришел строить ГЭС на берегу Сулака. И нужно было не раз и не два собирать стариков, всех жителей аула, чтобы убедить их в необходимости строительства. Горцы Чиркея понимали, что давно пора использовать могучую силу Сулака. Но одно им непонятно: зачем должен погибнуть древний Чиркей? Да, аул, которому без малого шестьсот лет, будет затоплен. Такова судьба, определенная строгими цифрами проекта электростанции. Запертые в теснине воды бешеной реки поднимутся на много десятков метров, разольются по краям гигантской каменной чаши, и аул уйдет под волны. Немало повидал Чиркей за свою жизнь, но раз стоял насмерть в жестоких схватках с соседними аулами и далекими пришельцами. Он был свидетелем исторических событий времен Шамиля. Он помнит годы Октябрьской революции, когда большевики Буйнакский и народный герой Махач Дахадаев подняли народ Дагестана на борьбу за Советскую власть, за автономию социалистической республики. Аул и сегодня свидетель удивительных перемен.

...Настороженность и недоверие вскоре сменились у горцев острым желанием самим, своими руками покорять Сулак. Конечно, первой на стройку двинулась молодежь. В аудитории вечернего отделения Дагестанского государственного университета, открытого в поселке строителей Дружба, я познакомился с первокурсниками Абакаром Кумансаевым, Магомедом Гамзатовым, Абдуллой Гаджиевым, Ахмедом Гайчуевым и Ахмедом Алигаджиевым. Все пятеро — урожен-

Уйдет бурильщик Курахман Бадуев — и ударит взрыв.

Остатки старой крепости, будущее дно водохранилища.

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • ИНФОРМАЦИЯ

С ПРАЗДНИКОМ!

Недавно Марийская АССР отпраздновала радостное событие: за успехи в развитии народного хозяйства республика удостоена ордена Ленина. В Йошкар-Оле состоялось торжественное собрание представителей трудящихся, на котором выступил член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов.

На снимке: строители «Марстройтреста» поздравляют своего товарища Петра Павловича Николаева — в дни юбилея республики ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Фото В. Войтенко (ТАСС).

Колхоз имени Мичурина. Новая деревня в Пээтри.

Фото В. Сальмре.

ЩЕДРОСТЬ СОГРЕТОЙ ЗЕМЛИ

Говорят, что такой ранней зимы и такого глубокого снега, как нынче, не было в Эстонии целых 150 лет!

Земля напряженно трудилась все лето и еще раз подтвердила, что поля могут быть бесконечно щедрыми, если согреть их любовью и заботой. Дождливым и холодным было лето. А пашни, защищенные теплом человеческого труда, осенью возвратили это тепло урожаем: в Эстонии получено по 22 центнера зерна с гектара. А в колхозе имени Мичурина, Харьюского района, собрано с каждого гектара по 44 центнера крупного, словно из золота отлитого зерна.

Год назад в № 41 «Огонек» рассказывал читателям об этом колхозе, о его председателе Александре Яковлевиче Премете. Тогда Александр Яковлевич как об отдаленной перспективе говорил:

— Думаю, что когда-нибудь на наших полях можно будет получать и по пятьдесят центнеров ячменя: он ведь особенно хорошо родится здесь.

Всего год прошел — и вот колхоз имени Мичурина уже получил со всех 163 гектаров, засеянных ячменем, по 55 центнеров.

На сессии Верховного Совета Эстонской ССР А. Я. Премету вручили орден Ленина и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

Александр Яковлевич так рассказывает о работе колхоза:

— Нас ведь необходимость заставляет повышать урожай! Земли у нас мало, вот и приходится брать урожай не с количества гектаров, а с их качества. Я думаю, что наши земли можно еще улучшать и улучшать: хорошо возделывать, разумно удобрять. Тогда урожай еще повысится. Лучше всего на наших полях растет ячмень сорта «майя», вот мы и сеем его для кормов.

В колхозе Мичурина хорошая оплата труда. В октябре, например, было уплачено колхозникам по 3 рубля 92 копейки за трудодень. Изменился и облик сел: раньше люди жили в хуторах, далеко разбросанных друг от друга, а сейчас колхозники стали селиться вместе.

Образцовые поля, высокие урожаи, благоустроенный городок — таким будет краткий рапорт коммунистов колхоза имени Мичурина XXIII съезду партии.

Н. ХРАБРОВА, собкор «Огонька»

ФОНТАН ПОД ОСТРОВОМ

— Фонтан под островом!

Эту весть с острова Дуванный принес быстроходный катер. И все, кто находился на берегу, вспомнили недавнюю историю, происшедшую на острове.

...Незатейливы берега Кара-Дага — приземистые хаты рыбаков, плоскодонки, пляшущие на мели и где-то далеко на горизонте, словно желтая, набухшая краюха, остров Дуванный. Давным-давно здесь дуванила добычу разинская рать. Отсюда и пошло название, странное для здешних мест.

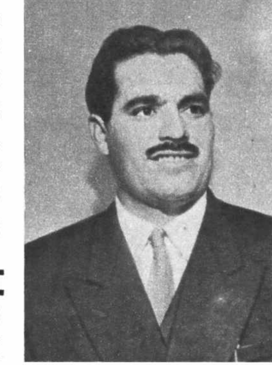
Именно этот затерянный в волнах клочок земли избрал для разведочной конторы бурения Герой Социалистического Труда Юсиф Керимов. Золотую Звезду он «выиграл» в сражении с Каспием на Нефтяных Камнях. И вот вторично морю привелось почувствовать хватку смелого разведчика.

Домики проходчиков спрятались за островным горбом, встав рядком на плоском берегу. Буровые выстроились подле, на сваях. И загремели роторы, врезались в глубины недр бурильные долота.

Однажды островок объяло пламя. Над морем прокатился грохот. Его услышали на Карадагском берегу и даже в Баку — за многие десятки километров отсюда. Вулканический выброс будто ножом отрезал ломоть островной буханки и разметал по морю. Разведчики ушли на материк, оставив лишь обугленные домики поселка.

Керимов уходил последним. Он стоял на палубе катера и улыбался. Капитан удивленно посмотрел на него.

— Чему вы радуетесь?

Герой Социалистического Труда Юсиф Керимов.
Фото К. Кузьменко.

— А знаете, капитан, это нефть подает свои позывные.

И вскоре из скважины, пробуренной рядом с Дуванным, в нескольких сотнях метров от вулканического выброса, ударил мощный нефтяной фонтан. Так полностью подтвердилось предположение геологов о богатых залежах нефти в недрах Бакинского архипелага. Ученые уже сейчас предсказывают этому району Каспия большое будущее. А пока первые скважины у Дуванного ежедневно подают многие сотни тонн нефти.

К. ВАРЛАМОВ

БХУНЕШ ГУПТА СЛЫШИТ!

Недавно в Москве, в Институте уха, горла и носа, гостю из Индии Бхунеш Гупта была сделана операция: больному возвращен слух.

Сам по себе этот факт не примечателен. Мы уже привыкли к тому, что иностранцы стремятся попасть для лечения в наши больницы. И методика хирургического лечения больных отосклерозом — нарушение подвижности слуховых косточек приводит у них к развитию тугоухости и глухоты — разработана и освоена в Советском Союзе несколько лет назад. Сегодня ею пользуются врачи и в Москве и в других городах нашей страны. Авторы этой методики удостоены Ленинской премии. Примечательно другое, операцию индийскому гостю проводили рука об руку два хирурга: лауреат Ленинской премии профессор Николай Преображенский и Сэмуэль Розен из США, один из пионеров метода хирургического лечения больных отосклерозом.

С. Розен в нашей стране третий раз, ныне — по приглашению Академии медицинских наук СССР. В Тбилиси он выступил с сообщением о своих новых работах на республиканском научном обществе отоларингологов. Доклады С. Розена слушали и в Москве; наш гость из Америки единогласно был избран почетным членом столичного научного общества отоларингологов.

У операционного стола С. Розен и Н. Преображенский.
Фото Б. Апличука.

М. МАТВЕЕВ

РУКОТВОРНОЕ ЛОЖЕ ГЕДАРА

От северо-восточной окраины Еревана к центру города, по дну глубокого Аванского ущелья, протянулась широкая асфальтовая лента. Эта городская магистраль соединила промышленные районы Еревана с новым жилым массивом Норком. Строители торопились закончить ее к празднику — к 29 ноября, к 45-летию Со-

---

цы Чиркея, все пятеро учились в ауле, и теперь все пятеро работают на площадках «Чиркейгэсстроя». Возраст разный, опыт разный, а стремление одно — стать инженерами и дать свет республике, дать воду полям и Махачкале! Абакар Кумаисаев — техник, работает в ленинградской комплексной экспедиции, в группе рабочего проекта; Магомед Гамзатов — мастер участка на строительстве компрессора; Ахмед Гайчуев — бригадир плотников. Сломленные предрассудки, годы мучительно трудного и в то же время нетерпеливого учения. И страстная мечта — стать студентом университета! Пока единицы — будут десятки. Мальчики и девочки Чиркея так и норовят убежать через старый — ему 121 год! — крепостной мост в поселок Дружба, туда, где книжные магазины, кино, а главное, мощные, никогда в горах не виданные машины. Промчится 25-тонный самосвал, шарахнется ишак, прижмется к скале, а у мальчонки дух захватит — вот такую бы машину водить!

А работы хватит всем и надолго. Сулак не так-то просто обуздать. К тому же Чиркейгэс — одна из десяти электростанций, которые должны быть построены по проекту Сулакского каскада. Плотины поднимут воду и напоят богатые долины Дагестана, а электропровода, которые опояшут горы у древних стен Чиркея, образуют энергомост между Бакинской и Северокавказской энергосистемами. Вот почему строители так назвали свой поселок — Дружба.

О дружбе народов, о побратимах из Ленинграда, о парнях с трассы Абакан — Тайшет думает Гусейн, слушая мохнатых золотистых пчел. Те же ребята или дети тех, кто вырвал его из фашистского капкана, лечил в голодном, блокадном Ленинграде, вывез через огненное кольцо в Москву, кто поставил изувеченного солдата на ноги, вернул ему горы и веру в жизнь. Он не пожалел света своего для жизни города Ленина. Город Ленина прислал проект и инженеров, которые зажгут огни в горах! Гусейн увидит их. Сердцем.

И тогда улыбнутся старики Чиркея. Им ведь труднее всех: они должны уйти с молодыми на новое место, на равнину, а это нелегко. Нет, они знают, там лучше. Но нелегко покинуть старые сакли, священные могилы предков, камни старой мечети. Аул над Сулаком — удивительный памятник старины. Покинуть это все нелегко. Но старики мудры, и это примиряет их с молодостью. Старый человек, участник революционных событий Дадагиши Шахбанов говорил мне:

— Махача знаешь? Горный орел. Мы махачевцы! В Чиркее у него есть родственники. Больше семисот человек из аула дрались с бандами Гацинского. За Советскую власть. Когда-то наши деды ушли

СНИМКИ ДЕЛАЕТ «КОСМИК»

29 ноября в Гааге открылось коммерческое бюро «Ист Вест» по продаже советских фото- и киноаппаратов.

— «Космик-35» — хороший товар. За него стоит платить деньги...

Эти слова сказал английский фотолюбитель, господин Фогет. Его привел в Москву оригинальный конкурс, который был объявлен лондонской торговой фирмой «Техникал энд оптикал эквипмент», занимающейся реализацией советских камер в Англии. Господин Фогет — один из призеров конкурса. Условие конкурса? Авторы десяти лучших снимков, сделанных «Космиком-35» — под таким названием продается в Англии наша фотокамера «Смена-8», — получают приз — бесплатную поездку в СССР. Нужно ли говорить о популярности конкурса? Стоит ли напоминать, как трудно было добиться победы в нем, — ведь компания приобрела несколько десятков тысяч советских фотокамер...

Успех английского конкурса заинтересовал и голландские фирмы, которые торгуют нашими фотоаппаратами. Они тоже провели подобное соревнование. Счастливые его победители недавно уехали из Москвы на родину, полные впечатлений, которые им помогут сохранить фотографии, сделанные «Зоркими», «Зенитом» или «Кварцем».

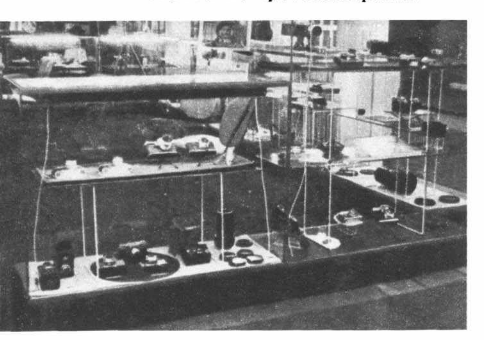
— В последнее время наша промышленность расширила ассортимент и многое сделала, чтобы повысить качество фото- и киноаппаратов, — рассказывает заместитель председателя Всесоюзного внешнеторгового объединения «Машприборинторг» Дмитрий Васильевич Петров. — Пополнилось семейство «Зенитов», «Зорких», появились «Кварц-2», «Кварц-3», «Лада»...

Популярность наших фотокамер растет с каждым годом. В Англии сейчас свыше трех тысяч магазинов продают наши фото- и кинокамеры. В Голландии — более полутора тысяч. Мы надеемся, что наши заводы скоро дадут для экспорта новые, технически совершенные модели...

В начале этого года на одной из деловых улиц английской столицы открылся демонстрационный зал, который занимается продажей только советских кино- и фотоаппаратов и оптических приборов. А крупнейший фотографический журнал «Аматер фотографер» на обложке сентябрьского номера утверждает: «Сегодня лучше всего купить что-то русское».

Советские фотокамеры все увереннее завоевывают международный рынок. Недавно витрину одного английского фотомагазина украсила такая реклама: «Покупайте советские камеры! Ведь именно они позволили получить первый «портрет» Луны».

К. КИРЛОВ

На выставке в голландском городе Утрехте были представлены советские фотоаппараты.

Так рекламирует зарубежная пресса советские фотокамеры.

ЭТО БЫЛО ПОД СОКОЛОВО

На днях генералу армии чехословацкой Народной армии Людвику Свободе в связи с его семидесятилетием было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

8 марта 1943 года под деревней Соколово, недалеко от Харькова, принял свой первый бой чехословацкий батальон, сформированный из патриотов, пожелавших с оружием в руках бороться за освобождение своей родины. Этим батальоном командовал полковник Людвик Свобода. 19 сожженных танков и более четырехсот убитых солдат оставили тогда гитлеровцы на поле боя.

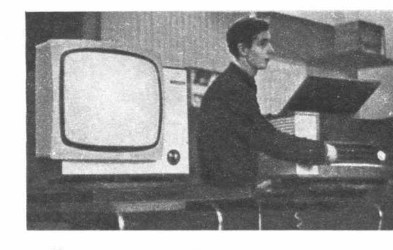
Вскоре батальон стал бригадой. А когда в мае 1945 года советские войска вошли в освобожденную Прагу, рядом с ними были их братья по оружию — бойцы 1-го чехословацкого корпуса под командованием Людвика Свободы. Этот снимок сделан мною в марте 1943 года — Л. Свобода в районе деревни Соколово под Харьковом.

О. КНОРРИНГ

А НАЗВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ...

Мало кому знаком телевизор, носящий поэтическое название «Вечер». Первая партия — триста штук — лишь недавно появилась в квартирах ленинградцев. И на завод имени Козицкого, чья марка стоит на «Вечере», пришло множество благодарственных писем. «Вечер» — первый отечественный телевизор на полупроводниках. Он в два раза меньше потребляет электроэнергии и раз в пятнадцать надежнее лампового. Особое приспособление дает возможность записывать звуковое сопровождение телевизионных передач на магнитофон. Деревянный футляр, отделанный ореховым шпоном, установлен так, что телевизор можно поворачивать вокруг вертикальной оси.

«Вечер» побывал на многих зарубежных выставках — в США, Турции, ФРГ, Бельгии, Голландии, Франции — и всюду привлек к себе внимание.

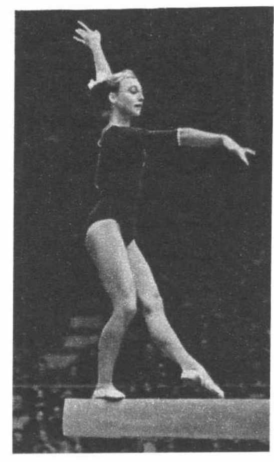

Телевизор «Вечер» в магазине «Экран» на Невском проспекте. Фото Н. Ананьева.

Скоро «Вечер» будет запущен в серийное производство. Вслед за ним завод начнет выпускать телевизоры «Вальс». Схема его аналогична «Вечеру».

К. ЧЕРЕВКОВ, собкор «Огонька»

ЧЕМПИОНЫ — ВПЕРВЫЕ

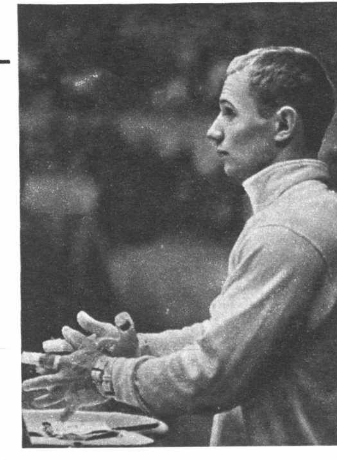

Фото А. Бочинина.

В Москве финишировал XXXIII лично-командный чемпионат страны по гимнастике. После шестидневной борьбы победила команда Москвы, но в личном первенстве успеха добились молодые гимнасты из Ташкента и Ленинграда. Сергей Диамидов и Наташа Кучинская впервые завоевали золотые медали.

(В одном из ближайших номеров «Огонек» подведет итоги большого гимнастического года в обозрении С. Токарева «Незнакомые все лица».)

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • ИНФОРМАЦИЯ

ветской Армении. Дорогу ереванцы построили за три месяца и десять дней.

— Мы никогда не уложились бы в такие короткие сроки, если б нам не помогал весь город, — рассказывает первый секретарь Ереванского горкома КПСС Бадал Амаякович Мурадян. — Строители, помимо дороги, занялись еще и руслом реки Гедар. Эта маленькая и как будто безобидная речушка весною бывает очень коварной. Вот и пришлось проложить для нее бетонное ложе.

Вместе с главным архитектором Еревана Э. А. Папяном мы едем по новой дороге в Норк.

— Еще недавно Норк был излюбленным дачным районом ереванцев, — сказал Эдуард Арменакович. — Местность изрезана оврагами, ущельями, и сама природа, создав такой сложный рельеф, как бы подсказала нам оригинальную планировку этого жилого массива. Норк будет состоять из нескольких обособленных островков.

Л. ГОРОВА

На снимке: Вот так стоилась Аванская магистраль. Фото Н. Багдасарова.

в горы, думая, что они неприступны. Но гору можно обойти. Можно гору убрать совсем с дороги, ты это знаешь. Но нельзя остановить реку. Нельзя остановить время!

Нельзя остановить время. А ускорить его бег можно. О стремительном времени подолгу говорили мы с председателем сельского Совета Нуржан Гуцаловой — она же заместитель председателя Верховного Совета республики — и с парторгом чиркеевского колхоза Тагиром Ахмедзияутдиновым. Они рассказали мне о своем народе, его обычаях.

Когда-то разобщенные горцы, промышлявшие скотоводством или торговлей, теперь образуют крепкую, дружную семью. Кумыки, аварцы, лезгины, даргинцы, лаки, табасараны давно живут новой жизнью. Основа ее заложена в бывшей Темир-Хан-Шуре, ныне Буйнакске, где 13 ноября 1920 года Чрезвычайный съезд народов Дагестана принял Декларацию о советской автономии. Это было великим завоеванием горцев и высоким актом доверия рабоче-крестьянской России.

...Горы молчат, но они многое помнят. В 1908 году жители аула Кумух просили губернатора открыть читальню, где «будут дозволенные цензурой книги, выписанные журналы и газеты». В ауле было семь мечетей, грамотные просили открыть одну читальню. На их прошение легла резолюция начальника округа: «Сие занятие считаю вредным, ненужным, от него будет только одна морока, и поэтому ходатайство прошу отклонить». Губернатор отклонил.

Мне рассказали на горной дороге, что сейчас в Кумухе, далеком горном ауле, есть несколько библиотек, Дом культуры с читальным залом, средняя школа, государственный национальный театр имени Эффенди Капиева, два кинотеатра. И как ни привыкаешь к цифрам нашего времени, а все же удивительным кажется тот факт, что только из одного этого аула вышли сорок докторов и кандидатов наук! Свыше восьмисот жителей аула за годы советской автономии получили высшее образование, только в аспирантуре сейчас учатся сорок человек. Такими же «поставщиками» технической и творческой интеллигенции стали лезгинский аул Аты, аварские аулы Чиркей и Чох, кумыкский аул Аксай, даргинский — Урахи...

...Трудно прощаться с горами, удивительно по-разному, очень ярко окрашенными глинами. Даже ноябрьское ненастье не может разрушить их величавую, торжественную красоту. Грохочет Сулак, спешит досказать то ли легенду, то ли быль. Но пора прощаться. «Газик» снова стал на все четыре. Коротний сигнал, шарахаются овцы, жмутся к скале. Все ближе, ближе зеленая долина, зеленый Каспий...

9 ДЕКАБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 70 ЛЕТ ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИСПАНИИ.

ПЛАМЕННАЯ

С внуком Федей.

Когда я вышел от Долорес Ибаррури, я попытался представить себе снова ее облик и вдруг поймал себя на мысли о том, что не могу вспомнить, какие у нее волосы. Они должны были быть посеребренными годами. Должны были быть. Но я не запомнил этого.

Там, в доме, передо мной сидела женщина, чье имя — легенда, та, которую знает весь мир, кого боятся враги и кого так любят друзья. Эта женщина была полна энергии, она говорила, сопровождая слова жестами, плавными и широкими, жестами, знакомыми по кинохроникам, еще тем, далеким, когда люди с замиранием сердца переживали борьбу испанского народа, который сражался за свободу. Удивительными были ее глаза: строгие, они то горели, то были задумчивыми, то грустили. И совсем необыкновенными становились они тогда, когда Долорес смеялась. Тогда в них одновременно появлялись веселая лукавинка, добрая усмешка и какое-то смущение, тоже доброе и очень человечное. И разговор начался с улыбки, со смеха. Долорес рассмеялась в ответ на вопрос: что чувствует она в канун своего юбилея?

— Я даже не помню, что мне семьдесят,— сказала она.— Когда есть возможность работать и работается, тогда годы ничего не значат.

Разговор как-то сам собой обратился к тем далеким временам, когда в Испании в семье шахтеров-католиков жила-была девушка по имени Долорес, которая считала, что мир таков, каким он должен быть. Она росла в том районе страны, где рабочие активно вели борьбу, но не сразу поняла свое место в ней.

Переломным был 1917 год.

В революционные дни августа, рассказывает Долорес, она участвовала в этой борьбе «так, как все женщины». Она готовила взрывчатку, распределяла оружие среди рабочих.

— Октябрьская революция 1917 года в России стала для меня откровением,— говорит она.— Это был рубеж. И с тех пор борьба за то, чтобы покончить со старым, борьба, которой отдано пятьдесят лет. И эта борьба была нелегкой.

И снова становятся задумчивыми глаза. Долорес вспоминает, как в Испании создавались группы друзей русской революции, которые потом стали называться группами друзей Интернационала, как молодежь, вышедшая из Социалистической партии, создавала партию испанских коммунистов.

— Наша партия была всегда молодой. И сейчас в ней основной состав — люди 20—25 лет. А вообще молодость у коммунистов — черта характера.

Потом Долорес рассказывает о тех героических днях, когда весь мир следил за событиями в Испании. Триста тысяч человек насчитывала тогда КПИ. И большинство из них были на фронтах. Коммунисты стали в те дни душой и направляющей силой борьбы. Они закалили народ, и не случайно партизанское движение в Испании после победы франкистов не прекращалось еще долго. Долорес вспоминает эпизоды гражданской войны:

— Самые волнующие дни для коммуниста нашей страны — это дни нашей борьбы. Разве забудется героизм того незабываемого времени! Я помню простого крестьянина из-под Мадрида, неграмотного, который подбил четыре итальянских танкетки. Как спокойно и просто рассказывал он об этом! В борьбе с танками огромную услугу оказал нам фильм «Мы из Кронштадта». Помните, как там человек идет на танк! После этого фильма и у нас перестали бояться танков.

В рассказе Долорес нет ни слова о ней самой. Но кто забудет Пасионарию, чьи слова «Лучше умереть стоя, чем жить на коле-

ПОБЕДНЫЙ МАРШРУТ БОРИСА СПАССКОГО

С. ФЛОР, международный гроссмейстер

После восьми встреч счет был еще ровный — 4 : 4. Казалось бесспорным, что только последняя, двенадцатая партия даст окончательный ответ на вопрос: Спасский или Таль? Но двенадцатая партия не состоялась, ибо Борис Спасский досрочно выполнил план!

Чем объяснить такой неожиданный перелом, такой разгром Михаила Таля на финише? Точного ответа нет, ибо сам Таль говорит: «Непонятно!» Кто прав — так это Керес, который еще до матча заявил, что Спасский играет почти безошибочно. И действительно, только в двух партиях Спасский допустил заметные ошибки: во второй (за что и был наказан) и в шестой, в которой записал слабый ход.

Ошибки Спасского нужно искать с большой лупой, а промахи, допущенные Талем, на пальцах не пересчитать. Причем большинство просчетов Таль допустил в простых позициях.

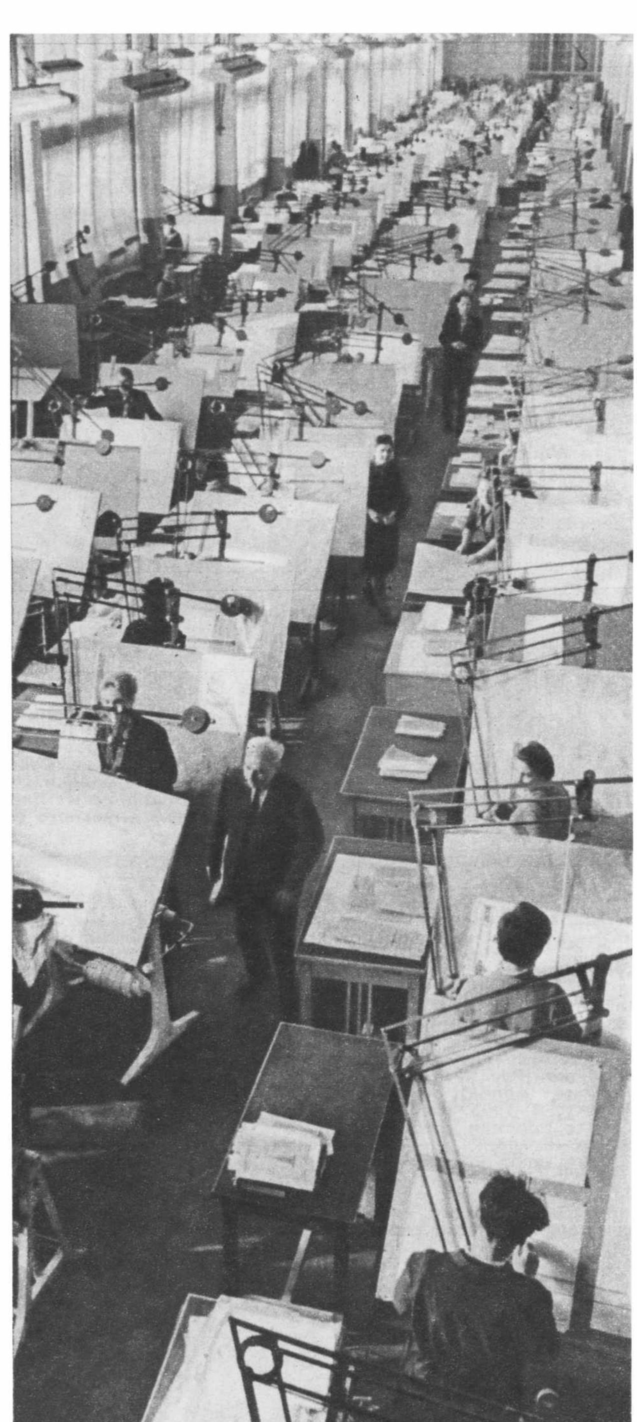
Но для чего допустил Таль простые позиции? В том-то и дело, что не он их допустил, а Спасский навязал их с большим искусством. Теоретическая и психологическая подготовка бригады Спасский—Бондаревский была как нельзя лучше продумана. Экс-чемпион мира шутливо упрекнул Бондаревского, что он является основным виновником его катастрофы. На берегу Черного моря, где Спасский готовился к матчу, у Таля было выбито из рук его основное оружие: ход е2—е4.

Таль шесть раз двигал в атаку королевскую пешку, принесшую ему в прошлом так много побед. На сей раз атаки Таля не состоялись. Три партии закончились его поражением. Это поражение в творческом споре привело также к поражению в спортивном конфликте.

Несомненно, что Борису Спасскому очень хотелось завоевать право оспаривать титул чемпиона мира. Это право он завоевал абсолютно заслуженно, убедительно. По маршруту Харьков — Ленинград — Москва — Амстердам — Рига — Тбилиси Спасский сыграл около 120 партий!

Что теперь? Отдыхать, восполнять потерянную энергию? Нет. Оба гроссмейстера рвутся в новые бои. Так, например, Борис Спасский собирается участвовать в конце года на турнире в шахматном городе Гастингсе (Англия), а затем ему предстоит матч с Тиграном Петросяном. Москвичи будут иметь удовольствие увидеть дуэль этих двух сильнейших шахматистов мира в будущем году.

Тбилиси (по телефону).

ЛЕТОПИСЬ ПРЕДСЪЕЗДОВСКИХ ДЕЛ

ПОЛВЕКА —

На том месте, где сделаны эти снимки, полвека назад стояли полукустарные мануфактуры. Их продукция — нехитрые электрические «руки» — маломощные двигатели. Сейчас тут Харьковский электромеханический завод. Он выпускает точнейшие механизмы для автоматического управления станами, слябингами, мартенами, короче говоря — новейшие...

Наш корреспондент взял короткое интервью у директора ХЭМЗа Алексея Ивановича Якунина, которому недавно присвоено звание Героя Социалистического Труда. Речь шла о системе поточной организации производства с обширной номенклатурой изделий, которую разработал и внедрил Якунин.

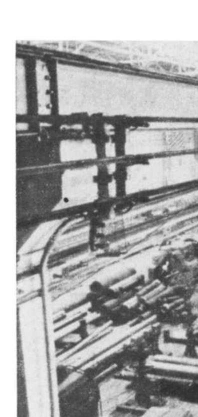
— В ЧЕМ НОВИЗНА ЭТОЙ СИСТЕМЫ, АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ?

— Если сопоставить работу двух заводов, нашего и, например, трак-

◀ Так выглядит конструкторское бюро Харьковского электромеханического завода.

Фото А. БОЧИНИНА.

Это лишь один из цехов ХЭМЗа... ▶

ням» стали лозунгом всех антифашистов!

— Мы гордимся своей борьбой, в те дни мы показали, что против фашизма можно бороться и побеждать,— произносит Долорес.

Долорес переходит к сегодняшней Испании, где коммунисты по-прежнему в первых рядах бойцов за свободу народа. Эта борьба не менее трудная, чем та, что шла в тридцатых годах. И здесь коммунисты тоже одерживают победы. Забастовки горняков в Астурии, создание рабочих комитетов в противовес франкистским профсоюзам, студенческое движение и многое другое, что происходит сейчас в Испании,—это новые фронты борьбы.

— Мы ставим вопрос о замене диктатуры в Испании демократическим строем,— говорит Долорес.— Наша политика направлена на достижение единства со всеми силами, которые выступают за структурные изменения в Испании.

Очень теплые слова находит Долорес, когда она говорит о молодежи своей страны, о ее борьбе.

— У нашей молодежи огромный интерес к Советскому Союзу. Мы по-настоящему гордимся, что наша работа в этом отношении не была напрасной. Советский Союз, первая страна социалистической революции, живет в сердцах трудящихся, и ничто не может ее вырвать оттуда.

Долорес Ибаррури, Пасионария, словно воплотившая всю боль Испании, весь героизм ее народа, всегда вместе со своей страной. И когда я спрашиваю ее, как понимает она слово «счастье», она отвечает:

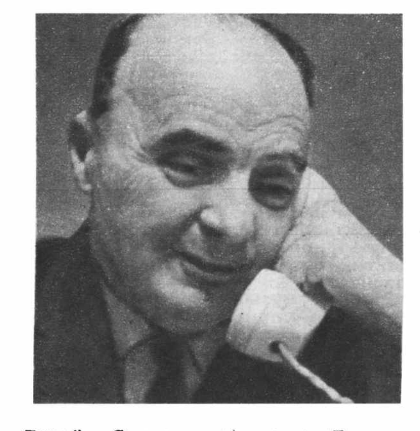
— Для меня счастье — это работа и борьба за счастье других. Когда человек страдал, когда он знает, что такое трудности жизни и борьбы, он должен бороться за счастье людей.

Александр СЕРБИН.

Saludo cordialmente
a los lectores de Огонёк
y les deseo todo genero
de felicidades
Afectuosamente
Dolores Ibarruri

СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК». Я ЖЕЛАЮ ИМ ВСЯЧЕСКОГО СЧАСТЬЯ.
С ЛЮБОВЬЮ
ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ.

НАЧАЛО!

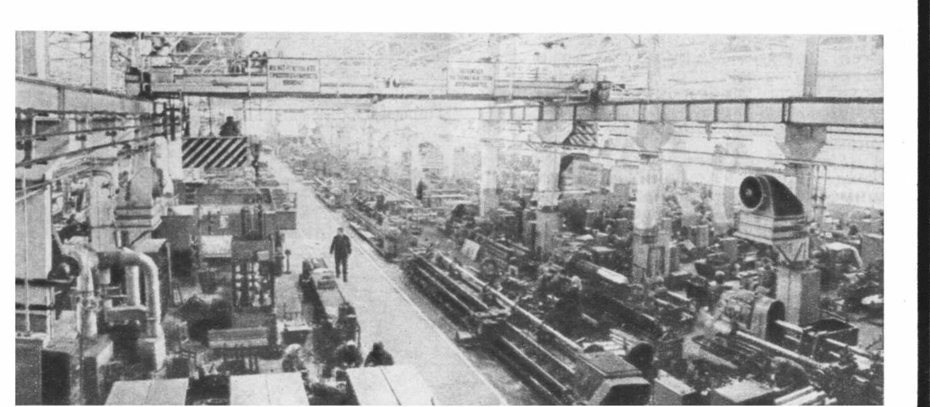

Герой Социалистического Труда А. И. Якунин.

торного, то мы явно остаемся в проигрыше. Там, где есть стабильная программа (сегодня трактор, завтра трактор и через месяц тоже), позволяющая организовать поток, показатели хозяйствования выше, богаче. А попробуйте поставить на поток наши агрегаты, когда их объединяет лишь название и запуск каждой новой машины чуть ли не полная перестройка производства! Никто об этом всерьез и говорить не хотел! Я давно изучал опыт советских и зарубежных предприятий, искал рациональное зерно. В 1957 году в одном из реконструированных цехов завода мой план стал воплощаться в жизнь. «Ребенок» оказался своенравным, все старался проявить свой капризный характер. Строгая научная организация труда облагоразумила строптивца. По-новому разместили оборудование, организовали поток и составили программу с максимально допустимой в наших условиях стабильностью. Результаты превзошли ожидания. За два года выпуск продукции вырос в два раза, производительность труда поднялась на семьдесят процентов.

— ЧТО БУДЕТ В ДАЛЬНЕЙШЕМ СДЕЛАНО В ЭТОМ НАПРАВЛЕНИИ?

— Первая ласточка, говорят, не делает весны, для нас же успех был подобен весенней реке, сломавшей лед неуверенности. Сейчас расширяем свой опыт, организуем крупное поточное производство станции автоматического управления. Большую часть работы закончим к открытию XXIII съезда КПСС. На тех же площадях выпуск продукции возрастет на 60 процентов, а производительность труда — на 50 процентов. И это вполне под силу коллективу нашего завода, награжденного недавно орденом Ленина.

«Теперь и отныне эта страна принадлежит нам. И мы отсюда не уйдем — ни мы, ни наши потомки».

(Из завещания Сесиля Родса.)

«В 1888 году колониальный авантюрист Сесиль Родс приобрел для Британской империи большой район к западу от озера Ньяса. Позже в его память этот район был назван Родезией».

(Из справочника.)

«Первые колонисты уже отправились в Центральную Африку. Пока лишь четыре тысячи. Надеемся, что поток наших предприимчивых соотечественников возрастет»

«Таймс», 1889 г.

«217 тысяч белых поселенцев владеют пятью шестыми земли. Четырем миллионам африканцев принадлежит одна шестая».

(Из газет.)

Дм. ВОЛЬСКИЙ, Вик. КУДРЯВЦЕВ

К открытию центральноафриканской выставки в Булавайо было все готово. Разомлевшие от жары и пыльной духоты директора павильонов, стендисты и гиды в последний раз проверяли, все ли на месте. Самым большим был британский павильон. Он расположился в центре выставки, над ним реял «Юнион джек»: на флаге рядом соседствовали родезийский и британский гербы. Острым шпилем уперся в небо павильон Соединенных Штатов. Свирепо взирал на зеленые холмы Африки западногерманский орел. Приземистый павильон Испании пестрел портретами Франко. Из итальянского доносились томные звуки «Санта Лючии». Выставку наводнили толпы европейских и американских бизнесменов. Они съехались сюда, в Булавайо — крупнейший промышленный центр страны,— за «длинной прибылью». Южная Родезия переживала колониальный бум. Заключались крупные сделки на продажу табака и мяса, образовывались новые акционерные общества по эксплуатации медных рудников, месторождений алмазов. Четыре миллиона африканцев гнули спины на заводах и фабриках, на полях и в рудниках, добывая богатства страны, оседавшие в банках Лондона, Нью-Йорка, Рима и Бонна.

«МЕНЯ ЭТО НЕ СМУЩАЕТ»

У входа на выставку собрались иностранные журналисты. Сегодня каждому из них позвонили по телефону из канцелярии премьера: «Если хотите опередить своих коллег, приезжайте на открытие выставки. Г-н премьер-министр сделает историческое заявление». И вот полдень. Солнце жжет немилосердно. Наконец прибыл Смит. Высокий, сухопарый, рыжеватый премьер-министр выходит на трибуну. Вокруг теснятся джентльмены в белых костюмах, грузные торговцы хлопком с сигарами во рту, плантаторы в старомодных пробковых шлемах. Они не меньше журналистов ждут «исторического заявления». Уже давно они делают ставку на этого человека. Те из них, кто ворочает миллионами, лично знают премьер-министра. Еще два месяца назад они собрались у него на уединенной даче в 40 километрах от Солсбери. В тенистом саду кричали павлины, в замкнутых вольерах беспокойно ходили зебры. Гости — представители 30 семейств, правящих Южной Родезией, — собрались за коктейлем в беседке, увитой плющом и красными цветами карюбье. У ног Смита лежали две любимые его собаки — сенбернары Боб и Шипс. Хозяин поставил вопрос резко:

— Или мы встанем плечом к плечу против черномазых, либо нас захлестнет волна с Севера. Наша партия Родезийский фронт объединяет самых решительных защитников европейской Африки. Наша программа: полностью ввести апартеид. Южноафриканский опыт — это наше достояние.

— А как же Лондон? Обязательство перед короной? — спросил кто-то.

— Освободиться полностью. Родезия должна быть независимой. На Даунинг-стрит нас поймут. А

если поворчат, то только для порядка.

Это было в марте. И те, кто был тогда на вилле у Смита, знают, что он скажет сегодня, в этот жаркий майский день. Смит поднимается на трибуну. Толпа затаила дыхание.

— Мы намерены провозгласить независимость Родезии! — почти кричит Смит.— Спасем белую цивилизацию!

Белая толпа рукоплещет. Вот оно, историческое заявление. Теперь черным каюк... За этим последует чрезвычайное положение. Пусть теперь кто-нибудь из них осмелится потребовать выборов «один человек — один голос». Этот наведет порядок.

Смит покидает трибуну. На помост взбирается какой-то парень в расстегнутой рубашке. В его руках плакат с надписью «Родезия для родезийцев». Он закрывает им английский герб на родезийском флаге, висящем на перилах трибуны. Ему свистят в знак одобрения.

Речь Смита транслировалась по радио. Ее слушали и те, кого не пустили на выставку, те, кто знает эту страну не как Родезию, но как свою родину — страну народа Зимбабве. В пыльных, «черных» кварталах Солсбери, фабричных бараках Булавайо, в хижинах на берегу Замбези африканцы слушали главаря расистов. Они сжимали кулаки, гневом наполнялись их сердца. Уже через час после окончания речи в пригороде Булавайо Мопопомо, в Солсбери и Гвело произошли кровавые столкновения полиции с демонстрантами. На африканцев были спущены собаки. Люди, обливаясь кровью, падали на землю. Их топтали ногами, били прикладами. Десятки темнокожих людей были покалечены. Тысячи брошены в тюрьмы.

Утром, читая сообщение министра внутренних дел о «предупредительных операциях», Ян Смит улыбнулся: «Я этого ждал, меня это не смущает».

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

В Лондоне сообщения печати о заявлении Смита почти совпали с получением шифровки от британского губернатора колонии Гиббса.

Ян Смит любит фотографироваться с ружьем в руках.

Не успело еще собраться экстренное заседание кабинета, а в сером здании на Даунинг-стрит уже появился элегантный старик с тростью с золотым набалдашником. Подчеркнуто вежливый и несколько церемонный. Это был маркиз Солсбери — «однофамилец» главного города Южной Родезии. Впрочем, с этой страной его связывали не только сентиментальные мотивы. Его семья владела львиной долей акций в «Бритиш саут Африка». Перед маркизом легко открывались двери канцелярий и приемных. В 10 часов утра он вошел в кабинет министра по делам содружества наций Боттомли...

За спиной маркиза Солсбери стояли деловые круги, имеющие интересы в Родезии, пайщики «Танганьика концернс», «Бритиш даймонд» и других. Он возглавляет крайне правое крыло консервативной партии. Известны были его связи в Мадриде и Лисабоне. Беседа с Боттомли продлилась два часа. Одновременно других членов кабинета посетили делегации акционеров, вкладывавших деньги в родезийскую медь.

...Заседание кабинета протекало в напряженной обстановке. С одной стороны, лейбористское правительство боялось скомпрометировать себя прямой поддержкой зарвавшихся расистов, а с другой — создание крепкого заслона против освободительного движения имело явно привлекательную сторону для Англии, да и нельзя было не считаться с давлением Сити и «родезийского лобби» в парламенте.

— Мы должны проплыть между Сциллой и Харибдой,— со вздохом сказал один из министров.

Этот курс и был избран. После бурного пятичасового заседания приняли решение: пригласить Смита в Лондон на переговоры и попытаться уговорить его... повременить,— «независимая Родезия» была явно не ко времени.

В день прибытия Смита лондонский аэропорт был расцвечен британскими и родезийскими флагами. Оркестр исполнял гимн «Боже, храни королеву». По пути следования кортежа английские нацисты устроили приветственную демонстрацию. Стены домов пестрели надписями: «Поможем Смиту!», «Не оставим белых братьев в беде!», «Смерть черным коммунистам!». Смит был растроган: «Я знал, что у меня здесь много друзей».

Манифестанты, требовавшие обуздать колониальных ультра, пытались сказать свое слово расистам. Но их не пустили «во избежание инцидентов». Смит отказался от официальной резиденции и поселился в имении маркиза Солсбери. В ожидании начала переговоров он коротал время с друзьями из консервативной партии за стрельбой по движущимся целям (в чем он считается большим мастером) и игрой в гольф. Смит не торопился. Когда открылись переговоры, он подолгу опаздывал на очередные встречи, заставляя ждать своих собеседников иногда целых два часа.

Переговоры велись втайне, но только с английской стороны. Появляясь перед журналистами, Смит с ухмылкой сообщал:

— Меня опять уговаривали.

— А вы?

— А я не соглашался...— И он отправлялся обедать в один из фешенебельных ресторанов Лондона.

Уговоры ничего не дали. Перед отлетом Смит сделал еще один эффектный жест.

— Рубикон перейден. Независимость — вопрос времени,— сказал он, поднимаясь в салон самолета.

ЧЕРНЫЙ ЧЕТВЕРГ

Самолет, зафрахтованный Смитом, приземлился на аэродроме в Солсбери.

А в его резиденции уже собрались министры и крупные чиновники. Они ждали подробного доклада о лондонских переговорах. Собственно говоря, все уже было ясно, провозглашение независимости предрешено, нужно было только подтверждение, что английское правительство будет смотреть на расистскую провокацию сквозь пальцы. И не удивительно, что совещание Смита с его коллегами длилось совсем недолго. Вскоре распахнулись двери, и поджидавшим у них корреспондентам сообщили: решение провозгласить независимость «в принципе» принято, но официально об этом «будет объявлено позднее».

Телеграмму с этим сообщением, помеченную грифом «срочно», тут же получили на Даунинг-стрит, 10, в Лондоне. Нельзя сказать, чтобы она не вызвала здесь беспокойства. Зарвавшиеся расисты явно грозили сорвать сложную паутину, которую плетут многоопытные английские колонизаторы в Африке. И наспех упаковав чемоданы, сам Гарольд Вильсон вместе с министром Боттомли отправился в Солсбери. Здесь повторился тот же спектакль, который незадолго до этого разыграли в Лондоне. Смита увещевали — он настаивал на своем. Ему предлагали различного рода замысловатые компромиссные проекты — Смит взамен не предлагал ничего. Он все больше убеждался, что Лондон не станет всерьез противодействовать его замыслу, и решил идти напролом.

С утра в четверг, 11 ноября, на радиостанции в Солсбери, как и всегда, сотрудники дежурили у телетайпов, сортировали информацию, готовили очередные передачи. Но нарочный, прибывший из резиденции премьер-министра, отдал распоряжение давать в эфир только «торжественную музыку». Жители города почувствовали: что-то готовится. В учреждениях прекратилась работа, с вокзала перестали отходить поезда, на аэродроме было объявлено, что ввиду «нелетной погоды» рейсы отменяются. Люди собрались у радиоприемников в тревожном ожидании.

И вот после длительной паузы прозвучал знакомый родезийцам скрипучий баритон Яна Смита:

— Путы сброшены, независимость провозглашена. Полиция и армия готовы принять меры против любых лиц, которые попытаются вызвать беспорядки...

«ПРОКАЖЕННЫЕ»

Очевидцы рассказывают, что Смит в тот день выглядел «усталым и опустошенным» и в голосе его «не слышалось торжества». Расистский главарь знал, что попустительство Англии и Соединенных Штатов — еще далеко не гарантия безнаказанности, он не мог не понимать, что, бросая перчатку африканцам в собственной стране, всей освобождающейся Африке, мировому общественному мнению, родезийское правительство ставит себя в положение «прокаженного» на международной арене.

Правда, кое-кто попытался помочь ему, оказать поддержку. На чрезвычайном заседании Совета Безопасности, созванном в связи с событиями в Родезии, английский представитель во время перерыва отводил в сторону то одного, то другого африканского делегата, уговаривая их выхолостить проект резолюции, внесенный рядом стран Африки. Такой же нажим оказывали и американские представители. Но тем не менее Совет Безопасности принял резолюцию, предусматривающую экономические санкции против родезийских расистов, и в частности прекращение поставок им нефти.

Как же восприняли эту резолюцию в конторах западных компаний, делающих бизнес в Родезии? Некоторые журналисты поинтересовались этим и встретили там по меньшей мере прохладный прием. В самом Солсбери им удалось кое-что выудить только у одного крупного западного дельца — Хэмфри Уайтуика, возглавляющего английскую Корпорацию по осуществлению новых проектов в Родезии. Нехотя отвечая на вопросы, он процедил сквозь зубы:

— Мы не можем примешивать к своим делам политику...

И дал понять, что нефтяные и другие фирмы Запада постараются обойти резолюцию Совета Безопасности.

Сладкой музыкой звучат для Смита и ему присных подобные заявления. Но им все чаще приходится слышать другие — тревожные и грозные для них голоса. Президент Ганы Кваме Нкрума предложил, чтобы Организация африканского единства создала особые воинские формирования для защиты прав коренного населения в Родезии. В Африке этот призыв встретил благоприятный отклик, в некоторых странах уже предпринимаются практические шаги. Важная поддержка для них — позиция социалистических стран, прежде всего Советского Союза, который заявил, что не признает незаконного расистского режима и будет сотрудничать с африканскими государствами в оказании всемерной поддержки в справедливой борьбе народа Зимбабве за свободу и подлинную независимость.

— Мы знаем, что не останемся одинокими,— заявил один из лидеров африканского населения Родезии, когда стало известно о провозглашении Смитом независимости. Буквально на следующий же день в родезийских городах снова начались волнения. Центром их по-прежнему является Булавайо — город, где томятся в заключении многие руководители освободительного движения. С ревом проносятся полицейские «джипы» — а в них летит град камней. Надсмотрщики на фабриках в бессильной злобе ходят по опустевшим цехам — у многих станков нет рабочих, они бастуют, протестуя против расистского самоуправства. Льется кровь — полицейские то и дело открывают стрельбу по демонстрантам. Школьников, участвующих в шествиях протеста, подвергают на площадях массовым поркам.

У народа Зимбабве, у всей освобождающейся Африки крепнет решимость сорвать кандалы и судить справедливым судом кровавые злодеяния расизма.

Фото ТАСС, ЮПИ, журнала «Штерн», В. Кузьмина.

На советской торгово-промышленной выставке, которая открылась в Копенгагене,— автомобили, строительные машины, радиоприемники, продукция лесной и целлюлозно-бумажной промышленности и многое другое. Датчане узнали и о достижениях Советского Союза в области мирного использования атомной энергии, исследования космического пространства. А те, кто присутствовал на открытии, смогли даже получить автографы советских покорителей космоса — Павла Беляева и Алексея Леонова, которые прибыли в Копенгаген как почетные гости выставки. ►

▲

Лизелотт Херфорт, ученица известного физика Гейгера, возглавляет институт радиоактивных изотопов в Дрездене. Недавно она стала первым ректором-женщиной высшего учебного заведения в Германской Демократической Республике, возглавив Дрезденский технический университет.

Профессор Курт Швабе тепло поздравил свою преемницу.

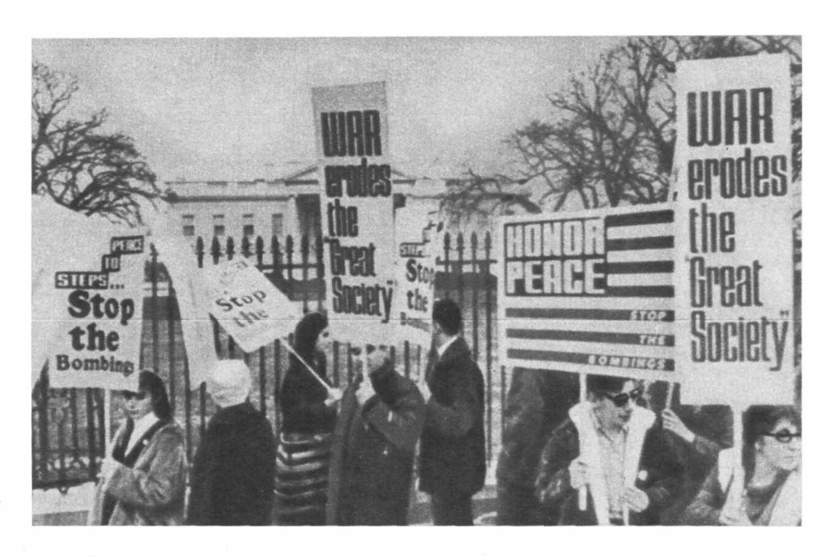

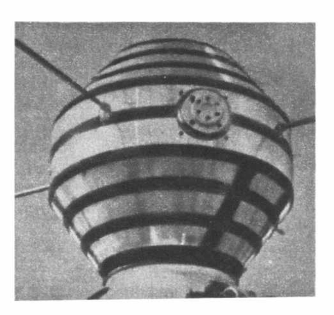
В Москве состоялся митинг, посвященный Дню массовых действий солидарности с борющимся народом и молодежью Южного Вьетнама. Горячими аплодисментами встретили его участники выступление главы представительства Фронта национального освобождения Южного Вьетнама в СССР Данг Куанг Миня. Советские люди, выступившие на митинге, заклеймили позором варварство американских империалистов в Юго-Восточной Азии.

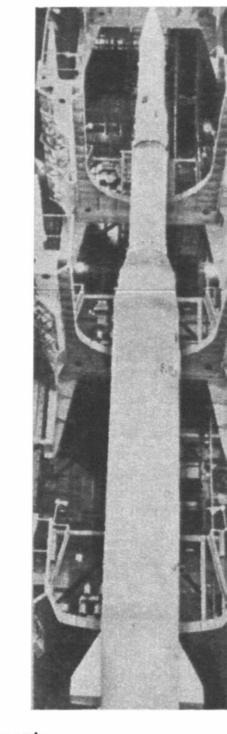

ИХ БЫЛО ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ — честных американцев, представителей всех штатов США, кто 27 ноября участвовал в походе на Вашингтон во имя мира во Вьетнаме. Они прошли перед Белым домом, неся плакаты и лозунги, осуждающие бомбардировки вьетнамской земли, требующие прекратить агрессию. Это было самое крупное выступление в Соединенных Штатах против грязной войны во Вьетнаме.

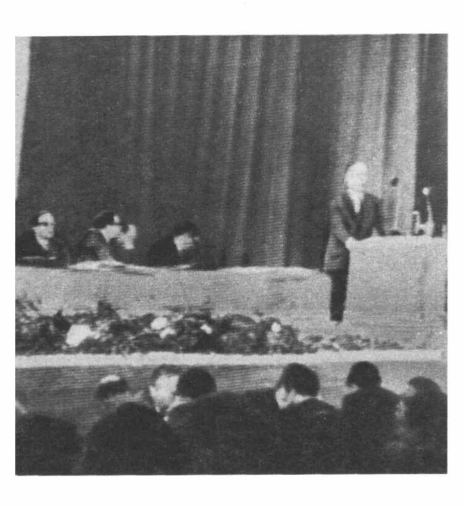

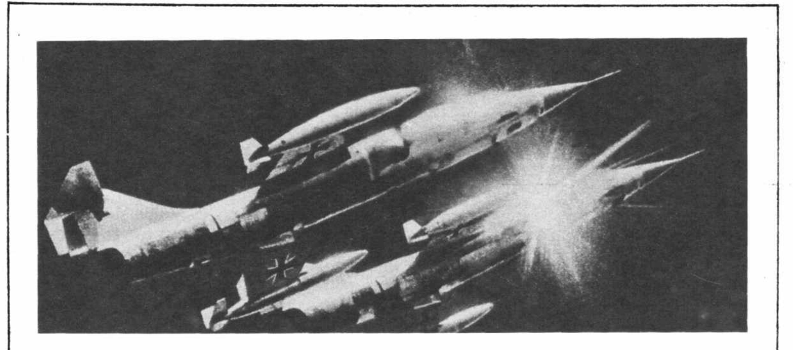

«А-1» — так называется первый французский спутник весом в 42 килограмма, который был запущен 26 ноября в космос с базы Хамагир в Сахаре. Четыре года французские ученые готовили этот запуск. Спутник вознесен в космические высоты с помощью трехступенчатой ракеты «Диаман». Космическая программа Франции предусматривает в дальнейшем вывод на орбиту вокруг Земли других спутников — «Д-1» и «Фр-1».

В Лондоне закончил работу XXIX съезд Коммунистической партии Великобритании. Съезд обсудил коренные вопросы, стоящие перед английскими коммунистами. Делегаты съезда уделили большое внимание проблемам международного коммунистического и рабочего движения, проблемам интернационализма и солидарности с национально - освободительным движением.

То ли в Соединенных Штатах не нашлось ни одного скульптора, пожелавшего выполнить этот заказ, то ли по какой другой причине, но американские сенаторы поручили изготовление бюста бывшего вице-президента США Ричарда Никсона итальянскому мастеру. Сообщается, что этот бюст будет установлен в американском конгрессе. Очевидно, там он будет служить символом авантюристической политики США, разработке которой Ричард Никсон отдал столько сил.

«Когда разобьется следующий?» — под таким заголовком гамбургский журнал «Штерн» опубликовал фотографию истребителей-бомбардировщиков «Старфайтер Ф-104 Г», находящихся на вооружении бундесвера. Для такого вопроса есть все основания. «С января,— пишет журнал,— разбилось по крайней мере шестнадцать «Старфайтеров». Точное число министерство обороны держит в тайне». Пока летчики бундесвера несут гроб с телом еще одного погибшего при аварии пилота, жители немецких городов, расположенных вблизи военных аэродромов, выходят на улицы с протестом против гонки вооружений и безудержного военного психоза, следствием которых являются аварии военных машин. «Что произойдет с нами, если один из них упадет?» — написано на плакате, который несут жители города Шортена.

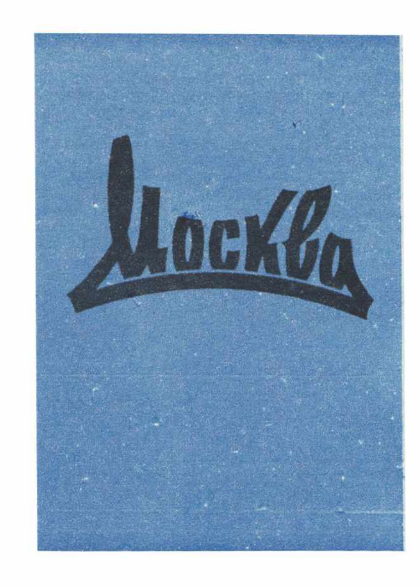

Бывший армейский писарь Жозеф Мобуту хочет солдатскими штыками вписать свое имя в историю. Военный переворот в Леопольдвиле, совершенный им,— это продолжение тех услуг, которые Мобуту оказывал колонизаторам на всем протяжении своей карьеры. В 1960 году он силой оружия сверг законного премьер-министра Конго Патриса Лумумбу и сыграл зловещую роль в его гибели. Но за последнее пятилетие колонизаторы так и не смогли усмирить эту огромную африканскую страну, несмотря на услуги Мобуту и ему подобных. Конго продолжает бурлить. И вот теперь колонизаторы сделали новый ход, превратив свою колониальную пешку в ферзя. Едва ли и это принесет им стабильное положение в Конго. За возможность стать правой рукой колонизаторов борется немало конголезских предателей. Еще маячит на политическом горизонте фигура со стиснутыми от злобы кулаками — Чомбе. Еще не ясно, какую роль сыграет бывший президент Касавубу, которого Мобуту посадил под арест. В Леопольдвиле хаос. Порядок в своей стране сможет навести лишь сам конголезский народ.

ЧТО БУДЕТ ПЕЧАТАТЬ

С вопросами об итогах работы и о планах редакции на 1966 год наш корреспондент обратился к главному редактору журнала «Москва» Е. Е. ПОПОВКИНУ:

— В какой мере удалось журналу выполнить свои творческие замыслы, намечавшиеся на нынешний год?

— Все, что было обещано читателям «Москвы», опубликовано. Замечу кстати, что постоянное стремление журнала открывать новые имена в нашей литературе, поиски наиболее одаренных молодых прозаиков и поэтов принесли в этом году неплохие результаты. М. Анчаров, В. Ильин, Л. Владимиров, В. Маканин, Э. Сафонов опубликовали в «Москве» свои первые произведения. Читатели знали Михаила Демина как поэта. Как прозаик он впервые выступил у нас с повестью «Посмотри мне в глаза!».

— Над какими произведениями о нашей жизни, о наших современниках работает ваш авторский актив?

— Из произведений, близких сегодняшнему дню страны, готовятся к опубликованию в будущем году роман В. Попова «Разорванный круг» — о химиках, искателях нового, «Аз есмь...» — роман Е. Пермяка, «Слово о горчичном зерне» — роман Майи Ганиной. В портфеле редакции уже есть или вскоре появятся новые романы и повести Е. Пермитина, А. Яшина, В. Тендрякова, Е. Мальцева. Опубликует журнал повесть Вадима Андреева, сына известного русского писателя Леонида Андреева, «История одного путешествия».

Хочу добавить, что мы придаем особое значение материалам под рубрикой «Навстречу 50-летию Великого Октября», которую журнал ввел два года назад. Они призваны показать славное революционное прошлое, неиссякаемый источник советского патриотизма, рожденный Великим Октябрем.

— Что интересного прочтут читатели о Москве и москвичах? Ведь само название журнала дает основание предполагать, что жизнь столицы не может не быть в центре его внимания.

— Москве и москвичам посвящены предложенные журналу романы В. Тевекеляна «За Москвою-рекой» (вторая книга), Г. Березко «Необыкновенные москвичи», «Голубой человек» Л. Лагина, «Садовое кольцо» Б. Привалова.

Журналисты-москвичи рассказывают читателям о старых и новых улицах Москвы. Славному рабочему классу столицы посвящены очерки М. Златогорова, В. Тура, В. Ишимова. О прошлом, настоящем и будущем комбината «Трехгорная мануфактура» расскажут в ближайшее время московские литераторы и рабочие «Трехгорки».

— Какие еще писатели предполагают публиковаться в «Москве» в ближайшее время?

— Всех перечислить в кратком обзоре трудно, упомяну лишь некоторых. Это А. Васильев, Е. Леваковская, Н. Адамян, В. Ерашов, Ю. Семенов, С. Баруздин, М. Анчаров, Д. Павлова, Ив. Рахилло, В. Аксенов, Н. Камбулов, В. Михайлов, М. Демин, М. Коршунов, Н. Горбачев, Г. Бакланов, В. Драгунский, В. Цыбин, Ю. Куранов, Л. Уварова и другие.

— Вы назвали прозаиков. А как будут представлены в «Москве» поэты?

— Прежде чем ответить, напомню, что в прошлом году мы ввели новую рубрику «Поэты Российской Федерации». По нашему замыслу, читателям журнала должны быть представлены под этой рубрикой главным образом поэты молодые, порой даже дебютанты. Из поэтов старших поколений, печатающихся у нас, назову Б. Ручьева, А. Безыменского, А. Жарова, Жале, С. Смирнова, С. Орлова, С. Кирсанова, Н. Доризо, Е. Винокурова, М. Дудина, Хулио Матеу, С. Васильева, Е. Евтушенко, Н. Сидоренко, А. Алдана-Семенова, М. Матусовского, А. Гатова, Л. Ошанина.

И, предупреждая ваш вопрос, расширю перечень авторов журнала, работающих в области литературной критики. У нас активно сотрудничают Е. Книпович, И. Гринберг, Б. Соловьев, А. Дымшиц, В. Смирнова, Г. Бровман, В. Панков, А. Михайлов, В. Сурганов, Е. Старикова, М. Лобанов, Л. Крячко, И. Мотяшов, И. Золотусский, Л. Аннинский, В. Чалмаев, В. Литвинов, Р. Орлова.

Коллектив журнала «Москва» постарается порадовать читателей и новыми молодыми именами и яркими художественными произведениями.

Мы встретились с художником Ф. Модоровым на его отчетной выставке в Академии художеств. По нашей просьбе он рассказал о себе и о своей творческой работе.

Становление героического

...Меня всегда интересовала судьба человека обыкновенного и в то же время исключительного, способного к героическому, большому. Появился этот интерес еще в ранней юности, когда я, художник-богомаз, приехал в 1906 году из набожной Мстеры в революционную, кипящую Москву. Познакомился я тогда с людьми простыми, которые говорили необычные, смелые речи.

А в 1917 году, уже в Питере, я вместе с друзьями шел с петицией в Смольный. В петиции говорилось, что студенты бывшей Петербургской императорской академии художеств хотят сотрудничать, работать с большевиками. У меня есть несколько портретов, которые я написал в то время. Они связаны с моими первыми впечатлениями о большевиках.

В двадцатые годы мы, молодые художники АХРРа, восхищались беспримерными подвигами нашей славной Красной Армии. Тогда и начата была моя серия героев-«конников». Буденный, Ворошилов, Щаденко, Пархоменко — эти имена были овеяны легендами. До сих пор живы в памяти встречи с ними, их рассказы. С огромным интересом и необыкновенными трудностями — достать большой холст было тогда пределом мечтаний художника — работал я над групповым портретом «Герои Первой конной армии».

Еще в студенческие годы я много ездил по Северу. Мы не знали, что такое каникулы: летом нужно было работать. В 1924 году я прошел на лодке Печору, поднялся вверх по реке Колве и остановился в оседлом пункте ненцев. Над домом, где располагался ненецкий райисполком, я увидел вывеску с царским орлом. Пришлось мне срочно ее переписать. А через несколько дней я стал свидетелем события, которое потом отразил в своей картине «Приезд первого красноармейца на съезд Советов ненцев». Я видел, с каким жадным вниманием, с каким восторгом, а порой и с детской наивностью слушали посланца большой советской земли эти люди, привыкшие к любым испытаниям природы, но еще такие беспомощные в вопросах политики. И навсегда сберегу я в своей памяти благодарные улыбки, озарившие лица ненцев, когда я подарил им портрет Ленина. Они увидели его впервые!

Наверное, так и должно быть, что в памяти удерживаются самые сильные, яркие впечатления, самые значительные события. К счастью, на мою долю их выпало много. Челябинский тракторный, Магнитка и первая крупная выставка бригады художников, которая называлась «Гигант Урал». Мы создали целую галерею портретов героев труда. Примечательно, что имена этих героев нам называли сами рабочие, их выбирали на комсомольских и партийных собраниях — это считалось тоже делом государственной важности.

Как к важнейшему государственному заданию, относился я к работе над образом Владимира Ильича Ленина. В картине «Ходоки у В. И. Ленина» мне хотелось показать не только представителей центральной России, но и людей из Сибири, с Севера, которые шли к своему вождю за великой мудростью. Над этой картиной я работал очень долго, много раз возвращался к ней и в годы Великой Отечественной войны.

С первых дней войны я был на фронте. Я встречался с настоящими героями, узнавал об удивительных подвигах, и мне хотелось рассказать о них людям с непосредственностью и жаром очевидца. Многие наброски тех лет стали темой больших работ и после войны.

Довелось мне узнать во время войны белорусских партизан. Меня восхищали эти люди, необыкновенно добродушные по натуре и беспощадно злые к врагу. Таким был мой дед Шишко, лесной белорусский сторож. Ему было 83 года — возраст явно не для службы в Действующей армии. Из-под носа у немцев вытаскивал дед мины, автоматы и прочий «военный ширпотреб», как он говорил, закапывал в землю, а потом нашел партизан и все им передал. Пришел к партизанам да так и остался с ними.

Среди многих портретов моей «партизанской сюиты» дорог сердцу портрет разведчицы Лиды Осмоловской. О ней многие знают, о ней писали газеты и журналы. Но у меня в памяти остался навсегда ее короткий диалог с немецким бароном фон Файером. Барону нравилась эта красивая русская девушка, в которой он не подозревал партизанку, и он игриво спрашивал ее: «А есть ли патриотки среди русских девушек?» Выполняя ответственное задание партизанского отряда, Лида вынуждена была ему отвечать: «Ну что вы, барон, таких среди красивых девушек нет!» Но когда Лиде угрожали расстрелом, она спросила барона: «Скажите, барон фон Файер, есть, по-вашему, патриотки среди советских девушек?» Вы представляете, с какой интонацией произнесла она эту фразу...

Таких людей, как Лида Осмоловская, дед Шишко, встречал я очень много. Именно поэтому всегда была и будет основной темой моего творчества тема героизма и мужества.

Ф. Модоров. ХОДОКИ У В. И. ЛЕНИНА. 1947. Фрагмент.

Центральный музей В. И. Ленина.

Ф. Модоров. ВЕСЕЛАЯ МИНУТА. 1928 г.

Военно-исторический музей артиллерии и инженерных войск.

Кайсын КУЛИЕВ

Скалы в лунном свете

В горах травы ковер
Слегка уже примят.
Вдали на фоне гор
Задумчиво стоят
Скалы в лунном свете.

И падает в окно
Тень от старинных башен,
От вала, что давно
Теперь уже не страшен,
И скалы в лунном свете.

Вот сад, он в горы врос,
Здесь от деревьев тень.
Близ мельниц тень колес,
Скрипевших целый день,
И скалы в лунном свете.

Под окнами домов
Тень крыш и тень оград.
В кюветах — тень столбов,
Что вдоль дорог стоят,
И скалы в лунном свете.

Тень школы под горой,
Дорогу перейдя,
Дрожит в реке ночной,
Большой после дождя,
И скалы в лунном свете.

Мечеть совсем дряхла,
Но обладают тенью,
Когда луна светла,
И дряхлые строенья
И скалы в лунном свете.

Тур дремлет, и во сне
Он видит ширь лугов,
А на его спине
Тень собственных рогов,
И скалы в лунном свете.

И до начала дня,
И до скончанья лет
На сердце у меня
И тень, и лунный свет,
И скалы в лунном свете.

* * *

Раскрыл окно, шум дождя ночного
Впустил в свой дом и замер сам в окне.
Мне кажется, что мирозданье снова
О самом тайном повествует мне.

Мне кажется, что, молод и беспечен,
Лежу я в дождь под буркою весной,
Что из невзгод, которые я встречу,
Покуда я не встретил ни одной.

Хоть дождь старей всего, что слышат горы,
По-новому он новый каждый раз.
Так ново пенье птиц, жилье которых
С лесами вместе дождь сечет сейчас.

Дождь все идет, и прочь уходит робость,
И я не знаю горя и обид,
И кажется, что дождь не с неба в пропасть
Ко мне из детства моего летит.

Я слышу тихий шум дождя ночного,
И целый мир передо мной открыт.
Он с помощью дождя о чем-то снова
Доверчиво со мною говорит.

Прошедший день

Прошедший день, тебя я не корю!
Ничтожно ль, велико ль твое значенье,
Ты радость мне принес иль огорченье,
Я все равно тебя благодарю!

Каким бы ни был ты, я говорю:
«От твоего начала до предела
Я радовался, мыслил, делал дело,
Я все равно тебя благодарю!»

И, глядя на вечернюю зарю,
Я думаю, что ни ушло б с тобою,
Я жил, я видел небо голубое,
Я все равно тебя благодарю.

Прошедший день мой, я назад смотрю.
Пусть хмур был твой рассвет, печален вечер,
Но вновь не суждена с тобою встреча,
Я все равно тебя благодарю!

Прошедший день, я снова повторю:
Ты был веселый или же печальный,
Нам все равно печален час прощальный,
Я все равно тебя благодарю!

Частицу жизни я тебе дарю.
Жизнь коротка, а время бесконечно.
«Прощай»,— я говорю тебе сердечно,
Я все равно тебя благодарю.

Прощай, тебе я двери отворю.
Прощай, твое тепло, прощайте, птицы,
Все, что принес ты, мне еще приснится,
Я все равно тебя благодарю!

* * *

Среди миров огромных и светил
Пусть я всего песчинкой малой был.

Но и песчинкой малой — и таким,
Наверное, я был необходим.

Моя была мгновенна с жизнью связь,
Но жизнь и без меня не обошлась.

* * *

Я участь не корил,
Не сетовал в тоске
На то, что в жизни был
Как камешек в песке.

Любой величины
Нужны стволы лесам.
Все капли их нужны
Потокам и морям.

Пусть я для жизни был
Лишь камешком, не боле,
Но я, покуда жил,
Ее исполнил волю.

Расставанье

Расставанье, твой прощальный час
Черным солнцем озаряет нас,

И, черна, как днище казана,
Всходит черная твоя луна.

Тяжкая минута расставанья,
Пахнет порохом твое названье.

Я постиг мелодию разлук —
Падающих листьев горький звук.

Всплеск реки, куда с вершины скал
Человек подстреленный упал.

Был я подпаском

Был не всегда я унылый и старый,
Мальчиком был я, шагал за отарой.

Шел я, как все молодые подпаски,
Стадо над пропастью гнал без опаски.

Гнал я отары, не ведая робости,
Камни кидал в стометровые пропасти.

Шел, избегал я снегов оползающих,
В небе считал журавлей улетающих

И наблюдал с одинокой скалы,
Как над вершинами бьются орлы...

Годы минули, как тучи весной,
Все изменилось, а он предо мной.

В свете давно отгоревшего дня
Мальчик-подпасок глядит на меня.

Мы неразлучны, со мной он пожизненно,
Смотрит порой на меня укоризненно

Или кивает, смешной человек,
Зубы сверкают его, словно снег.

Нет мне покоя. Дожив до седин,
Где бы ни спрятался, я не один.

Слово ли, строчка фальшиво звучит —
Живо судья мой меня уличит.

Он осуждает меня, и бывает,
Рву я страницы, а он мне кивает.

Авторизованный перевод с балкарского Н. Гребнева.

ПЯТЬ МИЛЛИСЕКУНД СОЛНЦА

Борис ВОЛОДИН
Фото Л. Шерстенникова.

Доктор Линник — накрахмаленная белая шапочка, отутюженный халат — успокаивал пациентку:

— Вы садитесь, Анна Михайловна! Ну не волнуйтесь же! Вы же знаете, что ничего неприятного не случится. Вы же ж не в первый раз.

Но и южный говорок был бессилен — Анна Михайловна невпопад повторяла свое:

— Страшно. Все-таки глаз, правый глаз, Леонид Андреевич...

— А вы спокойненько. Вы спокойненько!..

Леонид Андреевич и сам было уже пристроился у аппарата поудобнее, но вмешался Тверской.

— Ч-чего-то у тебя сегодня линза т-такая грязная,— сказал он, слегка запинаясь.— Где у т-тебя хвостик?

Линник подал конструктору кроличий хвост — мягкий, пушистый комочек,— все, что осталось от одного из очередных мучеников науки. Терпеливо дождался, пока Тверской собственноручно счистит неприметные постороннему пылинки, осевшие на стекле, и заворковал снова:

— Вы спокойненько, Анна Михайловна... Прямо смотрите. На меня... Так... Чуть выше... Включи, Володя.

Взвыл мотор охлаждения. Лучик света от лампы был нацелен прямо в зрачок больного глаза, но Линник сквозь окуляры улавливал невидимые со стороны отклонения.

— Еще чуть выше... Еще... Спокойненько. Теперь ниже...

Он прикрыл на миг глаза и нажал кнопку — ту-тук! Красная вспышка! Малиново-красная. Яркая. Короткая. Очень короткая: пять тысячных секунды.

Линник тотчас открыл глаза. Если б не зажмурил их перед вспышкой, пришлось бы ждать, пока глаза снова привыкнут к легкому полумраку кабинета, в котором он сегодня оперировал. Вспышка лазера слегка ослепляет, даже когда луч направлен в сторону. Когда оперируют с «ОК-1», врачу глаза закрывать не надо. На «ОК-1» при нажатии кнопки срабатывает шторка. Больной ощущает короткую яркую вспышку — луч нацелен в определенную точку его глаза. А поле зрения врача на миг перекрывается черным, и тотчас за линзами снова появляется глазное дно пациента. Только теперь, после вспышки, в нем видна новая деталь — темная крохотная точка — след, оставленный лучом лазера, сфокусированным в очаге, пораженном болезнью.

Но сегодня Линник работает на старой лабораторной модели прибора.

...Дня за три до моего появления в филатовском институте конструктор Юрий Львович Тверской прилетел из Москвы с механиком Володей Резниковым, и они принялись что-то переделывать в «ОК-1».

«ОК-1» — «офтальмокоагулятор квантовый, модель первая» — лазерная установка для глазных операций — был изготовлен сначала, как водится, в двух опытных экземплярах. Один отдали для испытаний Одесскому институту глазных болезней имени Филатова, другой — Московскому институту имени Гельмгольца.

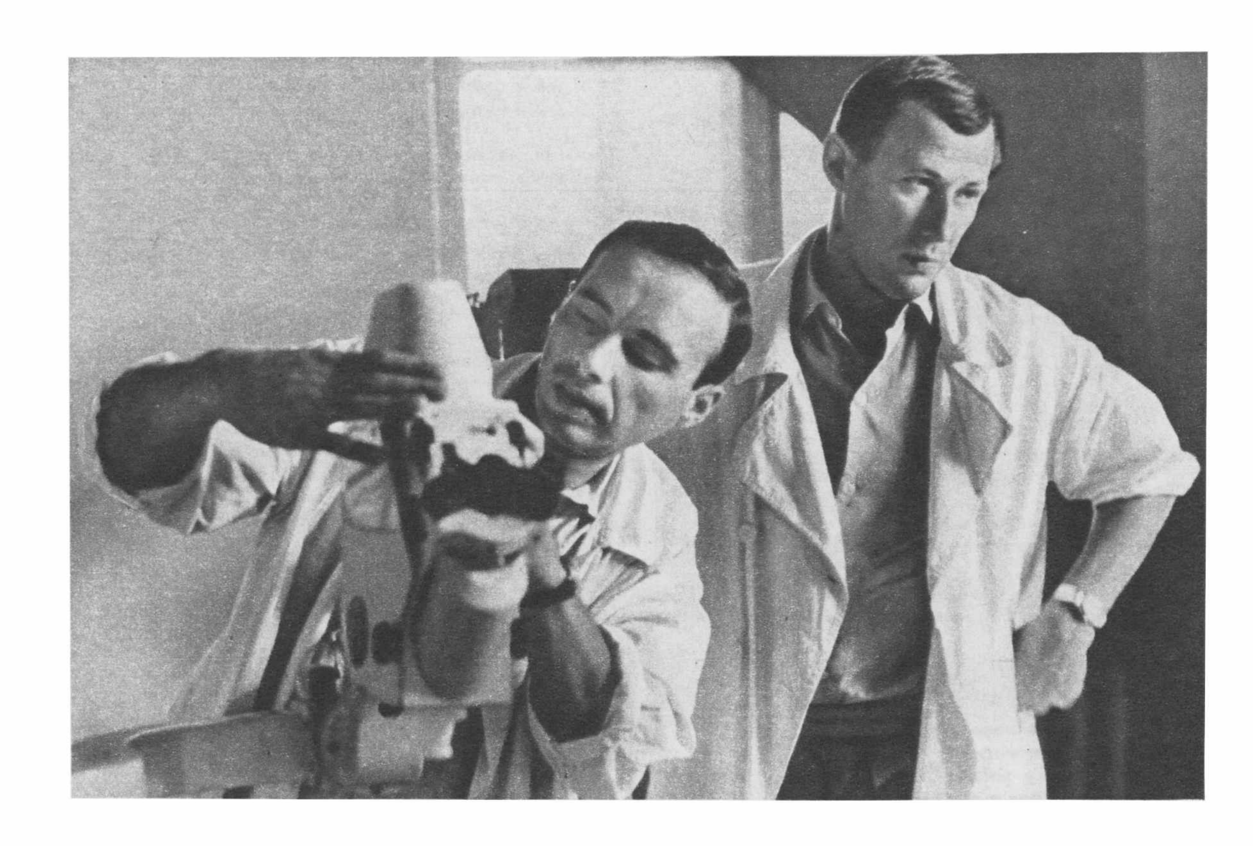
У москвичей дело подзадержалось: аппарат у них одолжили для экспонирования на Лейпцигской ярмарке, где он произвел сильное впечатление на людей, разбирающихся в квантовой технике и глазных операциях. Лазер-путешественник еще не успел вернуться домой, когда Тверскому понадобилось «обкатать» на опытном образце какие-то свои инженерные идеи — он готовил рабочие чертежи для передачи заводу заказа уже на «малую серию» аппаратов. Пришлось лететь в Одессу.

Впрочем, совместную работу Тверской начал именно с одесскими медиками. Неисповедимы пути, какие выбирают конструкторы, отыскивая людей, кажущихся им самыми подходящими для того, чтобы заразиться, заболеть сокровенной для них, конструкторов, идеей... Были под боком окулисты-москвичи, но Тверского два года назад потянуло именно в Одессу, потянуло не из-за теплого моря и ласкового солнца, ибо то было зимой,— старой доброй славой согрет этот институт, где родились удивительные филатовские операции по пересадке роговицы.

Заметим, техника глазных операций поневоле стала ювелирной издревле; еще законы Хаммурапи устанавливали, что коль врач, удаляя бронзовым ножом катаракту, повредит глаз больному, то должен будет лишиться собственного. И хотя дальнейшее развитие глазной хирургии шло без таких угроз, она достигла великих высот. И все созданное Филатовым поныне восхищает медиков всего мира! По сей день на операциях ученицы Владимира Петровича — члена-корреспондента АМН профессора Пучковской — зарубежные гости не редкость. Кстати, профессор Пучковская руководит в Одессе и работой по освоению лазерных операций.

И стоило считанным пациентам одесского института испытать целительное действие малиново-красной вспышки, как аппаратом заинтересовались окулисты других городов и окулисты других стран: «ОК-1», продемонстрированный в Лейпциге, получил у них предпочтение перед своими зарубежными собратьями.

В середине прошлого века великий Гельмгольц изобрел офтальмоскоп. Столь громко для русского уха звучащее имя носит круглое, чуть вогнутое зеркальце с просверленной посредине аккуратненькой дыркой. Это немудреное с виду приспособление совершило в науке о глазных болезнях истинную революцию, ибо позволило видеть святая святых глаза — глазное дно, прежде недоступное исследованию.

Инженер Юрий Тверской и механик Владимир Резников возле установки лазера-исцелителя.

Герман Гельмгольц сам тотчас описал в подробностях картину изменений глазного дна при разных видах заболеваний, в том числе и при световом ожоге (отек, потом резкий воспалительный процесс, в итоге — рубцовое перерождение соска зрительного нерва).

Но еще при жизни Гельмгольца окулисты и оптики пришли к мысли, что умело направленный и точно дозированный ожог может остановить процесс отслойки сетчатки. Они высказали еще тогда идею — по тем временам совсем уж еретическую, — что, быть может, энергией света удастся уничтожать крохотные зернышки злокачественных новообразований в глазу, из-за которых, только они там появились, приходится глаз удалять полностью (и сейчас еще приходится!), ибо нет, кажется, опухолей, столь же быстро и безудержно поражающих организм целиком, если упущена некая критическая минута.

Увы! Идея надолго опередила возможности техники. Лишь в 1947-м Герд Мейер-Швиккерат, ныне профессор Боннского университета, смог создать первый световой коагулятор, позволявший с терпимой точностью сосредоточивать на некоторых пораженных участках сетчатки поток света, испускаемого в первых моделях вольтовой дугой, а в последующих — мощной ксеноновой лампой. Только после этого удалось приняться за экспериментальное изучение действия «терапевтических» доз света на ткани глаза и, наконец (Мейер-Швиккерат был и здесь пионером), за лечение некоторых случаев.

Новые приборы получили распространение во всем мире, они позволили лечить то, что не удавалось лечить прежде. Но стоило пройти первым восторгам, как сложности метода стали беспокоить врачей все больше и больше. Главная была в необходимости фиксировать глаз, заставлять его быть неподвижным в течение нескольких секунд, пока на миллиметровый участок не выльется нужное количество лучистой энергии. Достанет ли у кого-то из вас сил, чтобы всего три секунды смотреть на отчаянно сильный, в упор бьющий свет, в полном смысле слова ни на миллиметр не шелохнув глазом?.. Нет, ведь это противоестественно.

Инженеры продолжали совершенствовать лампы и оптические системы. Хирурги за рубежом и у нас — в Москве и Одессе, в Ленинграде и Киеве — придумывали способы обезболивания и хирургической фиксации глаза. Но стоило в медицину прийти лазеру — и тотчас все это стало ненужным.

...Сегодня Линник оперировал на «нулевой», лабораторной модели. Она была собрана много месяцев назад еще для экспериментов. Кроличьи хвостики — память о них. На этой установке и сделали самые первые операции, лазерными «выстрелами» остановив у педагога из Тулы грозный процесс отслойки сетчатки глаза.

У прибора, к которому Линник снова подсел сегодня,— больные ждут! — не было красивого, окрашенного под слоновую кость кожуха и прочих удобных приспособлений, но это не беда: нужно только прикрыть глаза на мгновение, когда нажимаешь кнопку.

— Спокойно! Спокойно! Смотрите прямо (Линник зажмурился, тотчас — вспышка). Прямо. (Вспышка.) Чуть ниже. (Новая.) Еще чуть ниже... (Ту-тук! Ту-тук!)

Повернулся ко мне:

— Хотите посмотреть?

— Конечно!

...Глазное дно: розовый круг, нежные красные жилки, серая тень по краю прострочена ровным рядком точек — следами сконцентрировавшихся мощных лучей, выброшенных кристаллом рубина.

Слово «операция» с виденным не вязалось. Не было атрибутов, для меня, бывшего хирурга, привычных.

Не было изящнейших глазных пинцетов, скальпелей, зажимов, иголок в тех хорошо памятных окулистам «операциях отчаяния» (есть в медицине такой термин!), прокладывающих дорогу к самому глубокому слою, к самой нежной, самой сокровенной системе глаза — к отслоившейся при ушибе глаза сетчатке — к тому, что и воспринимает свет и цвет.

Хирург и не собирался подбираться к ней **руками**, как пытались, бывало, коллеги, чтобы, тончайшими швами прикрепив ее к подлежащим тканям, остановить продолжающуюся отслойку и предотвратить полную гибель глаза...

Система призм и линз фокусировала лазерный луч в любой недоступной рукам точке с точностью до ничтожных долей миллиметра. Энергия принесенных сюда фотонов пристрачивала, приваривала сетчатку к тканям лежащей под нею сосудистой оболочки «на старое место».

Врач говорил, куда смотреть, а аппарат помигивал красным.

Кроме записей в блокноте, я привез из Одессы домой копейку — маленький бронзовый кружочек, насквозь пробитый малиново-красным лучом, выброшенным, пожалуй, одним из «самых маломощных» квантовых генераторов — тем, что я видел в операционной.

Одесские окулисты и их московские коллеги, с которыми я встречался позднее (над внедрением лазеров работают коллективы двух институтов), просили, если я буду писать о работах, подчеркнуть, что все еще лишь начинается, что и они и зарубежные офтальмологи, как можно об этом судить по научным журналам, научились расправляться с помощью лазера еще только с одной лишь болезнью. Борьба со злокачественными опухолями — следующий этап, на котором бездна экспериментальной работы. Ведь речь идет о взаимодействии огромных энергий с живым человеческим телом.

Ну что же, пусть она будет удачной, эта их работа!

НЕ ДЛЯ ЛУВРА, НЕ ДЛЯ ТРЕТЬЯКОВКИ

З. ХИРЕН

Фото Б. Кузьмина.

Тихая московская улица. Субботний короткий день. Мы в отделе эстетики одного из научно-исследовательских институтов Госкомитета стандартов, мер и измерительных приборов СССР. На столе много рисунков. Их обсуждают, о них спорят.

Перед нами варианты будущих государственных знаков качества. В скором времени мы увидим их на тысячах изделий широкого потребления.

Каким должен быть этот знак? Сперва предполагали изобразить человеческий глаз. Этим как бы подчеркивался неусыпный надзор за соблюдением всех условий качества. Но вариант отпал, потому что ведь может потребоваться знак величиной и в пылинку, тогда рисунок трудно будет сделать отчетливым.

Предлагали и другие варианты, но в конце концов остановились на микрометре — измерительном инструменте, как бы подчеркивающем точность, надежность. А ведь это основа новых знаков качества!

Но мы знали, что наиболее интересные споры и полемика происходят сейчас в Государственном комитете стандартов, мер и измерительных приборов СССР. Там вместе с представителями Министерства финансов СССР, Государственного комитета цен, видными конструкторами, учеными, инженерами решается вопрос: кому выдавать свидетельства на эти знаки?

Мы обратились к заместителю председателя Государственного комитета стандартов, мер и измерительных приборов СССР Всеволоду Васильевичу Ткаченко.

— Легче всего представить на аттестацию уникальную вещь,— сказал он.— Впрочем, если быть откровенным, так до недавних пор и происходило. Фраза наших газетчиков «От палаты до палатки» не случайно стала крылатой. Смысл ее всем понятен. Долгое время было принято на различных выставках и стендах Торговой палаты демонстрировать не столько прекрасные товары, сколько прекрасные образцы. Но как только дело касалось их серийного выпуска, увы, ничего путного не получалось: в магазин, палатку поступали совсем иные изделия. Кстати сказать, есть еще один термин, не менее крылатый: «Неуловимые товары». Они временами появлялись на прилавках, но их мгновенно раскупали. Считалось, что эти товары промышленность не успевала выпускать. Почему же, собственно, не успевала? Известно, что изготовление хороших вещей требует большего внимания, большего времени, большего творчества — как раз того, что никак не уживалось с недавним законодателем производства — валом. Государственные знаки качества должны многое изменить.

— Каким образом?

— Знак станет мандатом, по которому люди, превыше всего ставящие запросы и вкусы покупателей, получат материальное поощрение. Повысятся оптовые цены на товары, пользующиеся спросом, плюс к этому премии для тех, кто их выпускает, а предприятию — преимущества на получение оборудования, сырья и многое другое. Если предприятие выпустит партию товара низкого качества, знак у него тут же отберут. А это не просто моральный удар, но и серьезный материальный урон для тех, кто, как говорится, не выдержал характера, сдал свои позиции.

— А как вы будете решать, достоин тот или иной товар знака высокого качества? — спросили мы.

— Проще всего было бы ставить «очки» за хорошие вещи,— сказал Всеволод Васильевич.— Но это формальный подход к проблеме. Нас интересует не просто надежность и изящество образцов, а технологическая подготовленность производства и людей для выпуска громадного потока добротных изделий. И знаки качества получат лишь те заводы и фабрики, которые достигли определенного уровня технического прогресса. И предприятия будут стремиться достичь его. До недавних пор на любом предприятии невыполнение вала считалось чрезвычайным происшествием: банк задерживал выплату денег, работники не получали премий. Зато если нарушалось качество, то чрезвычайным происшествием это никто не считал. Теперь нарушение условий, предусмотренных знаками, будет бить по карманам виновников, и довольно безжалостно.

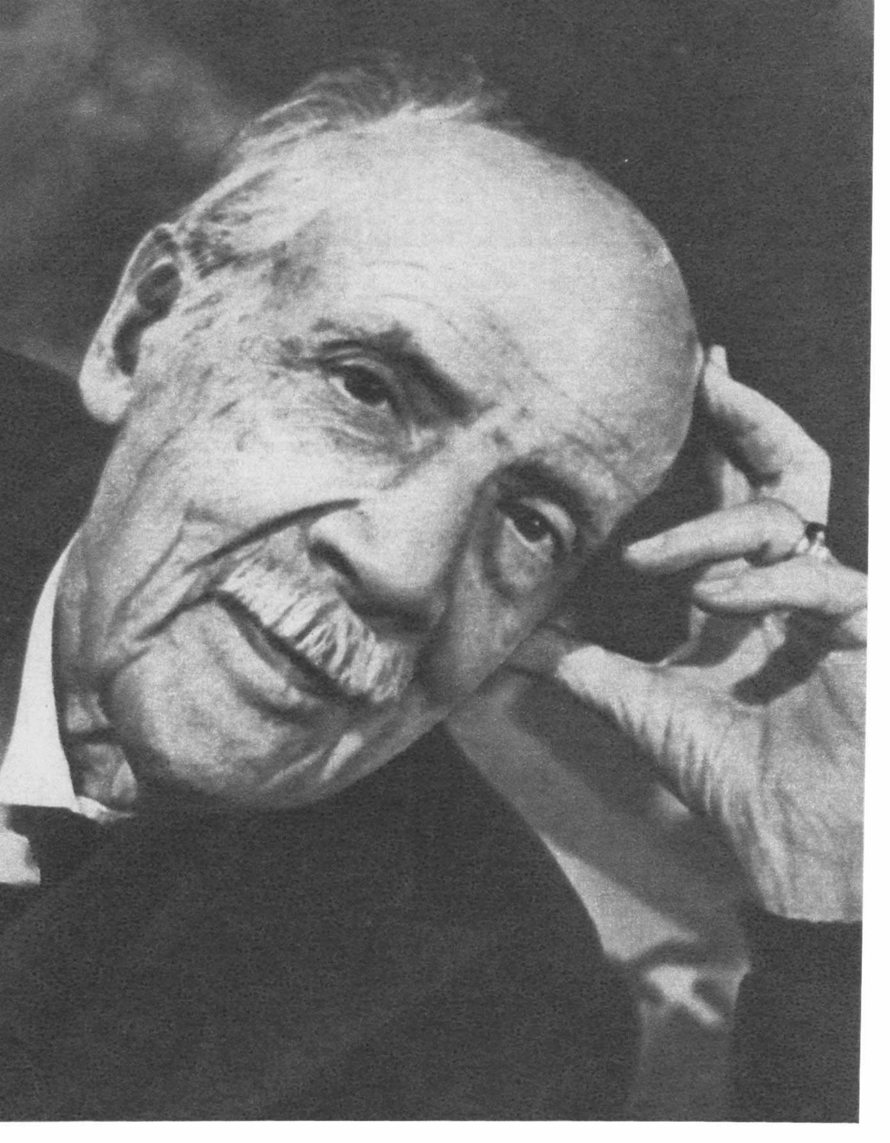
Незадолго до нашей беседы В. В. Ткаченко побывал в ГДР, где знаки качества уже существуют.

— Там самым высшим знаком считается буква «Q» — это первая буква в слове «качество» по-немецки. Тем, кто станет обладателем ее, предстоит получить немало благ. Казалось бы, предприятия-претенденты должны торопиться к этим благам. Вовсе нет. Немецкие рабочие и специалисты объяснили, что относятся к аттестации с большой осторожностью. «Поймите,— говорили они,— как только нам преподнесут букву «Q», надзор за нами будет удвоен и утроен. А это значит — надо быть абсолютно уверенным, что у тебя все в порядке, что никакие случайности не смогут отнять почетный знак. Нужно сначала все взвесить, а уж потом с легкой душой отправиться на экзамен».

Какие товары первыми будут удостоены почетного знака высокого качества, сказать пока трудно. Таких товаров наши предприятия выпускают немало, многие из них уже приобрели всемирную известность, такую, как рижский транзистор «Спидола». Над эскизами знаков пока трудятся художники. Это очень важная работа. Пусть она не предназначена ни для Лувра, ни для Третьяковки, но отношение к прекрасному она имеет самое непосредственное. И к искусству тоже. К искусству делать добротные и изящные вещи.

Мандаты высокого качества.

Александр Николаевич Бенуа.

В гостях у Бенуа

Нина ВИНОГРАДОВА

За окном машины — Париж, словно ожившие картины Марке, Ренуара, Сислея, Писсаро. Набережная Сены... Шумят серебристой листвой старые каштаны, мелькают пестрые рекламы.

Недалеко от Сены тихая улица Августа Витю. Если подняться на четвертый этаж дома номер два и позвонить в дверь обычной квартиры, вы услышите торопливые шаги и женский голос: «Сейчас, сейчас, иду!» Щелкает замок. В дверях пожилая женщина, седые волосы, тонкое, одухотворенное лицо, большие карие глаза. Это Анна Александровна Бенуа, дочь замечательного русского художника Александра Бенуа. Ее обаятельная улыбка сразу заставляет вспомнить известный портрет ее матери А. К. Бенуа работы Валентина Серова.

— К нам часто приезжают гости из Советской России,— говорит Анна Александровна,— и вся наша семья так рада этим вестникам родины. Отец, который жил и работал в Париже с 1926 года, постоянно переписывался с советскими искусствоведами и художниками. А с тех пор, как его не стало в 1960 году, эту переписку продолжаю я.

Маленький, узкий коридор ведет в мастерскую художника. Здесь все говорит о жизни, целиком отданной искусству. Стены до самого потолка завешаны картинами; множество папок с рисунками, акварелями; книги.

— А вот это архив моего отца, над систематизацией которого я сейчас работаю,— говорит Анна Александровна, показывая кипы папок с рукописями, письмами, документами.— Это очень сложная задача, ведь мой отец прожил девяносто лет. С какими прекрасными людьми он встречался! Репин, Станиславский, Немирович-Данченко, Серов, Стравинский, Горький, Кустодиев, Головин, Рерих, Добужинский, Сомов, Билибин, Шаляпин и многие, многие другие.

— Это мольберт Александра Николаевича? — спрашиваем мы.

— Сейчас здесь работает мой сын Александр,— говорит Анна Александровна.— Он ведь тоже художник. Вы знаете, когда немцы пришли в Париж, и он и мой муж Юрий Черкесов, художник, ученик Добужинского, были взяты как русские заложники и отправлены в концлагерь. Накануне войны муж успешно стал выступать на выставках, за свои гравюры получил золотую медаль на Международной выставке в Париже; вернулся из лагеря он тяжелобольным и вскоре умер.

Крутая деревянная лестница ведет на второй этаж мастерской.

— Это комната отца,— говорит Анна Александровна, вводя нас в маленькую комнату с большим окном, в котором над разноцветной мозаикой крыш встает бледное французское небо, напоминающее мягкую гамму акварелей Бенуа.

Трудно найти в истории русского да и мирового искусства более яркий пример передачи эстафеты таланта и служения искусству от поколения к поколению, чем всемирно известная семья Бенуа.

Луи Бенуа, приехавший в Россию при Павле I, происходил из французских крестьян. Историю же художественной династии следует начать с его сына Николая Леонтьевича Бенуа, выдающегося русского архитектора, одного из создателей всемирно известного ансамбля Петергофа, Павловска, Кускова и многих сооружений в Петербурге и Москве.

Трое его сыновей — Альберт, Леонтий и Александр — наследовали от отца художественное дарование и любовь к искусству. Альберт Бенуа — академик, основатель общества русских акварелистов, Леонтий — известный архитектор, заслуженный деятель искусств. Это по его проекту созданы в Ленинграде Выставочный корпус Русского музея (ныне отдел советского искусства); изысканное здание Певческой капеллы, а также зал Государственного Совета, для которого предназначалась картина Репина «Заседание Государственного Совета».

Но, конечно, самый значительный след в истории русской и мировой культуры оставил Александр Бенуа.

На одной из акварелей художника — старинный петербургский дом, украшенный плачущими и смеющимися масками, о которых пишет в своей истории искусства Грабарь. Это знаменитый «дом Бенуа, что у Николы Морского». Здесь в конце прошлого века собирался цвет художественной интеллигенции. Здесь же было положено основание художественному объединению «Мир искусства», к участию на выставках которого А. Бенуа привлек Серова, Левитана, К. Коровина, Нестерова, Врубеля, Грабаря, Рериха, Головина, Остроумову-Лебедеву, Лансере, Кустодиева и других.

Из окон дома, расположенного в двух шагах от Мариинского театра (построенного Кавосом, дедом Александра Бенуа), будущий художник наблюдал торжественные проходы гвардейских полков с их нарядными, сверкающими на солнце мундирами. Из этих впечатлений сложилась знаменитая его картина «Парад при императоре Павле I», так правдиво передающая дух времени, культ военной муштры, которым был одержим Павел I. Незабываемы были также детские впечатления художника от петербургских балаганов, что располагались на Адмиралтейской площади и Марсовом поле. Сцены народного шумного веселья возле балаганов, сказочно разукрашенные карусели, гомон масленичной ярмарки — все это нашло свое воплощение в прославленной работе Бенуа «Петрушка» И. Стравинского.

— Отец так любил Петербург,— говорит Анна Александровна,— он называл его «мой город». Долгие годы живя в Париже, он соз-

дал множество акварелей, посвященных нашей северной столице и ее знаменитым пригородам — Детскому Селу, Павловску, Гатчине, Ораниенбауму. Как жаль, что многие эти работы находятся в разных коллекциях Европы и Америки! Какой любовью и какой тоской по родине полны прекрасные пейзажи — прогулки по родному городу!

За стеклами книжных шкафов приглушенно мерцает золото старинных переплетов. «История русской живописи в XIX веке», «Русская школа живописи», «Царское Село», «Картинная галерея Эрмитажа», «История живописи всех времен и народов», мемуары «Жизнь художника» — это далеко не полный перечень литературных трудов А. Бенуа.

— Как был бы счастлив отец, если бы увидел свою монографию, выпущенную на родине издательством «Искусство» в 1965 году, и блестящее переиздание пушкинского «Медного всадника» с его иллюстрациями, которые так высоко ценил Репин.

...Сейчас кажется почти неправдоподобным, что еще в начале века Европа фактически не слышала Мусоргского, не знала высочайшего взлета древнерусского искусства — иконописи, не имела представления о художественной жизни нашей страны.

Трудно переоценить то огромное значение, которое имела деятельность художников, возглавляемых Бенуа, в пропаганде русской культуры. Юноша А. Бенуа, узнав, что Рихард Мутер в своей «Истории живописи в XIX веке» не предусматривал раздела русского искусства, посылает ему свой очерк о русской живописи, который и был опубликован в книге.

русской музыки, знакомившие западный мир с творчеством наших композиторов—от Глинки до Скрябина и Рахманинова. Успех этих концертов можно назвать подлинным триумфом, который заслуженно связан с Шаляпиным.

По выражению А. Бенуа, наступило время «завоевания Запада русскими богатырями».

В 1909 году начались в Париже знаменитые «русские сезоны», превратившиеся в грандиозное событие художественной жизни. Европа познакомилась с русским балетом в декорациях лучших художников: А. Бенуа, Рериха, Головина, Бакста, Коровина и Серова.

Спектакли, по выражению рецензентов, имели «неслыханный успех». Не было газеты, которая бы не писала ежедневно о русских артистах.

Русский балетмейстер Фокин реформировал балет — дал живую, трепетную картину народной жизни, полную огня, блеска, красок, движения, поэтического воодушевления. До знакомства с русским балетом парижане не признавали мужских танцев, наши танцовщики совершили переворот и в этом смысле, а Нижинский стал героем дня, так же как Карсавина и Павлова. С тех пор стало модно балеринам брать русские имена. Откровением были и декорации русских художников. «Можно ли надеяться, что урок, который нам дают русские, не пройдет бесследно для нашего искусства театральной декорации?» — восклицает французский художник Жак Бланш. Русские сезоны открылись тогда поэтичнейшим балетом-сказкой «Павильон Армиды» в декорациях А. Бенуа. А в 1911 году настоящую сенсацию

производстве костюмов. Этой безликой стандартизации русские художники противопоставили понимание искусства декорации как высокопоэтический образ, как художественный синтез музыкальной идеи композитора и режиссерского замысла. Постановки А. Бенуа, будь то пушкинские спектакли («Каменный гость», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы») или «Хозяйка гостиницы» Гольдони, «Пиковая дама» Чайковского, «Соловей» Стравинского или «Жизель» Адана, по праву могут считаться лучшими достижениями декорационного решения сцены. Не случайно французский театр Гранд-опера в 1958 году привез к нам на гастроли «Жизель» в оформлении А. Бенуа, а итальянский Ла Скала «Лючию де ла Мермур» в его же декорациях.

— Я читала о том, что в Москве организовано общество по охране памятников и патриотический клуб «Родина»,— говорит Анна Александровна.— Как бы этому обрадовался отец! Ведь он один из первых в России поднял голос в защиту родной старины.

Еще в 1901 году Бенуа предпринял издание журнала «Художественные сокровища России», проникнутое пониманием роли великого наследия русской культуры в созидании искусства нового времени. А с каким любовным вниманием относился он к русским народным промыслам, ратуя за создание музея русской народной игрушки, которая «представляет из себя целый мир народной эстетики — остроумия традиций и наблюдательности»!

Следует вспомнить и работу художника в годы Великой Октябрьской социалистической революции. Бенуа был поставлен во главе картинной галереи Эрмитажа и своей деятельностью способствовал сохранению находящихся там мировых шедевров; много сделал он и для того, чтобы собрать в Эрмитаже все произведения великих художников, хранившиеся в царских дворцах, великокняжеских особняках, дворянских поместьях.

Пока Анна Александровна хлопочет, накрывая на стол, мы знакомимся с ее сестрой — известной художницей Еленой Александровной Бенуа, которая расспрашивает нас о выставке своей двоюродной сестры Зинаиды Серебряковой, с таким успехом прошедшей несколько месяцев назад в Москве. Здесь же в гостях автор многих статей и монографий об А. Бенуа и Н. Рерихе, блестящий искусствовед Сергей Ростиславович Эрнст. Рассказываем мы и о гастролях в Москве театра Ла Скала, главным художником которого вот уже тридцать лет является сын Александра Бенуа — Николай Александрович Бенуа.

Алексей Максимович Горький, друживший с Александром Бенуа, принимал горячее участие в судьбе его сына, рекомендуя Николая Бенуа на пост главного декоратора Мариинского театра.

После русского чая Анна Александровна показывает нам работы, созданные отцом в последние десятилетия жизни, многочисленные эскизы декораций и костюмов. Иностранные биографы называют Александра Бенуа «патриархом современного европейского театра». Лучшие театры Парижа, Рима, Лондона, Копенгагена, Милана, Буэнос-Айреса приглашали русского художника для оформления балетных, оперных и драматических спектаклей. Особенно запоминается «Идиот» Достоевского, поставленный в Париже в 1925 году.

Здесь же неизданные иллюстрации к «Капитанской дочке» и многое-многое другое.

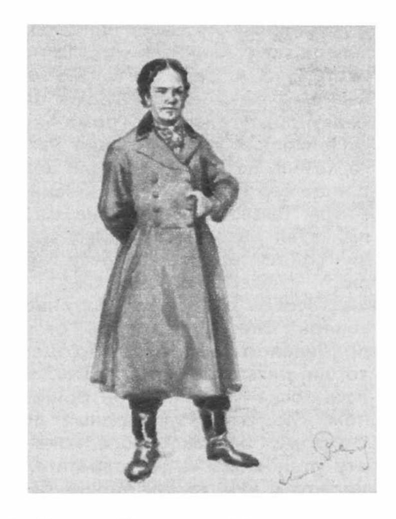
Оказавшись в эпицентре распада буржуазной культуры Запада, А. Бенуа со всей полемической страстью русского художника, служащего идеалам реалистического искусства, полного любви к природе и человеку, пишет множество статей, направленных против абстракционизма и других модных трюкачеств.

Анна Александровна Черкесова-Бенуа, дочь художника.

А. Бенуа «Ленинградский пейзаж». 1942 год (акварель).

А. Бенуа «Рогожин». Эскиз к спектаклю «Идиот», 1925 год.

В 1906 году Дягилев, талантливый критик и пропагандист русского искусства, ученик и друг А. Бенуа, развертывает при Осеннем салоне в Париже выставку русского изобразительного искусства—от иконописи до современных художников.

«Тогда нам всем захотелось показать то, чем мы были вправе гордиться, не одним нашим соотечественникам, а всему миру... явилась потребность как-то экспортировать то, чем была духовно богата Россия»,— писал А. Бенуа.

В следующем году С. Дягилев организовал в Париже концерты

произвел балет Бенуа на тему русской народной жизни «Петрушка»; французские критики называли его чудом хореографического искусства.

Бенуа один из первых среди русских художников по-новому подошел к искусству театральной декорации в музыкальном театре.

В то время существовали большие мастерские по изготовлению декораций по бытующим штампам: дикий лес, роскошный дворец, лунная ночь, горная местность... Создавались они без учета специфики эпохи, стиля, музыкального замысла композитора. Та же самая рутина царила и в

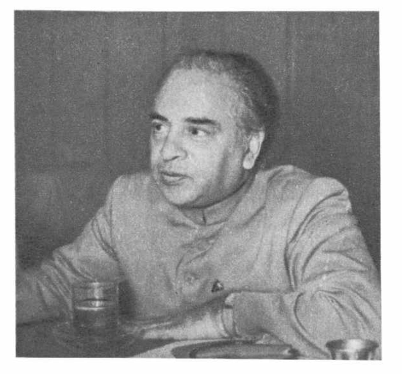
Огромный интерес представляют статьи, так называемые «Художественные письма», его заметки и, наконец, дневник, который вел он до последнего дня жизни.

Чтобы разобраться в архивном наследии Бенуа, необходимы долгие месяцы серьезного, кропотливого труда.

Сейчас у нас готовятся к печати воспоминания художника.

Мы уходили, переполненные впечатлениями.

Накрапывал дождь. Над серыми громадами парижских домов неслись рваные облака. Точь-в-точь как на иллюстрациях Александра Бенуа к «Медному всаднику».

Шутовской колпак

Мулку Раджу Ананду — известному индийскому писателю, лауреату международной премии Мира — исполняется 60 лет.

Ананд родился 12 декабря 1905 года в г. Пешаваре в семье военнослужащего англо-индийской армии. Путешествуя по стране вместе с воинской частью отца, будущий писатель своими глазами видел горькую жизнь индийского народа, угнетенного иностранными колонизаторами, и с ранней юности стал задумываться над тем, как помочь своему народу. На формирование политических взглядов Ананда оказала большое влияние победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и развернувшееся в 1918—1922 годах мощное национально-освободительное движение в Индии. В 1919 году Ананд, совсем юношей, принял участие в антиимпериалистическом движении молодежи Пенджаба.

К настоящему времени Ананд издал четырнадцать романов, шесть сборников рассказов; он автор многих научных (философских, искусствоведческих и литературоведческих) работ — книг и статей.

В своем творчестве Ананд следует реалистическим традициям лучших представителей индийской литературы конца XIX — начала XX века — Рабиндраната Тагора, Шорота Чаттерджи, Прем Чанда.

Большое влияние на творчество Ананда оказало знакомство его с русской и советской литературой, в особенности с творчеством Горького, который, по словам Ананда, «боролся за революцию не только словами, но и всем своим существом».

Литературная работа Ананда как художника неразрывно связана с его обширной и многообразной научной работой и общественной деятельностью. В настоящее время Ананд — профессор Пенджабского университета в Чандигархе, член исполнительного комитета Индийской академии литературы и Академии изящных искусств, редактор журнала «Марг».

Ананд — искренний друг Советского Союза. Он неоднократно был гостем СССР и выступил одним из организаторов Индийско-советского общества культурных связей.

Ю. Е. ЛЕБЕДЕВА,
аспирант ИНА АН СССР

Мулк РАДЖ АНАНД

Рассказ

День был ясный, но к вечеру собрались тучи, грозя разразиться ливнем над северными территориями Анголы. Однако темная сердцевина туч еще не сгустилась, и чудовище только изредка погромыхивало. Потом демон раз, другой оскалил огненные зубы и стал сердито мигать зарницами молний. И, наконец, глубокие раскаты грома вырвались из его могучей глотки. Девушки ближнего селения, словно перепуганные утки, помчались стайками с плантаций, спеша спрятаться под крышами конусообразных тростниковых хижин.

Полковник Антонио де Сильва, комендант лагеря для пленных, только что вернулся с охоты в лесу. Сержант Космо немедленно принес ему украшенную тремя звездочками бутылку португальского рома — утолить жажду.

Полковник хмуро глядел на обломки дикого камня, которые усеивали землю вокруг веранды его бунгало,— это пленные рвали динамитом ближнюю скалу, на месте которой он приказал разбить площадку для военных учений солдат гарнизона. Слева торчал небольшой форт с высокими земляными насыпями, его вид всегда раздражал Антонио де Сильва. А теперь сквозь усталость от утренней охоты пробивалось еще какое-то щемящее чувство: то ли разыгрывалась желчь, то ли поднималась тоска по оливковой рощице под Лиссабоном, где стоял загородный дом полковника. От рома, разбавленного кока-колой, вкус во рту становился еще отвратительнее. Непонятно, что с ним такое. Может быть, эта горькая слюна оттого, что он так и не встретил в лесу никакой дичи?

— Космо! Зови этих чернолицых — пусть пляшут!— приказал полковник.

Космо притворился, что не слышит. В этой богом забытой глуши, где «мирные» селения можно перечесть по пальцам и где только форт заносчиво напоминает о европейской цивилизации, что может поддержать дух в португальском солдате? Приглушенные голоса поющих женщин, доносящиеся из селения? Или звуки барабанов, тусклые, как тлеющие угли на костре, и вдруг вспыхивающие неистовым пламенем, когда начинается пляска? До селения добрая миля, да и начинают они свои вечерние празднества позднее. А пленные — те и вовсе дохлые и к тому же угрюмы и злы...

Над головой все сгущались, все мрачнели тучи.

Полковник был человеком закаленным, ему нипочем любая погода: и тропический зной и арктический холод. Он всего навидался за годы службы португальской империи, раскинувшейся по всему свету. Он даже неплохо перенес свинцовое небо и вечные туманы в Англии, где проходил недавно шестимесячный инструктаж в Сандхэрсте. Одного он не выносил: неповиновения.

— Космо!— закричал он.

Подействовала ли въевшаяся казарменная муштра или сержанта вдруг самого потянуло к звучным словам песни и мягкому ритму танца, но сержант вырос на веранде и откозырял.

— Ты что, не слышал? Я звал тебя!— спросил полковник.

— Не слышал, господин полковник,— солгал Космо.

— Я приказал: туземные танцы!

— Они уже приходили танцевать вчера, когда вы принимали госпожу Фатиму, господин полковник,— напомнил Космо.— Они больше не придут.

— Дашь им на водку!

Космо не поднимал глаз. Тени от густых облаков бежали по его лицу. И вдруг наверху все взорвалось гневом, и в огне молний разверзлись врата небесные, словно под напором тысяч мертвых мятежников, штурмующих престол самого бога.

— Скажи караульным, чтобы привели сюда этого черномазого зачинщика, доктора Адама! Пусть и сами придут выпить по рюмке рома...

Космо не двигался с места, словно выжидал, когда кончатся раскаты грома.

— Ступай! Чего еще ждешь?

Космо медленно поднял голову, как бы желая, чтобы недвусмысленный приказ проник в его сознание. Он все еще колебался.

— Марш! Вон!— загремел полковник и топнул ногой.

В то же мгновение в небе грянул мощный обвал грома. Охваченный внезапным страхом, Космо бросился бежать с веранды.

С юга повеял порывами теплый бриз. Да, теперь уж как будто не миновать дождя... Но основная громада туч, словно подмигивая вспышками молний, стала передвигаться в сторону нижней Анголы; только один небольшой отряд небесного воинства продолжал клубиться над скалами. То устремляясь вперед, то замедляя бросок, тучи надвигались неумолимо, как делают на земле эти мятежники, поднявшие руку на самые основы мирового порядка...

Взгляд полковника де Сильва не отрывался от неба, словно он хотел подсчитать силы врага. Да, сейчас он чувствовал себя беспомощной пылинкой во власти разбушевавшейся стихии. Ему вспомнился орел, который возвращался к гнезду и вдруг завертелся в воздухе колесом, подхваченный внезапно налетевшей бурей... Полковник с трудом поборол приступ слабости и перевел глаза на бокал с ромом.

Он поднял бокал и приложил его к обветренной щеке, чтобы почувствовать целительное прикосновение шелковистого стекла. Тяжелый вздох слетел у него с губ, как мольба о пощаде. Шарканье шагов по песку насторожило его, он выпрямился в кресле, как приличествует начальнику.

На шаг впереди группы солдат, словно из-под земли явившись, шел доктор Адам, худой невысокий человек, которого можно было бы принять за привидение, если бы не сверкающие белки внимательных глаз. Светло-серый европейский пиджак казался чужим на этом негре с замкнутым, печальным лицом.

— Доктор Адам, я полагаю?— скаламбурил полковник, перефразируя известную фразу Стэнли, когда он нашел в Африке Ливингстона.

Доктора Адама, казалось, нисколько не тронула эта ирония; он не произнес ни слова, а просто стоял там, где остановился,— шагах в пяти от коменданта, под охраной Космо и пятерых солдат из гарнизона форта.

Неутомимые бризы по-прежнему веяли над горизонтом. Только один раз молния вспыхнула над далекими горами.

Полковник вдруг подумал, что бог слишком милостив к этому черному доктору, если подарил ему армию, которая еще не сокрушена. Он немного помолчал, потом снова принял свой саркастический тон:

— Я слыхал, вы в Лондоне научились танцевать фокстрот, вальс и даже танго?

Доктор Адам кивнул головой. Пытки, которые он переносил в лагере, научили его не выдавать своих ощущений. Сейчас его лицо было совершенно непроницаемо.

— Приятно было обнимать английских девочек, э? Хотя с вами, наверно, танцевали одни служанки.

Пленный едва заметно поморщился. Белки его глаз опустились ниже, ему было стыдно за нестерпимую вульгарность полковника.

— А пляски вашего племени вы, наверно, забыли?

Доктор Адам отрицательно покачал головой.

Полковника де Сильва всегда поражала способность этих негров молчать, молчать бесконечно. На темном, как ночь, лице пленного нельзя было прочесть, что он думает и чувствует на самом деле. Но разве негры умеют выражать мысли не только руками? Да и вообще люди ли они, эти африканцы? Небо может расколоться над их головами — они все равно неподвижны, как камень.

Словно в ответ на его мысли сноп молний на мгновение разорвал тяжелую завесу туч. Полковник невольно вздрогнул и откинулся в

кресле. Доктор Адам стоял по-прежнему спокойный, молчаливый и угрюмый. Только легкая усмешка промелькнула на его губах; или это показалось полковнику?

— Тогда спляшите по-вашему!— сказал полковник.— Давайте повеселимся вместе.

Но человек стоял неподвижно, как статуя, как видение из сна.

Де Сильва почувствовал, как дрожь пробежала у него по спине.

— Эй, Космо!— крикнул он, стараясь, чтобы голос звучал весело.

Сержант выскочил вперед. В призрачном свете далекой грозы он сам казался призраком.

— Дай ему тот шутовской колпак, который взял у туземцев вчера,— красный обезьяний колпак. В нем он станцует лучше!

Космо взбежал на веранду, взял с вешалки колпак, вернулся и протянул его полковнику.

— На голову ему надень, идиот! Или себе на голову. Что ты суешь это мне?!

Космо согнулся, словно гнев начальника всей тяжестью обрушился на его плечи. Он подбежал к пленному. Для доктора Адама после непрерывных истязаний в лагере это было только одно из сотен издевательств. Он не шелохнулся, когда Космо напялил на его голову шутовской колпак.

Едва бросив взгляд на пленного, полковник Антонио де Сильва принялся хохотать. Но смех звучал натянуто. И наигранная веселость вдруг оборвалась: никто из солдат не поддержал начальника смехом.

Лицо полковника перекосилось. Он принял вдруг официальную осанку.

— Смотреть на дурака!— скомандовал он солдатам.— И смеяться! Вы почему не смеетесь?!

Но с окутанной тенями лестницы веранды донеслось только несколько смущенных смешков. Солдаты умели расстреливать пленных на месте — это было легче, чем смеяться над ними. Солдаты знали, что негры могут ответить на это таким смехом, что от него мурашки побегут по спине, а то и просто плюнуть в лицо. Так бывало не раз.

У полковника де Сильва пересохло в горле. Он одним глотком допил остатки рома в бокале. Чуть заикаясь, он крикнул пленному:

— Танцуй, малый, танцуй!

Долгий раскат грома прозвучал, как фантастический аккомпанемент к предстоящему танцу. Но доктор Адам и не думал выполнять желание своего мучителя.

Полковник сбежал со ступеньки веранды и схватил доктора Адама за руку. Он стал вращать пленного вокруг себя, подпевая:

— Га! Га! Га! Туземный танец! Туземный танец!

Пленный все так же безмолвно позволял полковнику делать что ему угодно.

Первые капли дождя, казалось, обещали доктору Адаму конец издевательствам и отдых. А де Сильва все больше входил в раж:

— Дурак в колпаке! Дурак в колпаке! Га! Га! Га!

Но каким-то шестым чувством полковник уже догадывался: хора за ним нет и не будет. Это привело его в ярость. Он вдруг остановился и с размаху ударил пленного носком сапога в спину. Доктор Адам полетел прямо на винтовки караульных.

— Танцевать, дурак! Танцевать! Или... убирайся к дьяволу!

Караульные сначала опешили от этого взрыва гнева начальника. Потом они подхватили доктора Адама и заломили ему руки за спину.

Полковник поднялся на террасу и мешком упал в кресло.

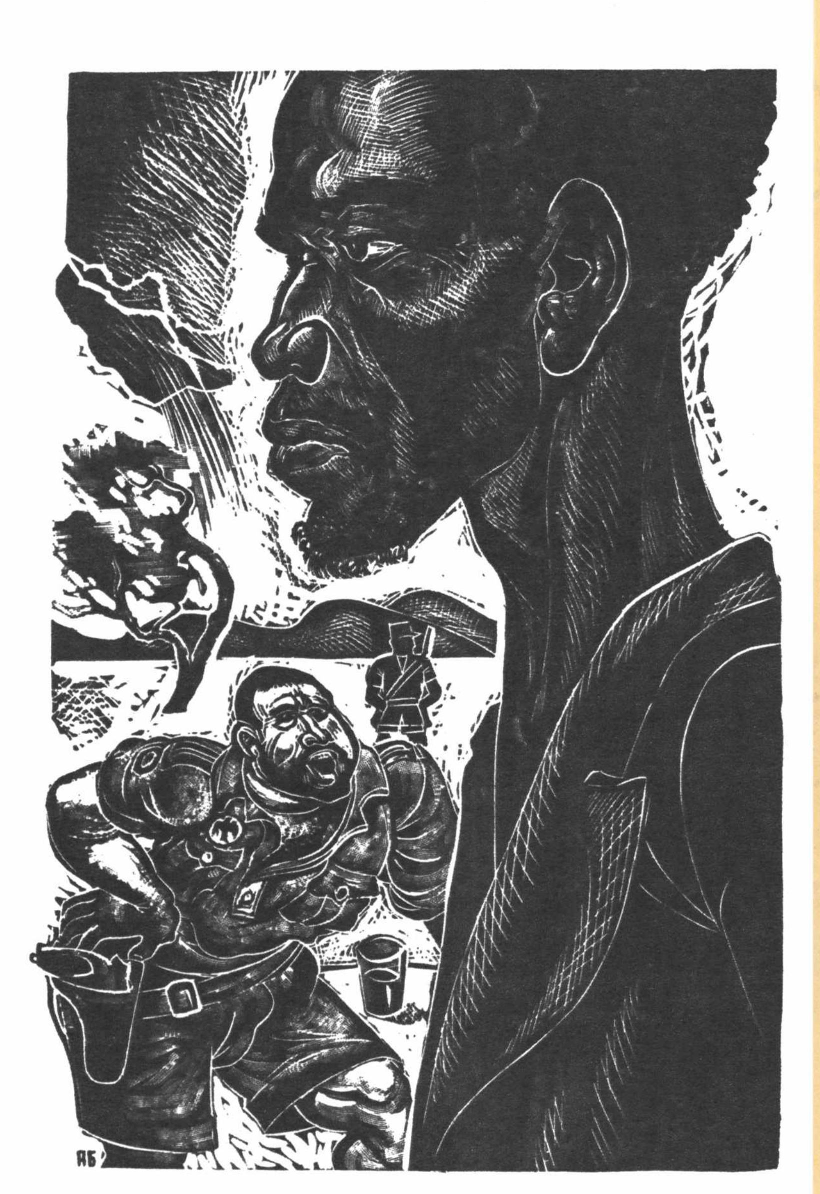
Порыв бриза поднял облачко пыли во дворе. Несколько мгновений полковник сидел, не отрывая стальных глаз от пленного. Капли дождя барабанили по крыше веранды, падали на караульных.

— Вон! Вон все!— прохрипел полковник де Сильва и отвернулся.

Из туч хлынул потоками дождь — словно само сердце неба, умягченное страданиями африканцев, растаяло и пролилось слезами над их землей.

Перевел с английского Л. Чернявский.

Гравюра А. Брусиловского.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

100.000.000

1

Я иду по Советской стране,
Дивной, мощной, свободной,
богатой,
И, как сон, вспоминается мне
То, что было в России когда-то.
Пышным цветом в стране
расцвели
Всходы
Лениным созданной были.
На раздольях родимой земли
Мы мечту Ильича воплотили.

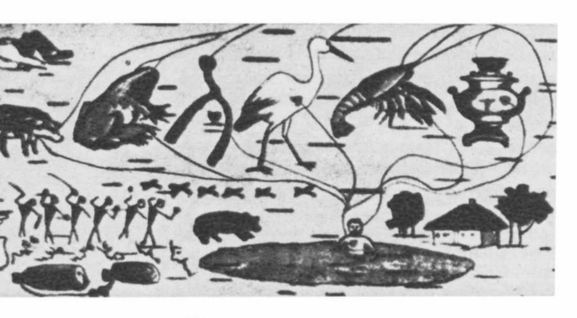
2

Детство, детство мое золотое!
Неприглядная,
трудная быль...
Крепко-крепко дружил я с тобою,
Керосиновой лампы фитиль!
Ты давал мне
лишь крохотку света,
Но, за книгами сидя, я смог
Обойти всю страну, всю планету
По тропинкам и мостикам строк.
Не забыть мне
о ссорах и спорах
С бережливою мамой моей.
— Керосин,
понимаешь ли,
дорог...
Ты читать до рассвета не смей!
Мне давали
чуток керосина,
Но ведь все-таки был я богат!
Понимал я,
что в эти годины
На просторах России горят
Лишь коптилки,
а то и лучины
В миллионах крестьянских хат.
...Был дружок мой
тихонько погашен
Через несколько тягостных лет,
Чуть в губернском городе нашем
Родился электрический свет.
В города и заводы большие
Этот свет понемногу проник,
Но, как прежде,
в селеньях России
Зажигались лишь лампы слепые
Да коптилки, лампады, ночник.
И зазря —
понимать не желая,
Что итог у нее мрачноват,—
Похвалялась
Россия былая
Миллионом своих киловатт.

3

Я сегодня
иду по дорогам страны,
И в ее нескончаемой шири
Мне турбины Каширы видны
И турбины Шатуры и Свири.
Зачинателям наших чудес
Я, привет посылая по-братски,
Улыбаюсь... Ведь стал Днепрогэс
Малышом перед станцией
в Братске!
Вот Нурéк, Бухтарма, Волгоград,
Дивногорской плотины высоты...
Всех гигантов назвать бы я рад,
Но куда там! Собьешься со счета!
Я родимую нашу страну
Озираю ликующим взглядом.
И повсюду,
куда ни взгляну,—
Электрических станций громады!
Хлынул солнечный ток в провода,
Хлынул в жизнь и в сердца
человечьи.
Стали будни людского труда
И успешней, и ярче, и легче.
Проложили мы трассы до звезд!
Чудеса нам сегодня в привычку.
До Иркутска на тысячи верст
От столицы идет электричка!
Исчезает и сходит на нет
Быт когдатошний, злой,
несуразный.
Освещает нам
ленинский свет
Наш сегодняшний будничный
праздник.
Товарищи люди!
Поймите душой:
Праздник сегодня
Красивый, большой,
Праздник,
С немеркнущей радостью слитый,
Лениным жажданный,
Нами добытый.
В этот праздник —
до края полны
Честной гордостью, светлой
отрадой —
Рапортуют
народам страны
Электрических станций громады...
От строителей этих громад
В день,
какого не выищешь краше,
Принимает
Отечество наше
СТО МИЛЬОНОВ
КИЛОВАТТ!

КАК МЫ НАУЧИЛИСЬ ПИСАТЬ?

На снимке: пиктографическое шуточное письмо Володи Ульянова к его товарищу.

Значение письма в истории культуры огромно. К сожалению, всеобщая история письма оставалась до недавнего времени недостаточно разработанной. Этот пробел во многом восполнен монографией В. А. Истрина, представляющей большой интерес не только для специалистов, но и для широких кругов читателей.

Всегда ли передают письменные знаки элементы речи или возможна непосредственная связь письма с мышлением? Мыслит ли современный человек фонетически слышимыми или графически видимыми словами? Как, в частности, протекает мышление у глухонемых, лишенных речи? Какого типа знаки будут служить для связи с обитателями других планет? На эти вопросы можно найти ответы в книге Истрина.

На каком этапе развития человечества возникло письмо и какие общественные условия вызвали его появление? Автор разбирает и эти вопросы, дает анализ древнейших памятников картинного, так называемого пиктографического письма, показывает, что письмо этого типа используется и в наше время, например, детьми. Большой интерес представляет опубликованное в книге картинное письмо Володи Ульянова (Ленина); письмо это, подражающее пиктографии американских индейцев, показывает, что юный Володя Ульянов много читал по истории культуры, и в частности по истории письма. Автор дает дешифровку этого письма Ленина, считавшегося до сих пор загадочным.

В книге дается ответ и на другие неясные вопросы истории письма. Почему все народы уже давно перешли со сложного иероглифического письма на буквенно-звуковое и только в одном Китае оно сохраняется до настоящего времени? Как объясняется загадка возникновения в IX веке у славян двух азбук — кириллицы и глаголицы, в то время как все источники IX века говорят об одной азбуке? Какие системы письма отживают и вытесняются и какие получают все большее распространение в современном мире?

Достоинством книги Истрина является то, что ответы на перечисленные вопросы даются автором, исходя из единой концепции развития письма в тесной связи с историей общества. Книга обильно иллюстрирована.

А. ШИЦГАЛ

В. А. Истрин. Возникновение и развитие письма. «Наука». Москва. 1965.

Утренние берега

Юрий РЫТХЕУ

Несколько лет назад мне пришлось писать предисловие к книге канадского писателя Фарли Моуэта «Люди оленьего края». В ней рассказывалось о трагической судьбе эскимосского племени ихальмютов, живших на пустынных землях Северной Канады. Я читал эту книгу и вспоминал своих друзей с утренних берегов нашей страны, с далекой Чукотки, тех, чья жизнь может служить убедительной иллюстрацией тому, что дала Советская власть народам Севера.

Именно здесь, на далеких окраинах России, произошло то, что можно по праву называть беспримерным социальным переворотом века,— когда малые народности, отставшие в общественном и культурном развитии от своих европейских современников на многие столетия, сделали гигантский прыжок в социализм, доказав этим необязательность для человечества таких формаций, как рабовладельческий строй, феодализм, капитализм.

Чукотка — северо-восточная оконечность гигантского Азиатского материка. Ее омывают воды Ледовитого и Тихого океанов. День здесь продолжительностью в несколько месяцев, а полярная ночь длится столько, что тоска по солнечному свету принимает остроту физического страдания.

Солнечный луч начинает свой путь по стране с мыса Дежнева, перескакивает в мое родное селение Уэлен, освещая окна новых домов, и мчится далеко на запад вслед за блестящей ниткой, оставленной следом реактивного самолета. Охотники несут на берег моторы, бензин в бочках и канистрах, ружья, ремни... На треногах устанавливают старые противотанковые ружья, нашедшие применение в китовом промысле. В вельбот грузится примус и запас воды.

Суда выходят навстречу солнцу, встающему из воды. Моторы поют свою песню, журчит вода под носом вельбота. Охотники, не отрываясь, осматривают в бинокль морскую даль.

— Ръэв! — кричит впередсмотрящий, и бригадир поворачивает послушный вельбот по указанному направлению. Моторист выжимает последние силы из маленького рульмотора. Нелегко догнать морского великана. Но еще труднее угадать, откуда он вынырнет. Бригадир вельбота должен безошибочно это знать.

Долго длится погоня за китом. Опасная и трудная охота.

В прошлые годы, когда наступал вечер, на берегу зажигали костер из китовых и моржовых костей. Теперь нет надобности в дымном и чадном пламени. Маяками светятся окна домов, пришедших на смену ярангам. На всем побережье от Ледовитого до Тихого океана теперь не найти приземистую, вросшую в землю ярангу, послужившую нашему народу долгие века и навсегда ушедшую в прошлое, туда, куда ушло многое: темнота и невежество, вера во всемогущих духов, страх перед необъяснимыми силами природы.

...Вельботы идут на свет электрических огней, таща за собой китовые туши. Моторы надрываются от натуги, звенят канаты и ремни. А на берегу уже готовят механизмы, чтобы вытащить китовую тушу на разделочную площадку.

* * *

...Помню, много лет назад вышел я на берег в заливе Лаврентия и увидел в прибрежной гальке две глубокие колеи. Они уходили вдаль, оставляя след на тундровом жестком дерне. Я пошел за ними и наткнулся на автомобиль. Он стоял у стены большого склада. Машина как машина, но это была первая «живая» автомашина, с которой довелось мне встретиться. Я ее обошел кругом и не мог заставить себя подойти к ней спереди, где были расположены мотор-голова и фары-глаза.

А потом уже в бухте Провидения, где мне некоторое время довелось работать грузчиком, я поближе познакомился с машинами, но еще долгое время относился к ним, как к живым существам.

Много есть прекрасных мест на земле, но для меня бухта Провидения — одно из самых лучших. Возможно, что это объясняется тем, что здесь я впервые приобщился к настоящему труду и к технике, а может быть, потому, что этот поселок, врубленный в скалы, является свидетельством огромной воли и мужества людей, украсивших трудами своими самую неласковую и угрюмую землю.

Бухта Провидения — арктический порт. Страницы ее истории — это страницы героического освоения Советской Арктики. Отсюда в свое время вышла курсом на остров Врангеля канонерская лодка «Красный Октябрь» под командованием гидрографа Б. Давыдова. Тогда еще бухта представляла собой пустынный скалистый берег. Лишь на другом, северном, низменном берегу ютились хижины эскимосов. Но именно отсюда поехали на остров Врангеля осваивать эту советскую землю ее первые поселенцы.

Сегодня бухта Провидения — современный порт, оснащенный по последнему слову техники. Здесь перед последним броском на Ледовитый океан корабли берут уголь и продовольствие. Здесь же отдыхают и залечивают свои раны те, кто уже прошел этим трудным путем.

Порт растет вширь и ввысь. На этих черных скалах появились первые на Чукотке многоэтажные дома. Они встали на том месте, где двадцать лет назад размещались огромные брезентовые палатки, в которых жили мы, сезонные грузчики.

В бухте Провидения я получал свой паспорт. Пришел в милицию, заполнил анкеты и подал их начальнику паспортного стола. Тот пробежал глазами строки, удивленно посмотрел на меня и спросил:

— А где же имя и отчество?

Я принялся ему объяснять, что у чукчей и эскимосов ребенку при рождении дается только имя, которое служит ему всю жизнь. Начальник паспортного стола выслушал меня довольно внимательно, потом заметил:

— Хотя я здесь человек новый, но твердо знаю: иметь одно имя — это королевская привилегия. Но даже царствующие лица прибавляли еще и порядковый номер к своему имени. А тут ничего. Голо, как в тундре,— Рытхеу.

— Что же мне делать, придумать себе имя и отчество?— спросил я начальника.

— Советовать в таком деле не могу,— уклончиво ответил начальник.

Я отправился на другой берег бухты к своему другу, работнику полярной станции, и попросил его дать мне свое имя и отчество.

Друг проявил готовность снабдить меня еще и своей фамилией. Но имя и отчество — Юрий Сергеевич — и впридачу еще мое исконное Рытхеу оказались вполне достаточными, чтобы получить паспорт.

Я не хочу утверждать, что именно тогда родился у нашего народа обычай брать имя хорошего русского человека, друга. Но если в каком-нибудь чукотском селении вам бросится в глаза обилие, скажем, Ивановых, значит, жил тут хороший человек с простым русским именем, значит, оставил он здесь столько добра, что люди до сих пор благодарны ему и называют его именем новорожденных.

В далекие селения приходят люди новых, доселе здесь невиданных профессий — геологи, строители, водители тяжелых вездеходов, вертолетчики. Их имена становятся именами людей, которым жить и строить прекрасное будущее.

В иных проектах будущее Чукотки рисуют так: города под искусственными колпаками, украшенные пальмами и другими экзотическими растениями. Будут, конечно, города на Чукотке, но люди едва ли захочется уходить под стеклянный колпак от этого простора, от величественных скал, окруживших бухту Провидения и залив Лаврентия, мыс Дежнева и Берингов пролив,— ведь им первым встречать зарю на далеких утренних берегах Родины.

Этих малышей из поселка Уэлен интересует техника.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Бригадир оленеводов Николай Этувье из колхоза имени «Первого Ревкома Чукотки».

В бухте Провидения.

Москвичка Джульетта Патрунина—хозяйка бензоколонки на колымской золотой трассе.

ЧТОБ ДЕШЕВО ДА МИЛО

М. КИСЕЛЕВА

Поиски хорошей портнихи привели меня в ателье мод № 2 Бауманского района на Новой площади. Я была уже заранее предупреждена: «Постарайтесь заказать платье Ларисе Григорьевне». Собственно, могли и не называть ее имени. Когда я пришла к открытию ателье, здесь уже толпились женщины «с именем Ларисы на устах». Мне повезло. Я отдала шить платье именно ей. И теперь мы уже немного знакомы. Закройщик-модельер Лариса Григорьевна Головенкова окончила московский швейный техникум. Получила звание конструктора-модельера. Шесть лет работала в Казани на швейной фабрике объединения «Волга». Затем вернулась в Москву и вот более двух лет — в ателье.

— Как рождается идея платья?

Лариса пожимает плечами.

— Трудно ответить. Иногда долго сидишь с карандашом над листом бумаги. Думаешь, мучаешься, ищешь линию, и ничего не получается. И вдруг где-то, на улице, на выставке, на просмотре, мелькнет какая-то деталь. Та самая, которую ищешь, то самое «чуть-чуть», которого не хватало, чтобы найти желаемый фасон.

— Вы скроили вещь, а дальше?

— Дальше начинается самое трудное. Почти все операции у нас выполняются вручную. Механизации в ателье, можно сказать, никакой. Швейная машина да утюг, булавки, мелок да еще банка с водой,— смеется Лариса.

Итак, закройщик скроил вещь. Она поступает в цех, где ее «работает» бригада. Один мастер отделывает карманы, другой — вшивает рукава, третий — обрабатывает швы. А закройщик-художник все выполненные детали, как говорят в ателье, сводит к гармоничному звучанию вещи. Но так не всегда получается даже у Ларисы, хотя она принадлежит к числу тех немногих, которым женщины смело вверяют судьбу своих туалетов. И если уж говорить не об исключении, а о правиле, то не могу не разделить скепсиса друзей, утверждавших: «Вы можете считать, что вам повезло, если в ателье хорошо сшили ваше платье или костюм».

В чем же тут дело? Почему женщины порой предпочитают поиск готового платья покупке ткани в магазине? Стоит-то она сейчас недорого, а за шитье уплатишь немало денег да еще будешь потом горевать: испортили платье в ателье...

Начнем с того, что женщина, заказывая в ателье, скажем, пальто, хочет тут же посоветоваться с мастером, закройщиком, какая ткань будет ей к лицу. Ей в ателье показывают образцы. И сразу же у заказчицы портится настроение: однообразные, тусклые расцветки давно вышедших из моды тканей. А цена солидная.

Странно! Когда заходишь в магазин тканей, глаза разбегаются: такой тут богатый выбор, на любой вкус, на любой возраст. Почему же всего этого нет в ателье? Оказывается, у Ростекстильторга есть сынки и пасынки. Ателье мод ходят в пасынках. Формально им, как и швейным фабрикам, дано право выбора. Но это только формально. Фактически им, чужим, дают то, что негоже своим. Проблемой этой заинтересовался комитет партгосконтроля Дзержинского района Москвы. Выяснилось, что в этом районе в 34 ателье бытового обслуживания скопилось на 80 500 рублей шерстяных тканей устаревших фактур и расцветок и на 8 500 рублей шелковых. Вот уже несколько лет лежат они, выцветая от времени. Нет желающих шить из них платья.

Не могу не вспомнить при этом опыт Чехословакии. Там в ателье можно заказать платье из ткани самой что ни на есть новейшей — массовый ее выпуск начнется не раньше чем на будущий сезон. А пока фабрика в порядке рекламы и проверки спроса дала ателье несколько отрезов. Клиентка, заказавшая платье из приглянувшейся ей яркой ткани, уверена, что не встретит такое же платье на каждом шагу.

Но дело не только в тканях устаревших расцветок. Не решаются заказчицы шить платье в мастерской: шансов на удачу, на то, что закройщица окажется такой, как Лариса Головенкова, маловато.

В ателье тоже сетуют:

— Мало хороших мастеров!

«Срочно требуются опытные закройщики», «Приглашаются первоклассные мастера...» Такие объявления увидишь у входа во многие ателье.

Разве у нас не готовят швейников? Готовят, обучают. Профессионально-технические училища, швейные техникумы ежегодно выпускают достаточно большое число специалистов. Но ведь опытные мастера не приходят со школьной скамьи. Сколько пальто и костюмов испортит выпускник, прежде чем станет настоящим мастером, даже если училище закончено им на «отлично»!

Стажировку выпускники проходят у ветеранов швейного дела. Их усаживают за стол, буквально по правую или левую руку наставника. Мастер одновременно должен выполнять свою непосредственную работу и учить молодежь. И оказывается, если заказ испорчен учеником безнадежно, то расплачивается за него... учитель. Тридцать рублей заплатил Николай Сергеевич Журавлев, мастер ателье № 2, за костюм, который один из его учеников так старательно утюжил, что прожег.

При ГУМе имеется первоклассное ателье. Здесь тоже острая нужда в закройщиках и мастерах высокой квалификации. Не надеясь на училище, в ателье ГУМа решили готовить кадры самостоятельно, испытанным способом: прикрепляют к лучшим специалистам способную, подающую надежды молодежь. Но... есть постановление: мастер за подготовку ученика получает в месяц 4 рубля 50 копеек, и все, что сшито под руководством и при помощи мастера, не засчитывается ему в план. В результате учитель иногда не успевает выполнить свою норму со всеми вытекающими отсюда последствиями. С другой стороны, того и гляди, уплатишь из своего кармана за испорченные учеником пальто. Нетрудно догадаться, почему так мало энтузиастов-учителей.

Разговор о материальных стимулах заходит в ателье и тогда, когда спрашиваешь: «Почему так часто заказчицы недобрым словом поминают ваших мастеров?»

В бригаде, исполняющей заказ, работают люди разной квалификации, разных вкусов, разных школ, разного отношения к труду. А зарплата у всех зависит только от одного показателя — количества. Качество же — только от совести, настойчивости, терпения, воли закройщика. Известно, что плохо вшитый рукав сводит на нет работу всей бригады, будь она, эта работа, выполнена блестяще. Некрасиво отстроченный воротник портит костюм. Такие закройщики-модельеры, как Головенкова, учат, уговаривают, заставляют переделывать и добиваются в конце концов безукоризненной отделки деталей. На это уходит много времени, душевных сил, терпения. Но вот платье сдано. Радостная заказчица пишет в книге отзывов благодарность. Запись эту торжественно зачитывают в цехе бригаде мастеров, причастных к рождению платья. Тут же сидят, слушают другие — слушает закройщик, имя которого вызывает у некоторых заказчиц зубовный скрежет, слушает молодая портниха, умудрившаяся искорежить рукав. Слушают и ухмыляются. Денег-то их бригада получила побольше: на два платья перевыполнили норму! «Шей строчки реже — деньги те же». Поговорку эту, бытующую среди рвачей швейного дела, пока еще никто не опроверг. Нерадивые ремесленники, которые наспех выполняют и перевыполняют свою норму — где уж тут за тщательностью отделки следить! — зарабатывают больше, чем мастера-художники, которые кропотливо, любовно, без гонки шьют так, чтобы заказчица была довольна.

Как правило, добросовестному портному достается наиболее сложная, трудоемкая работа. А рядом мастер-халтурщик гонит план, шьет абы как. И денег получает больше. А иной раз, к празднику, и грамоту дадут «за перевыполнение». Стоит ли удивляться тому, что вдруг и отличный мастер тоже начинает выколачивать план, шить вкривь и вкось? Такие случаи редки — людям дорога профессиональная честь. Но о таких случаях вам с грустью поведают и в самых хороших ателье. Расскажут и вспомнят про те времена, когда портным присваивали звание мастера первой и второй категорий — по категории и платили; вспомнят про те времена, когда существовали не такие высокие, постоянно растущие месячные нормы, когда можно было требовать от портного работу отличного качества, тщательность отделки. Вспомнят и скажут: «Вот в промышленности после сентябрьского Пленума ЦК КПСС наступают решительные перемены — директор завода получает большие права и в планировании и в организации труда, заработной платы, может по-настоящему стимулировать хорошо работающих. А у нас как? Ведь мы тоже промышленность, у нас тоже предприятие — служба быта. Что же, все так по-старому останется? Думает ли кто-нибудь о том, чтобы и у портных критерии качества не сбрасывали со счетов, когда до зарплаты дело доходит?»

Справедливый вопрос. С ним я и пошла к начальнику производственного отдела Управления бытового и коммунального обслуживания Виктору Васильевичу Селезневу.

— В Москве,— говорит он,— ежедневно выполняется четыреста тысяч всевозможных заказов. Как видите, довольно большая возможность и обрадовать и испортить настроение людей. Мы хотели поощрять мастеров. Ведь каждую работу можно выполнять хорошо, отлично и удовлетворительно. Но трудно определить критерий. Поэтому пока мастера получают равную зарплату, независимо от того, написал ли заказчик благодарность в книгу пожеланий или ушел недовольным.

— Разве благодарность, записанная в книгу пожеланий, не критерий?

— Нет. В Комитете по вопросам труда и заработной платы, куда мы обращались с этим вопросом, считают, что отзыв заказчика не может быть критерием. Разные вкусы бывают у клиентов, кроме того, они не разбираются в технологии шитья... А каждый раз собирать квалифицированную комиссию невозможно... В общем, надо признать, что вопрос этот у нас не решен. Хотя кое-что предпринимаем. Составляется проект новой системы оплаты труда мастеров по категориям. Добиваемся права преимущественного отбора тканей на базах Ростекстильторга. Отпускаем средства на механизацию. На фабриках, объединяющих ателье мод, скоро всюду появятся художники-модельеры, которые будут руководить мастерами-закройщиками.

— Ну, а как быть с главной бедой? Кто будет материально стимулировать таких, как Лариса Головенкова?

Селезнев огорченно пожимает плечами.

— Мы стараемся улучшить работу закройщиков, как-то поощрить тех, кто отлично выполняет заказы. Головенкова, например, назначена художником-модельером экспериментального цеха, она будет помогать начинающим. Но все же в целом, в главном вопрос еще не решен,— снова повторяет он.

Что ж, можно только пожалеть об этом.

Олег ШМЕЛЕВ,
Владимир ВОСТОКОВ

Рисунки О. КОРОВИНА.

ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА РЕЗИДЕНТА

ПОВЕСТЬ

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Взяв из окошечка справочного бюро листок с адресом, который был ему известен и без того, Павел отправился на квартиру Курнакова. Все следовало делать естественно: вдруг спросит, как Павел узнал адрес...

Хозяин ветхого деревянного дома, седой низенький дяденька пенсионного возраста, выглядевший гораздо крепче своего домовладения, сообщил, что Станислав Иваныч сейчас на работе, и объяснил, как найти мастерскую...

Судя по всему, работа в этой радиомастерской была, что называется, не бей лежачего. Или в городе радиоприемники не ломались, или их вообще не было по причине поголовного увлечения телевизорами. Так или иначе, но Павел целый час дежурил поблизости, ожидая, не выйдет ли Курнаков на улицу, и ни одного клиента не увидел.

В чемодане у него лежала «Спидола», и можно было зайти вроде бы за консультацией, но если окажется, что мастер там не один, то это не годится. Лучше разыграть сцену встречи старых друзей. Станислав наверняка подхватит.

Павел вошел в мастерскую.

В первой комнате, разделенной надвое широким прилавком, никого не было. За хлипкой фанерной дверью слышались мужские голоса. Павел постучал по прилавку костяшками пальцев.

Дверь открылась. За нею стояли двое в синих халатах, один помоложе и пониже, другой постарше и повыше. Павел глянул на высокого, развел руки во всю ширь и закричал, как в лесу:

— Стасик! Дорогой!

«Стасик» даже вздрогнул, глаза у него сделались круглые и испуганные. Но в этом сонном царстве можно было испугаться просто от крика. Надежда моментально оправился, так что его коллега не успел ничего заметить. А старые друзья уже обнимались, делая это неуклюже, ибо их разделял прилавок.

— Кого я вижу! Друг! Какими судьбами? — кричал Надежда: он не знал, как ему называть Павла.

Сцена встречи развивалась по нарастающей. Закончилась она словами Надежды, обращенными к его сослуживцу:

— Слушай, Коля, ты иди обедать сейчас, а я потом.

Коля оставил их вдвоем.

Лицо у Надежды сразу потемнело.

— Так действительно можно сделаться заикой, — сказал он, глядя Павлу в глаза. — А теперь говори: какими судьбами?

Павел вынул бумажник, покопался в нем и положил на прилавок пятерку и трешницу. Надежда взял их, долго смотрел на номера, и складки у него между бровями постепенно разгладились.

— Привез что-нибудь? — спросил он, пряча деньги в карман.

Павел похлопал по стоявшему между ними чемодану. Надежда сказал:

— Знаешь что? Сейчас этот телок вернется, и мы уйдем отсюда. Все равно работы нет. Ты иди по этой улице к центру, я догоню. — Он снял халат, повесил его на гвоздик...

Через двадцать минут Павел и Надежда встретились. Они шли по теневой стороне: было жарко.

— Ты уверен, что пришел без хвоста? — спросил Надежда.

— Не опасайся. В чем в чем, а в этом опыт есть.

— Что в чемодане?

— Рация, деньги.

— Где бы нам поговорить? Дома у меня нельзя. — Надежда подумал и решил: — Занесем чемодан, а потом погуляем.

Надежда представил Павла хозяину и его старушке жене как лучшего друга, с которым не виделся бог знает сколько, и сказал, что Павел, возможно, поживет у него день-другой. Старики ничего не имели против.

Комната у Надежды была с низким потолком, но большая и чистая. Едва вошли, Надежда раскрыл чемодан, взял в руки «Спи-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 38—48.

долу», нежно погладил. Потом обвел комнату взглядом, прикидывая, где можно спрятать аппарат.

— Она работает и как приемник,— сказал Павел.

Надежда кивнул на стену.

— Народ деликатный, без стука не заходят. Но знаешь...

Решено было взять «Спидолу» с собой,— сейчас многие шляются по улицам с транзисторами, как ходячие громкоговорители. Видно было, что Надежде не хочется выпускать рацию из рук.

Часть денег рассовали по карманам, а другую Надежда убрал в ящик старинного пузатого комода. Затем они вышли на улицу.

Надежда начал с того, что было для него самым главным:

— Они назначили срок первой передачи?

— В любую среду от двадцати трех до двадцати четырех по московскому времени.

— А прием?

— Сказали, что сам сообразишь.

— О шифре речь была?

— Просили передать тебе «Спидолу», остальное меня не касается.

— Тебя учили работать с ней?

— Мне дали маленькую приставку, показали, как включить рацию на передачу.

— А когда ты должен воспользоваться этой приставкой? — спросил Надежда.

— Семнадцатого июля в те же часы. Если бы тебя не нашел.

— Они допускали?

Павел пожал плечами.

— Значит, допускали.

— Ты как будто недоволен, что я тебя расспрашиваю? — деланно удивился Надежда.— Или я спросил что-нибудь лишнее?

— С чего ты?

— Ну, ладно. Говори, какие инструкции получил, кто их давал.

— Найти Станислава Курнакова. Отдать «Спидолу», деньги. Дальше выполнять приказы Станислава Курнакова. Сказал мне это Себастьян.

— И все?

— Больше ничего.

— А если бы не нашел?

— Включить приставку и передать в эфир. Рацию спрятать. Устроиться здесь и ждать.

Надежда замолчал. Было понятно, что он хотел выяснить, какой степенью доверия облекли Павла в центре. Теперь он все узнал и был вполне удовлетворен. Нервозность исчезла.

Они вышли к скверу. Надежда предложил посидеть на скамейке.

— Сменим пластинку, Паша,— сказал он, когда сели.— Или ты не Паша?

— Фамилия другая. Потапов.

— Так что же мы с тобой будем делать, Потапов? На работу устраиваться надо, а?

— Надо бы.

— Ладно. Была бы шея, хомут найдется. Скажи, Потапов, ты знаешь мое настоящее имя?

Видно, Надежде показалось, что пластинку менять еще рано.

— Догадываюсь,— сказал Павел.

— Как же?

— Зароков Михаил.

— Тебе Себастьян сказал? Или Дембович?

— Нет.

— А кто?

— Сам сообразил, когда тебя в мастерской увидел.

— Не пойму...

Павел объяснил:

— На допросах, как «отче наш», все время твердили о двоих: Дембович и Зароков, Зароков и Дембович. Эти фамилии у меня теперь в одном ящике лежат. Ну, с Дембовичем-то мы почти что родные, а Зарокова я в том городе не слыхал. Но зато был знаком с одним фраером, который предлагал мне кататься бесплатно на такси. И вот я вижу этого самого фраера в радиомастерской и почему-то сразу вспоминаю Дембовича. И думаю себе: или Бекас стал психом, или он имеет перед собой человека по фамилии Зароков. Непонятно?

— Соображаешь.— Надежда как будто был удивлен.— А еще никаких фамилий в ящике нет?

Павел знал, что имеется в виду фамилия Тульев. Но как бы не так...

— Нет.

Надежда счел, что можно перейти к другой теме. Он попросил рассказать, каким образом Павла забросили.

Павел описал все по часам, по минутам. История раскручивалась в обратном порядке.

Надежда заинтересовался подробностями жизни Павла и Леонида Круга в разведцентре, людьми, с которыми Павел сталкивался. Почти всех он хорошо знал. Портреты, нарисованные Павлом, были карикатурны, но обладали поразительным сходством. Надежда все время улыбался.

Павел мимоходом упомянул о букете прозвищ, слышанных им, и тогда Надежда спросил, не приходилось ли ему также слышать об Одуванчике. Павел сказал, что Леонид Круг часто говорил с крайней неприязнью о каком-то старце, который якобы вредит его брату, и иногда называл старца божьим одуванчиком. Надежду при этих словах прямотаки перекосило. В бумажнике у Павла лежал некролог о старце, но вынимать его еще не настал срок.

А затем последовали долгие расспросы о ночи с 27 на 28 июня, о переправе.

Наконец Павел заявил, что выдохся, нельзя в один присест болтать так много.

Пришли домой. Пообедали, покурили.

Надежде не терпелось заглянуть внутрь рации, и, дождавшись темноты, он задернул тюлевые занавески, повернул ключ в двери, зажег настольную лампу и верхний свет. Затем достал из комода брезентовую сумку, в которой хранился набор отверток, сверл, напильников, маленькая электродрель, молоточки, и снял маскировочный корпус «Спидолы».

Ее внутренности состояли из двух самостоятельных блоков. Полюбовавшись компактностью аппаратуры, Надежда принялся изучать цифры и буквы, выдавленные на черной блестящей поверхности эбонитовой оболочки, составленной из отдельных пластин. Потом взял маленькую отвертку и отвинтил одну пластину. Под нею открылась ниша, из которой Надежда извлек две картонные таблички, формой и размером похожие на маленькие игральные карты для покера, которые принято называть атласными, хотя делаются они не из атласа. И рубашка у них была карточная. А на лицевой стороне отпечатаны календари на 1963 год. Разграфлено по месяцам и по дням недели, воскресенья выделены красным. Но числа в календарях перепутаны. Это был шифр. Вернее, половина шифра.

Надежда взял из брезентовой сумки шильце и спросил у Павла иронически:

— Я тебе не мешаю?

— А что, нельзя? — Павлу не надо было притворяться, чтобы изобразить, как ему не хочется отходить сейчас от Надежды.

— Иди погуляй, что ли... С полчасика...

Павел повиновался. Во дворе, прохаживаясь под окнами, он обратил внимание, что свет в их комнате как будто бы уменьшился. Кажется, Надежда выключил настольную лампу. А через минуту-две снова зажег.

Павел сел на ступеньке крыльца. Ночь была беззвездная, темная. Поднимался ветер.

Наконец скрипнула дверь, Надежда подошел, опустился на ступеньку рядом с Павлом, закурил.

— Сегодня вторник? — спросил он. Голос у него был усталый.

— Уже среда.

— Ну, отбой.— Надежда погасил папиросу.

Он поделился с Павлом простынями и подушками. Павел лег на диване. Кровать Надежды была очень высокая, выше стола, он взгромоздился наверх, чуть ли не под самый потолок, и было смешно глядеть на него снизу.

— Свет-то забыли,— как-то по-домашнему проворчал Надежда.

Павел встал, выключил лампу.

— Черт те что! — сказал Надежда, ворочаясь.— Надо попросить хозяев, пусть уберут эти проклятые перины.— И добавил без всякой связи с предыдущим: — Надоело мне в этом городе. У тебя документы в порядке?

— По-моему, нормальные.

— А ну-ка покажи.

Павел встал, снова зажег свет, подал Надежде паспорт. Тот нашел, что сделано чисто.

Они лежали в темноте молча, и каждый думал о своем.

— Не спишь? — сказал Надежда.

— Не могу.

Тикали часы. На улице ветер шелестел листвой. Слышно было, как покашливает за стеной хозяин.

— Хотел бы я знать, что с Дембовичем,— сказал Надежда.

— А если забрали?

— Должны были забрать.

— Старик расколется, как орех.

— А может, не расколется.

Больше не разговаривали...

В среду Надежда вышел в эфир. В четверг работал на прием. Настроение у него заметно улучшилось.

У Павла оставалась невыполненной одна задача — найти недостающую половину шифра.

Было ясно, что с собой Надежда ничего не носит. Поэтому Павел, пользуясь его отсутствием, методично и тщательно осматривал все предметы, находящиеся в комнате, ища какой-нибудь тайник. Долгое время его попытки оказывались тщетными. Однажды при очередном таком осмотре он обратил внимание на настольную лампу. Это была, так сказать, капитальная конструкция канцелярского типа. Массивная, как пьедестал, круглая мраморная плита, к ней привинчена ребристая ножка-колонна, а над колонной на проволочном каркасе покоится большой матовый плафон. Вдруг Павел вспомнил, что, выпроводив его на улицу, перед тем как сесть за шифровку, Надежда почему-то на несколько минут погасил настольную лампу.

Сняв плафон и отвернув легко завинченную гайку на нижней поверхности мраморного основания, он отделил полую ножку. Хорошенько запомнив расположение витков, размотал изоляцию на проводе, и в руках у него очутился плотно скатанный бумажный ролик. Развернул его и увидел три колонки цифр. Это было то, что он искал,— ключ к шифру.

В глубине ножки белел комок ваты. Павел вытянул его, и на ладонь упала автоматическая ручка. Размеры ее были несколько крупнее принятого стандарта. Это оказался пистолет. Любопытно. Почему не носит при себе? Неужели перестал бояться?

Переписав цифры, Павел снова устроил все, как было...

В тот же день после ужина Надежда завел речь о женщине, которую зовут Мария,— казалось, он угадывал и исполнял желания полковника Маркова. Он говорил, что тоскует по ней, что ему ее страшно не хватает. Эта исповедь завершилась настоятельной просьбой: Павел должен съездить в тот город, негласно разыскать и повидать Марию. И как-то вручить ей деньги. Может быть, заодно удастся что-нибудь узнать о Дембовиче...

Надежда отлично отдавал себе отчет, насколько это небезопасно,— ведь Павла многие знают в городе, контрразведчики, безусловно, не забыли историю с переправой, он может быть опознан, выслежен, может привести хвоста. Но никакие соображения безопасности не остановили его.

Павел сначала подумывал, что это просто способ отправить его подальше, а самому скрыться. Но было не похоже, чтобы Надежда хитрил.

Сообщив своим по телефону, что должен исчезнуть на несколько дней, Павел попросил явку. Он встретился с лейтенантом Кустовым и передал ему добытый у Надежды ключ к шифру.

А потом отправился в город, где жила Мария.

ПРИВЕТ И ПОДАРОК

В феврале у Марии родился сын. Она назвала его Александром.

Когда она была в роддоме, каждый день под окно, возле которого стояла ее кровать, приходили ребята из таксомоторного, передавали через няню апельсины и яблоки, однажды написали записку: «Цветов пока нет. Но как будешь отсюда выходить, найдем вот такой букет». И правда, в день выписки явились с целой охапкой мимозы, домой ее провожали на трех машинах.

Подруги, которых Мария как-то незаметно растеряла с появлением в ее жизни Михаила, снова были с нею, а Лена Солодовникова буквально не отходила ни на шаг, часто оставалась ночевать.

О причинах бегства шофера Михаила Зарокова судили и рядили в парке по-всякому. Нашлись и такие, кто объяснял дело, по их мнению, мудро и просто. Мол, чего тут непонятного: все они таковы, холостые мужики,— заморочил девке голову, а увидел, что будет ребенок,— удрал.

Одна Мария знала, что это не так. Она же не успела сказать Михаилу о беременности...

Она не винила Михаила ни в чем и не жаловалась на судьбу. Причиной, заставившей его бежать из города, Мария считала какие-то неведомые ей события, грозившие Михаилу очень серьезной опасностью. А события эти могли быть последствием прошлого. Она сопоставляла историю, поведанную Михаилом в тот далекий зимний вечер, когда первый раз пригласила его к себе, и свою поездку в Москву, к матери друга Михаила. Вспомнилось странное впечатление, оставшееся от поездки.

Михаил был в плену, бежал, служил в армии под чужой фамилией. Друг, которого Михаил считал погибшим, оказался живым и сделался бандитом. И потом Михаил кое в чем врал ей. Например, насчет жилья.

Мария складывала все вместе, и получалась зловещая сеть, в которую, вероятно, и попал Михаил. Во всяком случае, она не сомневалась, что дело связано с уголовным миром. С сожалением перестала она носить подаренный Михаилом медальон. Однажды хотела даже выбросить — ведь эта вещь была ворованная, мать Мишиного друга отказалась ее принять. Но, поколебавшись, Мария спрятала медальон в старую сумочку, которой давно не пользовалась,— с глаз подальше. Все-таки это была единственная память о Михаиле.

Заботы о сыне отодвинули в сторону все другое. Мария понемногу пришла в себя. И вдруг одно непонятное происшествие нарушило покой.

Мария так рассказывала Лене Солодовниковой:

— Понимаешь, до сих пор руки дрожат, не могу успокоиться... Вот слушай по порядку. Сегодня утром повезла Сашку в консультацию. Коляску оставила в сквере, против входа. Пробыли мы у доктора полчаса, не больше, ничего страшного у Сашки не оказалось, просто перекормила. Выхожу, держу его одной рукой, а другой клеенку в коляске поправляю. Разгладила ладонью — кирпичик какой-то под клеенкой. Отвернула — пачка денег. Десятки, новенькие, в упаковке. Под ленточку вложена записка. Всего несколько слов: «Ваш друг передает вам привет и просит принять подарок». Почерк не Мишин... Ты знаешь, Ленка, у меня прямо сердце оборвалось. Думаю: ну вот, дождалась. Их там, наверно, целая шайка. Награбили, и мне от своей доли прислал. Даже не хотела Сашку в коляску класть после этих денег. Иду и думаю: что же делать? Деньги у меня в сумке, и будто я сама воровка. Куда их девать? Пошла в милицию. Ну, конечно, расспросы, допросы. А что я могла им сказать? Говорят, не можете ли вы предположить, кто подкинул эти деньги? Говорю: нет. Не буду же я замешивать Михаила. В общем, не стала я ничего предполагать. Говорю: возьмите эти деньги, а сказать больше нечего. Составили протокол, и я ушла.

Мария недаром считала Лену фантазеркой. Выслушав, та спросила таинственным шепотом:

— А записка? Надеюсь, ты ее не отдала?

Мария вздохнула.

— Конечно, не отдала.— Она вынула из сумочки записку.

Подруги долго рассматривали ее, даже на свет. Начитанная Лена высказала догадку, что, может быть, на бумаге есть тайнопись, и предложила прогладить горячим утюгом. Это было наивно, и Мария сказала с грустной улыбкой:

— Ленка, Ленка, какой ты еще ребенок...

Однако отговаривать ее не стала и сама включила стоявший на подоконнике электрический утюг.

Пылкое воображение обмануло Лену: на бумаге, кроме чернильных букв, ничего не было, и Мария спрятала чуть поджарившуюся, ставшую ломкой записку в сумочку.

Лена спросила:

— И все? И дальше ничего?

— Что же еще? Думаю, как же они меня разыскали. Ну, положим, Михаил адрес знает. Но ведь на дом ко мне не пришли. Значит, следили, выбирали удобный момент. От самого дома следили... Ужасно неприятно... И откуда узнали, что я дома сижу, в декрете? Значит, справлялись на работе. Пришла в парк. Там, как всегда, крики, шуточки: «Покажи-ка шофера Сашку». А мне не до шуток. Спрашиваю у Нины, у новенькой, не интересовался ли кто мной. Сказала, звонил мужской голос, спросил по имени. Нина ответила, что меня нет, в декретном отпуске, и поинтересовалась, кто спрашивает. Ответил: знакомый. А какой там знакомый... Прямо не знаю, что делать. Хоть на улицу не выходи.

— Да что ты, Маша! — воскликнула Лена.— Не хватало еще в своем городе жить и бояться.

— Я и не боюсь,— сказала Мария.— Просто неприятно. Один раз подбросили — могут и еще.

Они условились, что Лена пока поживет у Марии.

АРЕСТ

Павел сказал Надежде, что Мария понравилась ему. И это была правда.

Он сразу узнал ее по описаниям Надежды. Ему неизвестно, какая она была прежде, но сейчас просто хороша, ничего не скажешь.

Не опуская ни единого штриха, Павел начал рассказывать, как нашел Марию, как дежурил возле ее дома, следовал по пятам до детской консультации.

— При чем здесь детская консультация? — перебил Надежда.

— Фу, черт, забыл! — спохватился Павел.— У нее же ребенок, сын. Четыре месяца.

Понадобилось подождать немного, чтобы дать Надежде переварить эту новость. Павлу еще не приходилось наблюдать, каким образом проявляется у Надежды радость. Но сейчас выражение лица у него было приблизительно такое, как в тот момент, когда он держал в руках рацию. Это было похоже на тихое ликование. Он сказал:

— Это мой сын, Паша.

Павлу оставалось только поздравить, что он и сделал.

— Ну, дальше,— попросил Надежда.

А дальше Павел поведал довольно грустную для Надежды историю. Как были положены в коляску деньги, как Мария обнаружила их, что с нею сделалось после этого и как она, не раздумывая, отправилась прямо в милицию.

И опять пришлось сделать перерыв, еще более долгий. Отчет Павла походил на процесс закалки: сначала металл раскаляют докрасна, а потом бросают в холодную воду.

Ни один из оттенков в смене чувств, владевших Надеждой, не ускользнул от внимания Павла.

— Продолжай.

— Больше я ее не видел. То есть, конечно, дождался, пока не вышла из милиции, проводил немножко, вижу, топает до дому, и отстал. Разузнал кое-что о Дембовиче, да, может, не стоит сейчас говорить...

— Брось-ка ты, психолог,— мрачно сказал Надежда.

— В общем, помер Дембович, вот что. Сгорел вместе с домом.

— Как узнал?

— От таксиста. Соседи сказали, какая-то старуха на пепелище два раза приходила. Скорей всего Эмма.

— Больше некому.— Задумавшись, Надежда машинально мял папиросу, пока из нее не высыпался табак.— А Эмму, значит, не взяли... Черт, неужели зря я порол горячку?

...С того дня Надежда редко разговаривал с Павлом по душам. Вечерами он читал книги, которые брал у хозяина. В хорошую погоду ходили на ту сторону Волги купаться.

Павел по настоянию Надежды поступил на курсы шоферов и занимался каждый день с утра до обеда. Надежда правильно рассудил, что Павлу надо иметь крепкую профессию — не работать же всю жизнь грузчиком или экспедитором в пекарне! Сам он тоже с великим удовольствием снова сел бы за руль, но опасался это делать: если его ищут, то в первую очередь среди шоферов.

Надежда просил Павла завязывать знакомства с железнодорожниками, с военными, с речниками. И свободную от занятий половину дня не велел болтаться без дела. Надо ходить по ресторанам, на вокзал, на пристань, ездить за город подальше. Смотреть, какие грузы проходят, особое внимание обращать на воинские части, вооружение, а главное, искать месторасположение огневых ракетных позиций. Все это пригодится.

Надежда был словно в ожидании.

Наконец наступил очередной четверг. Сразу после двенадцати ночи Надежда включил «Спидолу», что-то записывал, а потом, выпроводив Павла на улицу, целый час занимался расшифровкой.

На следующий день, когда Надежда окончил работу, они вместе пошли на почтамт. Там Надежда получил открытку, посланную на его имя до востребования. Они прочли ее вместе, не отходя от окошечка. Содержание было немногословным: «Дорогой товарищ! Марки, имеющиеся в Вашей коллекции, меня очень заинтересовали. Сообщите, пожалуйста, о возможности обмена». Подпись неразборчива. На лицевой стороне есть обратный адрес: Москва, Большая Полянка...

Надежда тут же написал ответ. Павел знал, что это контрольная проверка. Если Станислав Курнаков действительно в этом городе, он должен получить открытку и ответить. Если его здесь нет, открытка вернется к отправителю за неявкой адресата.

В воскресенье — это было на следующий день после того, как столица встретила космонавтов Валентину Терешкову и Валерия Быковского,— он очень рано разбудил Павла и попросил съездить в Москву купить кое-какие радиодетали для нужд мастерской.

Это оказалось на руку, потому что Павел собирался просить у своих явку.

Операция завершалась. Михаилу Тульеву, бывшему Зарокову, а в настоящем Курнакову, настало время давать показания.

В Москве Павел встретился с Владимиром Гавриловичем Марковым.

— Будем брать,— выслушав доклад, сказал полковник.— День назначишь ты. И место тоже. Но прежде тебе необходимо переехать на новую квартиру. Надо, чтобы там, где ты будешь жить, никто не знал в лицо Станислава Курнакова.

— Постараюсь уговорить его побыстрее.

— Надо взять в день переезда на новую квартиру. Чтобы новые хозяева не успели разобраться, кто из вас Станислав.

— А насчет некролога как, Владимир Гаврилович? Показать?

— Это можно бы сделать и после, что

называется, в стационарных условиях. Но раз сам придумал,— сам и покажи.

— Ну, кажется, все?

— Все. Кустов будет у тебя под рукой. И последнее. Прошу тебя, не зарывайся, будь предельно осторожным и смотри за ним строго. Это все же не игра. И пистолет у него заряжен не холостыми патронами. Слышишь, Павел?

— Ну, что вы, Владимир Гаврилович... Вы ж меня знаете.

— Потому и говорю. Это самое творчество по вдохновению — оно у меня вот где сидит. Не смей гусарить.

— Пистолет он не носит, а авторучка в лампе.

— Все равно.

Они попрощались, и Павел ушел.

...Уговаривать Надежду, что квартиру следует сменить, не пришлось. Он сам не раз подумывал об этом, так как с появлением рации и партнера следовало позаботиться о более глухой изоляции от соседей. Павлу было поручено найти новое жилье.

...Утро 14 июля было солнечным и теплым. Весело прозвучал на тихой улочке мажорный сигнал «Волги», вызывавший Павла и Надежду. Расставание со стариками хозяевами было недолгим. Уложив чемоданы в багажник, Павел и Надежда сели сзади, и Павел представил Надежде своего друга-механика. За баранкой был лейтенант Кустов.

Отвезли вещи, заперли входную дверь — и опять в машину.

Выехав на шоссе, Кустов сказал, что минут через сорок будут на озере. Больше он не заговаривал, нужно было смотреть в оба: горожане на всех видах моторного и безмоторного транспорта ринулись на лоно природы, движение, как в Москве на улице Горького в часы «пик». У Надежды тоже не было настроения болтать. Ехали молча.

Километрах в двадцати от города Кустов свернул влево и грунтовой наезженной дорогой повел машину к видневшейся невдалеке березовой рощице.

газетную полоску, развернул и подал Надежде.

— Взгляни, Михаил, что у меня есть.

Это был заголовок некролога из парижской русской газеты — имя, отчество и фамилия отца Надежды.

Надежда протянул руку без интереса, но, взглянув, рывком подался вперед, словно машина резко затормозила, и застыл, упершись глазами в сжатую пальцами бумажку. Лицо его мгновенно побелело.

Не поворачивая головы, не глядя на Павла, Надежда произнес тихо и совершенно спокойно:

— Ты все-таки знал. Но когда же...— Он не договорил.

Павел молчал.

Машина выезжала из рощицы. До берега, где их ждали, оставалось метров сто. Надежда поднял глаза, посмотрел через ветровое стекло на стоявших возле автомобиля людей.

— За мной? — спросил он. И вдруг резко взмахнул рукой, схватил зубами рукав

Вскоре он пригласил Надежду посмотреть приглянувшийся ему дом на окраине, в котором сдавались две комнаты, имевшие отдельный ход. Надежда одобрил выбор. Договорились о плате, о прописке и назначили день переезда — 14 июля. Собственно, «переезд» — это звучало слишком громоздко в данном случае. Вещей у них было всего три чемодана.

В субботу, 13 июля, когда Надежда пришел с работы, Павел завел разговор насчет того, что неплохо, мол, завтра съездить на озеро поудить рыбу. На курсах шоферов, где он занимается, подобралась веселая компания, едут на автобусе, а механик, с которым у Павла дружеские отношения, берет казенную «Волгу». «Мы же завтра переезжаем»,— напомнил Надежда. Но так как в принципе идея ему нравилась, Павел предложил поступить следующим образом: он сейчас же позвонит механику, чтобы тот завтра утром заехал за ними, забросят вещи на новую квартиру, а оттуда отправятся к озеру. Автобус уйдет раньше, но они его нагонят.

— Вон за теми березками и наше озеро,— сказал Кустов.

Это значило, что минут через десять Павел и Кустов увидят своих.

Павел был совершенно спокоен. Надежда ничего не подозревал. Вряд ли следовало опасаться, что он окажет какое-нибудь сопротивление. Во всяком случае, не успеет оказать. Финал будет сугубо прозаическим. Ни тебе побега, ни погони, ни стрельбы. Все произойдет так, как обычно бывает в жизни.

Павел мог бы оглушить Надежду двумя словами: «Ты арестован» — или просто не говоря ни слова, скрутить ему руки, когда выйдут из машины. Но эту выстраданную им операцию не грех было закончить так, как хотелось ему.

Машина въехала в березовую рощицу. Сквозь редкие тонкие стволы просвечивало небольшое озеро. На берегу стоял черный «ЗИЛ».

Павел достал из лежавшего на сиденье пиджака бумажник, вытянул из него узкую

куртки. Павел ударил его в лицо, навалился, прижал в угол.

— Тихо, Михаил.

Машина остановилась. Надежда сник и сидел с безучастным видом, как будто все это не имело к нему никакого отношения. Павел открыл дверцу.

— Ну, выходите, Тульев,— сказал Владимир Гаврилович.— Поедем в Москву.

Надежда поглядел на Павла, перевел взгляд на Маркова, прищурился и, стряхнув оцепенение, вылез из машины, встал перед полковником во весь рост.

— В большую,— приказал Марков.

Надежду повели к черному «ЗИЛу».

— Поезжайте, я догоню,— сказал Марков шоферу большой машины.

«ЗИЛ» медленно двинулся вдоль берега, а потом свернул к роще.

Полковник Марков подошел к воде, нагнулся, зачерпнул горстью и плеснул на лицо. Потом вынул носовой платок, не спеша утерся. Павел стоял рядом. В руке он держал ампулу, вырванную из рукава Надежды.

— Как, ты говорил, зовут его шефа? — спросил Владимир Гаврилович.

— Монах.

— Значит, будем работать на Монаха. Отныне Надежда — ты.

ИЗ РАПОРТА ПОЛКОВНИКА МАРКОВА

«...Судя по характеру задания, полученного Бекасом в разведцентре, полного доверия, несмотря на тщательную и долгую проверку, ему все же оказано не было. Содержание ответа, полученного Надеждой на первую радиотелеграмму, говорит о беспокойстве разведцентра по поводу его конспирации. Наиболее вероятно, что, посылая Бекаса в качестве агента-связника на розыски Надежды, лишенного средств связи, руководители разведцентра не имели стопроцентной уверенности в успехе этого мероприятия. Они допускали возможность провала в связи с переправой Леонида Круга.

В случае неуспеха миссии Бекаса разведцентр рисковал немногим. Шифр, заключенный в портативной рации, замаскированной под «Спидолу», сам по себе не представляет большого интереса, так как ключ к нему имелся только у Надежды, скрывавшегося под именем Станислава Курнакова. В случае успеха разведцентр вновь обретал ценного разведчика.

...Проверка Надежды центром закончилась посылкой контрольной почтовой открытки.

...Надежда уже на первых допросах проявил трезвое понимание собственного положения и на все поставленные ему вопросы дает исчерпывающие ответы. В этом большую роль играет тот факт, что центр несправедливо обошелся с отцом Надежды, который после неожиданной отставки скоропостижно скончался в Париже, а также привязанность Надежды к Марии.

...Благодаря бдительности Андрея Седых в поле нашего зрения появились новые лица, представляющие оперативный интерес. Один из них — Антиквар, атташе по вопросам культуры. Второй — Кока, Николай Казин, гражданин СССР, житель Москвы, известный в среде перекупщиков драгоценных изделий, состоящий в контакте с атташе. Третий — Альберт Ступин, москвич, без определенных занятий. Антиквар и Кока взяты под тщательное наблюдение. Со Ступиным проведена профилактическая работа, его общение с Кокой по оперативным соображениям временно прекращено.

...В интересах дела близкая знакомая умершего Дембовича Эмма оставлена на свободе, ее явочная квартира находится под контролем.

...Мария спустя некоторое время после получения денег от Надежды явилась в органы госбезопасности и сообщила о своих подозрениях.

...В три приема получена и дешифрована телеграмма из разведцентра, содержащая первое важное задание Надежде. Она гласит:

«Надежде. Операция «Уран-5». Космическая разведка отмечает, что в квадрате БС 72-48 развертывается какое-то строительство. Судя по характеристике района, речь может идти об объекте стратегического назначения. Попытка проникнуть в этот район официальных лиц не увенчалась успехом, однако получены данные, свидетельствующие об интенсивном транспортном движении. Стройка развернута на большом удалении от железной дороги и недоступна для визуального наблюдения и технического контроля. Стратегическая служба надеется, что вы примете все возможные меры для того, чтобы уточнить:

— место и объем строительства;

— наличие подъездных путей, характер и интенсивность поступления грузов (особое внимание обратить на объект квадрата БС 72-44);

— какая организация строит объект, фамилии начальника строительства и главного инженера. По возможности их подробная характеристика и места работы в прошлом;

— как и где происходит набор рабочей силы. Подвергаются ли мастеровые предварительной проверке (какие документы заполняют в отделе найма; особо приветствуем получение их образцов).

Не жалейте усилий и средств, не стесняйтесь в методах достижения цели, но будьте осторожны.

Сообщите о мерах, которые предпочтете принять по этому делу. Впредь при переписке ссылайтесь на шифр операции. Вам кланяются друзья и Ваш отец. Желаем успеха. Да поможет Вам бог. Ваши друзья».

...С 15 июля с. г. Бекас, снабженный паспортом на имя Станислава Курнакова, живет и работает шофером в городе К. Нами проведен первый сеанс связи с центром.

Послана ответная радиограмма следующего содержания:

«Операция «Уран-5». Нащупал подходы к объекту. Возможно, понадобится Ваша помощь. Детали выяснятся через месяц. До тех пор связи не хочу. Надежда».

О том, как развивались события дальше и как сложились судьбы персонажей этой повести, будет рассказано во второй книге, над которой авторы сейчас работают. «Огонек» намерен опубликовать продолжение повести в следующем году.

Парень из Коквицы

Федор ЩЕРБАКОВ

День прошел. Но заря еще долго
Заливала багрянцем Урал.
А народу-то в клубе поселка!
Зал велик, да не всякий попал.

Все докладчика знают. Еще бы!
Он из Коквицы! Вышло ведь как?
Он, безусый геолог, в чащобе
Море нефти разведал. Мастак!

Море нефти— ни много ни мало.
Доберись до глубин и качай,
Чтобы сердце страны не смолкало,
Чтобы пульс не сдавал невзначай.

Ну и коквинцы! Дед или прадед
Шел в опорках по вымской земле
И вымаливал грош Христа ради,
Внук же клад различает во мгле.

С парня глаз не сводя — «Где я,
братцы?»—
Я спросил, сам себя теребя.
А дружок мне помог разобраться:
— Ты на вымской земле, у себя.

Перевел с языка коми
Павел Панченко.

ТРИ ДНЯ ЕЕ ЖИЗНИ

Рутхильд Хане.
Фото Дм. Бальтерманца.

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

В одном из залов Музея изобразительных искусств имени Пушкина в Москве я видел большую скульптуру — «Голова пионера». Мимо нее посетители редко проходят равнодушно. Столько чистоты, непосредственности и смелости в лице мальчика, что невольно хочется остановиться, поговорить с ним.

Скульптура принадлежит резцу Рутхильд Хане, известной немецкой ваятельницы из ГДР.

В Германской Демократической Республике я видел ее скульптуры «Вильгельм Пик», «Вальтер Ульбрихт», «Группа рабочих». В своей мастерской в Берлине она показала мне незаконченный памятник Эрнсту Тельману. Памятник, вероятно, встанет на том месте, где была когда-то поверженная в прах имперская канцелярия Гитлера.

Судьба скульптора Рутхильд Хане необычна. И в то же время очень схожа с судьбами многих людей искусства Германской Демократической Республики, прошедших жизнь антифашистов.

Я расскажу только о трех днях из ее жизни.

...Бомба, видимо, упала совсем близко от стены, потому что огромные железные створки ворот вдруг поднялись над землей и несколько секунд парили в воздухе, будто два гигантских осенних листа, сорванных с дерева порывом ветра.

Волна горячего воздуха ворвалась на тюремный двор, снесла деревянную сторожку, охранников и, выбив перечеркнутые бумажными полосками стекла в каменном бараке, где помещалась кухня, затихла у противоположного конца тюремной стены.

Со стороны ворот раздался крик: упавшая вышка придавила эсэсовца, выбежавшего из сторожки.

— Ворота! — хрипло крикнул кто-то из женщин, и все они бросились в сторону открытых теперь ворот, в которые видна была улица.

Надзирательница, что-то крича, побежала вслед за ними.

Рутхильд схватила Грету за руку. Эсэсовцы наверняка следят за воротами: И те из них, кто остался в живых, откроют огонь, подумала она, но ничего не сказала Грете, а просто потащила ее в другую сторону, откуда ей послышался взрыв бомбы и где мог образоваться пролом в стене.

Будто подтверждая догадку, у ворот раздалась пулеметная очередь, ее продолжила очередь из автомата, застучали одиночные выстрелы.

За бараком номер два они действительно увидели пролом в стене, напоминавший букву V. Обе женщины перелезли через кучу кирпича, над которым еще стояло облако пыли, и оказались на улице. Прямо перед ними пылал трехэтажный дом. Соседний лишился фасада. Будто открылся занавес и перед зрителями предстала декорация, изображавшая внутренность комнат с первого этажа по пятый.

Все еще держась за руки, как школьницы, они бежали посреди улицы...

В куче тряпья, найденного в каком-то дворе, они разыскали мужские брюки и два одеяла. Хильда протянула пару брюк подруге, но та покачала головой:

— За это расстрел.

— А за это? — Хильда кивнула головой на тюремную в желтую полоску одежду Греты.

Но та снова испуганно покачала головой.

Хильда быстро натянула на себя брюки. На плечи набросила одеяло. Грету заставила обернуться другим одеялом. В таком виде они с грехом пополам могли сойти за пострадавших от бомбежки жителей.

Женщины не успели миновать и один квартал, как навстречу показался эсэсовский патруль из двенадцати человек. Нацисты торопливо шагали в сторону тюрьмы. Бежать во двор значило вызвать подозрение. Догонят—пристрелят на месте. Грета остановилась в растерянности. Хильда взяла ее за руку и пошла прямо навстречу солдатам, не опуская глаз. Командир сказал что-то солдатам, кивнув в сторону женщин. Эсэсовцы засмеялись и прошли мимо.

Еще через сотню метров Хильда и Грета увидели полицейского, который с пистолетом в руках вел женщину, одетую в полосатую тюремную форму. Хильда знала ее. Она сидела в тюрьме Коттбуса по уголовному делу и иногда исполняла функции дежурной в бараке для политических. Выдаст или нет?

Хильде показалось, что женщина замедлила шаг, глаза ее сузились не то злобно, не то в усмешке. Но через мгновение она отвернулась и прошла. Полицейский — за ней.

Скоро они вышли на окраину Коттбуса и оказались в лесу, начавшемся сразу за городом. Было около двух часов дня, и определить направление на восток не стоило большого труда.

Лес был густым, и, наверное, летом по нему можно идти, не опасаясь погони. Но сейчас, ранней весной, под ногами хлюпал талый снег и казалось, что голые ветви деревьев совсем не скрывают беглянок. Они старательно выбирали те участки, где росло больше елей и сосен. Там чувствовали себя спокойнее.

По расчетам Хильды, им надо было пройти около пятидесяти километров, чтобы добраться до линии фронта. Выводя Хильду из карцера несколько дней назад, тюремная надзирательница сказала:

— Думаешь, я не знаю, как вы тут русских ждете? Знаю, все знаю. Только не дождетесь! Пока они эти семьдесят километров пройдут, мы всех вас успеем прикончить...

За несколько дней русские наверняка продвинулись километров на двадцать. Значит, пятьдесят километров. Не такое уж большое расстояние. Если спокойно идти, можно добраться за двое суток. Двадцать пять километров в день. По три километра в час, если идти по восемь часов в сутки. А если по двенадцать часов, то вообще пустяки — два километра в час. Дойдя до линии фронта, они найдут способ, как перебраться на ту сторону. Если же это не удастся, то можно будет спрятаться в лесу или даже в какой-нибудь деревушке и дождаться прихода русских.

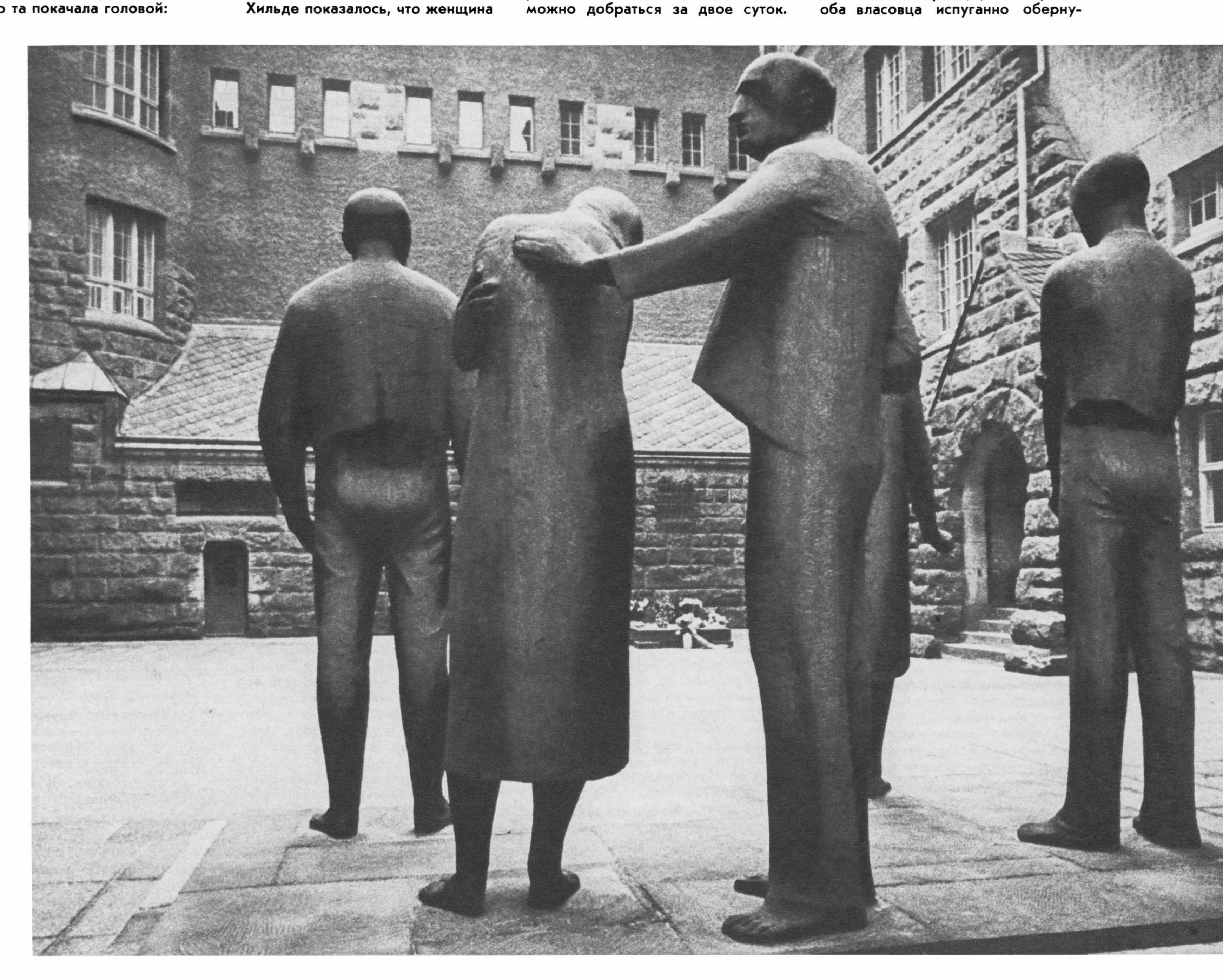
И вдруг они услышали русскую речь...

Торопливая и отрывистая, она слышалась за густым ельником. Хильда знала несколько русских слов, во всяком случае, она знала, как они звучат. Да, мужской голос что-то говорил по-русски.

«Неужели так близко? — подумала Хильда.— Или, может быть, это только разведчики?»

Осторожно они раздвинули еловые ветки. На небольшой полянке стоял полусгоревший грузовик. Человек в форме власовского солдата — Хильда видела эту форму в кино еще до ареста — торопливо тащил из кузова какую-то одежду. Другой в такой же форме стоял внизу и, расставив широко руки, прикидывал, впору ли ему засаленный комбинезон, который бросил ему тот, что был в кузове.

Наверное, женщины вели себя не очень осторожно, потому что оба власовца испуганно оберну-

Памятник узникам-антифашистам во дворе бывшей тюрьмы в Дрездене.

Фото Пауля Фридемана.

лись в их сторону. Солдат в кузове выронил тряпье, которое было у него в руках.

Хильда решительно вышла вперед и закричала как можно громче:

— Грабеж здесь устраиваете? Свиньи паршивые! — и, обернувшись в сторону ельника, из которого только что вышла, позвала:

— Герр гауптман! Герр гауптман, скорее сюда: здесь грабители!

Бросив вещи, солдаты кинулись в лес, скользя на талом снегу и падая.

Женщины дождались, когда стих шум бегства, и подошли к грузовику. Грета надела брошенный власовцами комбинезон, а Хильда нашла в кузове старенький пиджак. Теперь они были похожи на учениц с какого-нибудь завода и, наверное, выглядели не так подозрительно, как раньше.

Они отдохнули минут пятнадцать, сидя на куче тряпья, наваленного в кузове.

Хильда достала из потайного кармана, пришитого ею с внутренней стороны рубахи, маленький немецко-русский словарь, который ей подарила несколько месяцев назад русская девушка — «остарбайтерин», угнанная из Одессы на работу в Германию.

Карандашом, найденным в кабине грузовика, Хильда выписала на листке бумаги несколько русских фраз: «Не стреляйте», «Я была в тюрьме», «Я коммунистка», «Немецкие товарищи»...

Грета смотрела на нее с испугом и в конце концов потребовала, чтобы она выбросила словарь.

Но Хильда аккуратно спрятала его в потайной карман.

...Прошло уже часа четыре с того времени, как они бежали с тюремного двора сквозь пролом в стене. Обе молодые женщины устали. Мучительно болели ноги. То ли от избытка свежего воздуха, то ли от голода кружилась голова. Последнее время в тюрьме даже баланду выдавали нерегулярно, и со вчерашнего обеденного времени, когда они съели по ложке вареной капусты и запили стаканом кипятку, у них не было во рту ни крошки. Сейчас, когда первая опасность миновала, они особенно остро почувствовали усталость и голод. Хильда обшарила весь грузовик в поисках съестного, но безуспешно.

Снова они двинулись на восток.

Идти было все трудней. Грета несколько раз падала и с трудом поднималась. Скоро они вышли на опушку. Неподалеку виднелась маленькая деревня.

— Вот что,—сказала Хильда, — мы пойдем в полицию.

— Куда?!

— В полицию. И попросим есть. Это единственный выход.

— Нас расстреляют!

— Подумай сама,— возразила Хильда,— разве может прийти полицейским мысль, что две женщины, бежавшие из тюрьмы, обратятся в полицию за помощью. Сейчас это единственный способ поесть и отдохнуть немного.

Грета пожала плечами: ей уже не хватало энергии возражать и даже бояться.

Расчет Хильды оправдался полностью. В деревенском полицейском участке они сказали, что работали на заводе Фокке-Вульф, что завод разбомбили и дом, в котором они жили, тоже разбомбили, и они идут к подруге в деревню в нескольких километрах к востоку.

Пожилой полицейский с перевязанным горлом развел им в кипятке бульонные кубики и дал по сигарете.

Они снова шли на восток. Вдоль шоссе. В нескольких сотнях метров от него. Идти по дороге было опасно. Шоссе двигалось на запад—солдаты, повозки, автомашины. А лес двигался на восток.

Вечером они повстречали итальянца, бежавшего из лагеря для иностранных рабочих. Он тоже шел на восток. Итальянец посмотрел на женщин внимательно, все понял и спросил на ломаном немецком, далеко ли до русских. Хильда ответила ему по-итальянски: недалеко. Итальянец ахнул, подбежал к женщинам, расцеловал их.

Некоторое время они шли вместе. Потом все-таки решили, что надо расстаться, тем более, что итальянцу не удалось сменить одежду. Он только сорвал с рукава нашивку подневольного рабочего.

Еще через некоторое время они встретили двух пожилых людей — мужчину и женщину — немцев. Мужчина передвигался на костылях. Правой ноги у него не было. Эти двое тоже шли на восток. Женщина рассказала Хильде, что они с мужем решили вначале эвакуироваться, прошли несколько десятков километров по шоссе. В какой-то деревне увидели, как специальная эсэсовская команда повесила на тут же сколоченной виселице трех молоденьких немецких солдат, заподозренных в дезертирстве. Совсем таких же, как их сын Отто, который сейчас неизвестно где.

От этой деревни отец и мать свернули в лес и пошли назад в свой городок, решив, что у русских хуже не будет.

Женщина рассказывала все это плача. Мужчина шел молча, только хмыкал в такт шагу костылей и прижимал к груди подбородок. Видимо, люди, двигавшиеся на восток, испытывали друг к другу некоторое доверие. Хильда повторила им то же, что говорила в полицейском участке.

Поздно ночью они добрались до окраины городка, где стоял дом безногого и его жены.

— Переночуйте у нас,— сказала женщина.— Ну куда вы сейчас пойдете?

Она приготовила Хильде и Грете горячей воды в большом белом кувшине и поставила на пол таз—мыться. Но беглянки не могли раздеться, на их белье стояли тюремные штемпеля.

Наконец Хильда решилась: на ее рубахе черные печати были на спине. Стараясь не поворачиваться к хозяйке спиной, она быстро сбросила брюки и пиджак. На ее счастье, хозяйка вышла куда-то, и Хильда быстро вырезала ножницами те места на рубахе, где стояли черные прямоугольники. То же самое сделала Грета.

— Бог мой! — воскликнула женщина, вернувшись.— До чего худые! Будто с каторги!

Рутхильд заставила себя рассмеяться...

...Ночью Рутхильд не спалось. За день ноги опухли, и она растирала их, превозмогая боль. Завтра снова предстоял долгий и трудный путь.

Если отек не пройдет, она не сможет двигаться. А ведь когда-то она танцевала на сцене. Боже, как давно это было! Двадцать девятый год. Их маленькая самодеятельная группа называлась «Красные танцоры». Сами шили костюмы, сами строили декорации. Совсем еще молодые—почти мальчишки и девчонки. Их наивные пантомимы пользовались успехом. Они показывали на сцене классовую борьбу, показывали нищету, безработицу, показывали труд. Было у них несколько танцев-памфлетов, в которых действовали Гитлер, Рем, Гинденбург. «Красные танцоры» выступали на коммунистических митингах, в рабочих клубах. Иногда на их спектаклях пел Эрнст Буш.

Потом тридцать третий год. Артур Пик, сын Вильгельма Пика, сообщил им, что «Красные танцоры» приглашены в Москву участвовать в первой международной революционной театральной олимпиаде. Решили поехать. Собрали деньги на билеты.

В Германии к тому времени уже пришел к власти Гитлер. Чтобы получить выездную визу, сказали, что едут в Швецию.

Рутхильд вспомнила, как после выступления—олимпиада проводилась в здании театра Мейерхольда — «Красным танцорам» долго аплодировал зал, а они стояли на сцене, счастливые, с поднятыми к плечу кулаками. После выступления с ними разговаривал Калинин. И даже фотографировался с ними. Может быть, в Москве цела эта фотография?

Когда они вернулись в Гамбург, Ганс — их руководитель — не сошел с парохода. На пристань пришла его мать и закричала: «Не спускайся! Тебя хотят арестовать!»

Всех «Красных танцоров» вызывали в полицию, допрашивали, у всех дома произвели обыск. Группе было запрещено выступать.

Началось время подпольной борьбы с фашизмом.

Хильда печатала и разбрасывала листовки, вела агитационную работу, снимала за 60 марок квартиру для явок.

И успевала еще работать преподавателем физкультуры в школе и учиться живописи и ваянию.

В сорок втором ее арестовали...

Та самая русская девушка на заводе Фокке-Вульф, которая подарила Хильде словарь, рассказала ей маленькую историю, вычитанную в учебнике немецкого языка еще в школе, в Одессе.

Там говорилось об одном немецком коммунисте. Ему надо было разбросать в Берлине антифашистские листовки. Подземная железная дорога в Берлине в одном месте выходит на поверхность и проходит по эстакаде над площадью Бель-Альянс. Он сел в последний вагон, и, когда поезд, миновав площадь, снова входил в тоннель, он в последний момент сбросил над площадью пачку листовок. Через минуту он вышел на станции Халишес Тор, появился на площади и смешался с толпой.

Хильда, услышав эту историю от русской девушки, угнанной из Одессы в Германию, расплакалась. Рассказ, напечатанный в школьном учебнике, был правдой. Именно так сбросил листовки над площадью Бель-Альянс муж Хильды, погибший в тюрьме.

...Утром хозяйка предложила своим новым знакомым оставаться у них в доме, пока все образуется.

— Только обязательно зайдите в полицию, зарегистрируйтесь,— добавила она.

Рутхильд и Грета вышли на улицу. В тюремном башмаке у Хильды хранилось 20 марок. За эти деньги женщины купили себе несколько клубней сырой свеклы. И вскоре вернулись домой.

— Вот,—показала Рутхильд свеклу хозяйке.— Нам дали это в полиции. Карточек не дали: сказали, что их можно получить только по месту постоянного жительства. Но остаться у вас разрешили.

Хозяйка поверила.

Вечером Хильда сорвала с одного из домов фашистский флаг и спорола нашитый на красное полотнище белый круг с черной свастикой. Получилось красное знамя. Не совсем, правда, красное: полотнище выгорело и след от белого круга был заметен. Хильда спрятала его под рубашкой.

К вечеру артиллерийская канонада стала слышней. Всю ночь хозяева и их постояльцы просидели в подвале.

Утром они услышали выстрелы на улице. Хильда не могла больше ждать в подвале. Она поднялась наверх.

Выстрелы прокатились волной и затихли.

И в наступившей вдруг тишине раздался требовательный стук в дверь.

С радостно и тревожно колотящимся сердцем Хильда пошла открывать. Перед дверью стояло несколько советских солдат с автоматами. Впереди молодой командир в пилотке, тоже с автоматом в руках.

— Не стреляйте... Я коммунистка... Я была в тюрьме... Я немецкий, ваш немецкий товарищ...

Командир сказал, что не собирается стрелять, но должен проверить, нет ли в доме оружия или фашистских солдат.

Хильда ничего не поняла и снова повторила выученные по словарику фразы.

— А не обманываешь? — спросил командир.

Хильда смотрела на него счастливая и растерянная. Потом, вспомнив о знамени, она поспешно расстегнула пуговицы рубашки.

Кто-то из солдат крякнул, а командир почесал затылок.

Хильда поняла. Покраснела. Отошла в сторонку и, быстро вытащив из-за пазухи красную материю, протянула командиру.

— Ну! — сказал кто-то из солдат восхищенно.— Значит, не врет.

Командир взял знамя, посмотрел, вернул Хильде и, вытащив из кармана коробку немецких сигарет, предложил Хильде.

Она взяла одну.

— Берите, всю берите, наш немецкий товарищ,— сказал командир и снова улыбнулся.

Потом сказал строго:

— Сидите здесь. К вам скоро придут. Проверят...

В эту ночь Хильда и Грета спали на советском перевязочном пункте, в повозке. Грета сразу уснула. А Хильда еще долго лежала, положив голову на мешок с пахнущими дегтем новыми солдатскими сапогами, смотрела на звезды и улыбалась...

Берлин — Москва.

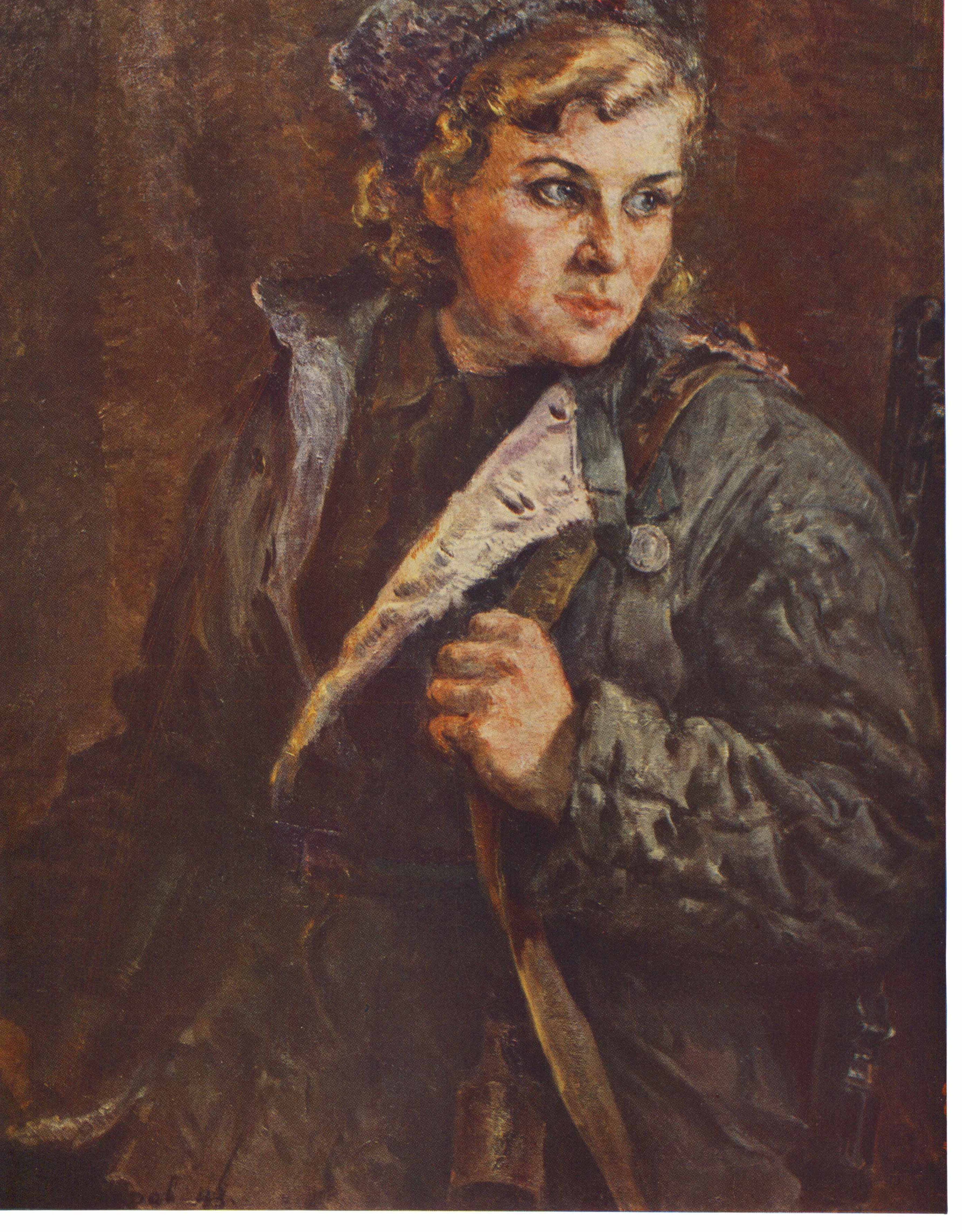

Ф. Модоров.

Государственная Третьяковская галерея.

ПРИЕЗД ПЕРВОГО КРАСНОАРМЕЙЦА НА СЪЕЗД СОВЕТОВ НЕНЦЕВ. 1929.

ПОРТРЕТ БЕЛОРУССКОГО ПАРТИЗАНА ДЕДА Н. И. ШИШКО. 1943.

Ф. Модоров. БЕЛОРУССКАЯ ПАРТИЗАНКА-РАЗВЕДЧИЦА ЛИДИЯ ОСМОЛОВСКАЯ. 1943. **Государственная Третьяковская галерея.**

ЧИСТОЕ ВРЕМЯ

В. ВИКТОРОВ

I

До матча оставалось двадцать часов...

На льду и двадцать минут кажутся вечностью, а тут ведь почти сутки! Во всех играх, предшествующих этой главной, решающей, команда обсуждала план борьбы за несколько часов до выхода на лед, но матч с чехословацкой сборной особый, и, может быть, поэтому тренеры провели первое обсуждение еще накануне. И состоялось это обсуждение не как обычно, при закрытых дверях, в укромной комнате, а на льду стадиона, в тренировке. Так что Александру Альметову оставалось теперь лишь одно: думать о времени и о себе, хоккеисты умеют это делать не хуже поэтов.

За одну минуту все отдаешь игре, а на две уже не хватает дыхания. Да, все растут и растут скорости, и чем все это кончится, не знает даже президент хоккейной федерации Джон Ахерн. Чтобы забить шайбу, иногда не хватает целого часа, а бывает, что и в одну секунду удается уложиться, в один пульсирующий рывок стрелки, в одну секунду чистого времени.

Чистое время. Это как воздух горных вершин: ни крупинки чужеродных примесей, отлично профильтрованный высотой кислород. Но таким воздухом трудно дышать. Трудно действовать в разреженном пространстве секунд. Ведь хоккеист, даже когда отдыхает на скамье запасных, все равно живет в неистовом ритме секундной стрелки. Ничто не может ее остановить внутри него. Двадцать часов чистого времени — и никаких замен! И все они: Веня Александров, Костя Локтев и он, Альметов,— все эти двадцать часов будут в игре. С этим ничего нельзя поделать. Остается лишь одно: покорно ждать того часа, когда жизнь пойдет под тиканье не наручных, а стадионных секундомеров.

Когда советские хоккеисты впервые выиграли в 1954 году мировое первенство в Стокгольме, а потом и олимпийское — в Кортина д'Ампеццо, счет нашим победам вели хронометры «Омега», а вот в Скво Вэлли, а затем и в Женеве их сменили секундомеры «Лонжин». С безукоризненной точностью фиксировали эти хронометры штрафные минуты, забитые шайбы, но, увы, на сей раз этот счет был не в нашу пользу.

Ох, как оглушительно громко стучали швейцарские хронометры! И когда молодой хоккеист Альметов бродил по женевским и лозаннским улицам, почти каждая витрина напоминала ему о том, что его жизнь проходит под тиканье наручных, настенных и карманных часов двухсот пятидесяти швейцарских фирм. Куда они только девают свою продукцию?

Навсегда запомнил Альметов 7 марта 1961 года. Ранняя весна, бугристые вязы уже набухают соками, и солнце дробится в голубых волнах Женевского озера. А теперь он запомнит и день 13 марта 1965 года, пушистые снега провинциального Тампере.

За эти годы многое изменилось в жизни Альметова и в жизни всей команды. Команда научилась побеждать. Не раз проигрывали ей азартные чехословацкие хоккеисты. С ними навсегда связана спортивная юность Александра Альметова. Семилетний мальчик с Писцовой улицы, сын танкиста, жил между двумя московскими стадионами—«Пищевик» и «Динамо». На одном он сам занимался спортом, на другом смотрел, как им занимаются другие. И на этом втором стадионе Альметов и увидел впервые хоккеистов из Чехословакии. Они, в то время уже побеждавшие на чемпионате мира, экзаменовали молодую советскую команду. С этого все и началось. И что удивительного в том, что именно в том, 1948 году появилось и встало в строй будущее нашей сборной. Только на одной Писцовой улице вместе с Альметовым бредили шайбой Володя Юрзинов, впоследствии лидер команды «Динамо», и Веня Александров, с которым Альметова свяжет на много лет одна спортивная судьба, и Николай Хлыстов, испытавший первым из них в Кортина д'Ампеццо свою молодую удаль.

В 1954 году, когда сборная команда СССР впервые приняла участие в чемпионате мира, в третьей юношеской команде ЦСКА появился новый игрок, хмурый, молчаливый парень с Писцовой улицы. И он пришел в армейскую команду не только потому, что был сыном офицера, но и потому, что был поклонником двух знаменитых армейских хоккеистов — Всеволода Боброва и Евгения Бабича! А когда спустя два года сборная команда страны добилась нового успеха на Олимпийских играх, Альметов был уже переведен из юношеской команды в мужскую. Но до сборной ему еще было далеко. И в том памятном году, когда после итальянского триумфа сборная у себя дома уступила мировое первенство шведам, хотя в чемпионате ни канадцы, ни американцы не участвовали, Альметов зрителем сидел на трибуне. И он видел, как первопричиной нашей неудачи была ничья с чехословацкими хоккеистами. Он видел, как проигрывала сборная команда СССР, но чем ей поможешь? И в Осло, на чемпионат мира 1958 года, Альметов тоже не попал. В том году он провел лишь свои первые матчи на первенство страны в Лужниках, и притом не очень удачно. Альметов не привык еще жить по хоккейному времени, очень торопился, все боялся не успеть, и шайбы, пущенные им, летели мимо цели.

II

Это было очень трудное время для молодого хоккеиста: строгий, требовательный тренер хорошо сыгравшейся друг с другом тройки, что ни спортсмен, то знаменитость. Трудно в таких условиях найти место новичку. Но Альметов с помощью своих товарищей по тройке — Александрова и Локтева —это место нашел. Неужели он попадет в Прагу, на родину знаменитых чехословацких хоккеистов? Но в Прагу с Александровым и Локтевым поехал Юрий Пантюхов.

Боевое крещение Альметов получил лишь зимой 1960 года в горах Сьерра-Невада — на Белой олимпиаде. Вот когда и сошлись окончательно Альметов, Локтев и Александров! И сразу же эта молодая тройка испытала горечь поражения: сборная команда СССР, проиграв американцам и канадцам, заняла лишь третье место. Правда, победа над чехословаками обеспечила ей первенство Европы, но разве это утешение? Ушли со льда Бобров и его сверстники, и вместе с ними ушли победы. Неужели не сможет заменить ветеранов новое хоккейное поколение?

И вот опять неудача. На сей раз в Швейцарии. И это поражение было особенно горьким, потому что чехословацкие хоккеисты добились победы над ними, применив испытанное оружие советской команды — скорость.

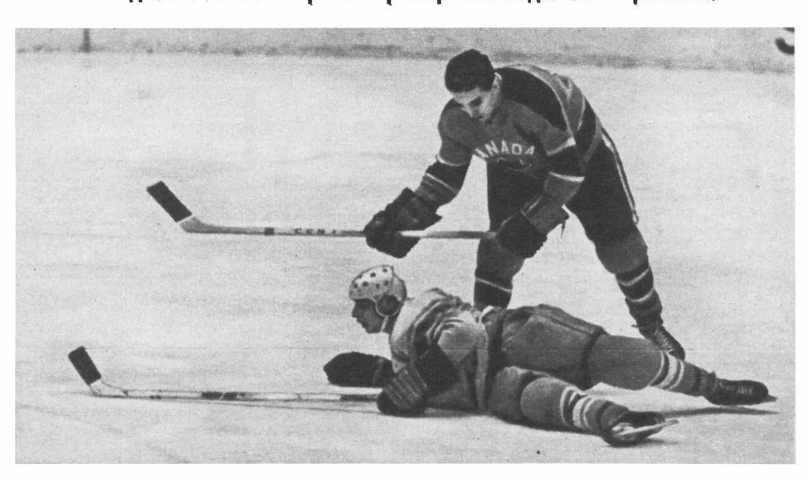
С каким творческим подъемом играли в Женеве чехословацкие хоккеисты! Они поистине испытывали упоение боем. Нелегко было молодым игрокам отделаться от впечатления этого разгрома, и в сезоне 1962 года из четырех товарищеских встреч с чехословацкой командой только одна закончилась для них успешно. А потом был Стокгольм 1963 года, и к этому времени сборную команду СССР покинули ее славные защитники-ветераны, те, что с блеском выступали в том же Стокгольме 1954 года, обеспечивали победу в Италии. Но теперь молодые тройки сборной уже обкатались, сплотились, почувствовали силу, да и новые защитники успели подрасти, такие, как Рагулин, Иванов, Кузькин, Давыдов.

Из года в год тройка Альметова на первенствах страны вела ожесточенный спор с тройкой Вячеслава Старшинова, но на две мартовских недели не было лучших друзей и в игре и вне игры. На две недели армейские и спартаковские нападающие, забыв все свои раздоры и счеты, превращались в соратников. А к Стокгольму в сборную подключилась еще и тройка Володи Юрзинова, друга детства Альметова. Не могли же они в городе, где девять лет назад добились победы Бобров и его товарищи, сыграть плохо. И первую шайбу в ворота чехословацкой команды забил тогда не кто иной, как Александр Альметов!

Да, не удалось чехословацким хоккеистам повторить свой женевский успех, не удалось шведам, завоевавшим первенство мира 1962 года в Колорадо Спрингс, где наша команда не участвовала, удержать золотые медали. Их увезли хоккеисты Советского Союза. А после нового успеха на Олимпийских играх в Инсбруке уже никто не сомневался, что советский хоккей стал сильнейшим в мире... И все же новая встреча с чехословацкой командой в Тампере не могла не

Год соперники — две недели союзники. Армейцы К. Локтев и В. Александров и спартаковец Б. Майоров на скамье сборной команды СССР. Рядом с ними старший тренер команды А. Чернышев.

Альметов опасен даже сбитый с ног. Не зря стережет его канадский защитник.

Фото М. Боташева.

волновать Альметова и его товарищей.

Все говорило о том, что игра будет трудной, может быть, самой трудной. Осенью после встреч в Москве чехословацкие тренеры решительно заменили ветеранов. В состав сборной они ввели сразу семь новых игроков и отлично обстреляли их на международном турнире в США. В Тампере команда стала, судя по всему, еще сильнее, она ведь буквально разгромила канадцев!

На играх в США Недомански, братья Холики, Сухий, Чапла не показались Альметову очень сильными, хоть встречи с чехословаками в турнире и закончились вничью — 1 : 1. Не думал он, что по пути в Тампере сумеют новички так быстро окрепнуть. Но они окрепли, смелые, вспыльчивые, как Черны, меткие, как Голонка, непробиваемые, как Тикал и Потш, вместе взятые.

Да, не многие ветераны сохранились в чехословацкой команде с того мартовского вечера, когда Альметов увидел их всех в центре поля под секундомером «Лонжин» в Женеве. Но те, кто остался, не уступят молодым. И можно легко представить себе, как сейчас и ветераны и новые игроки мечтают о победе, как рвутся к ней, как надеются на успех.

Чем же завершится это обоюдное стремление к золотым медалям? Двадцать часов осталось до встречи, и секундомеры практически уже пущены. Интересно, какой план игры придумали Боузек и Костка? И как бы поразились они, узнав задачу, поставленную перед своей командой Чернышевым и Тарасовым...

Тихо в коттедже. Уютная финская зима подобралась к самым окнам, уткнулась пушистой мордой в протертые до блеска стекла. В комнате три кровати: тройки и живут вместе. За стеной спартаковцы — Слава Старшинов и Боря Майоров. Но с ними новый жилец — Толя Ионов. Сколько волнений доставили им всем перемены в этой тройке! Никто не понимал, как можно в канун решающих испытаний разорвать такую испытанную связку, как спартаковская, изъять из нее одно звено. И сейчас, когда уже пять игр позади и, казалось бы, ясно, что смелое решение тренеров оправдывает себя, тревога все же не исчезла. Ведь впереди решающая игра. Выдержит ли Ионов, товарищ Альметова по армейской команде, ее напор, не рассыплется ли спартаковская связка?

Тяжело пришлось Старшинову и особенно Борису Майорову. Они привыкли видеть рядом с собой Женю Майорова. А теперь вместо брата, близкого друга—человек из чужой команды. А тренерам разве было легко пойти на такой шаг? Ведь они отлично понимают, что случись что-нибудь, и им эта замена первой будет поставлена в строку.

Всегда эта тройка казалась монолитной, безукоризненно сыгранной. Силы армейской и спартаковской троек равноценны, и, может быть, поэтому Бобров, когда пришел тренером в «Спартак», перестал ставить против первой армейской тройки первую свою. Ну что же, со стороны, наверное, виднее! В хоккее это так. Вот и не заметил Альметов, как постепенно стал сдавать Женя Майоров. А может, начал сдавать не только азартный, задиристый Женя? Разве и над его тройкой не сгущались тучи? Тарасов ничего не рассказывал, но Альметов-то знает, какой спор шел вокруг Локтева! Он ведь самый старший. Еще в бобровской тройке не раз сменял Шувалова. А после Токио ветераны не в почете. Ситуация почти такая, как в фильме «Хоккеисты»!

Костя Локтев на стокгольмский чемпионат не попал, его там отлично заменил Виктор Якушев. А как трудно было входить Локтеву в тройку после болезни! Как они с Александровым помогали ему во всем, верили, что Костя будет еще играть! И не ошиблись. Заиграл! И еще как! И все же перед отъездом в Тампере было такое мнение, что его надо менять. Доводы приводились убедительные. За три года, мол, в сборной никого не меняли. А чехословаки вон сколько молодежи ввели. Надо и нам думать о будущем, а то мы можем оказаться в таком же положении, как после победы в Кортина д'Ампеццо.

Шли споры за спиной сборной. Выставлялись доводы и контрдоводы. Но тренеры твердо стояли на своем: сборная команда в таком составе еще не исчерпала своих возможностей. И Локтев не потерял еще вкуса к игре. Конечно, у тройки есть недостатки. Любят ребята иногда сыграть для себя, кому не хочется блеснуть, поверить хоть на минуту, что ты знаменитый Свен Тумба, неувядаемый Тумба, который еще против Боброва играл одиннадцать лет назад и сегодня в составе команды! Но, конечно, и Альметов, и Локтев, и Александров понимают, что в советской сборной солистам делать нечего, что нельзя играть для себя. И они умеют играть коллективно.

Тикают часы на столе около кровати, спят Александров и Локтев. Или делают вид, что спят? Да, многим из нас не хватает ума уйти с пирушки, когда кончился джин. Где он вычитал эти строки? У какого-то американского новеллиста. Но зачем же уходить с пирушки, если джин еще не кончился? Они еще поиграют в Тампере, не хуже, чем в Стокгольме и в Инсбруке!

Посетители хоккейных игр думают, что встреча длится один час чистого времени. А она длится долгие дни. И еще знатоки думают, что при современных скоростях мысль не поспевает за решением, что хоккей и размышления исключают друг друга. Чепуха! Все равно думать успеваешь, и слов вокруг хоккея столько, что голова кругом идет. Слов много и до матча в беседах с друзьями, и на обсуждении предстоящей игры, и во время самой игры, и на скамье, и на льду.

...Чехословаки не пришли смотреть их сегодняшнюю, последнюю перед матчем тренировку. Но канадцы явились. И даже шведы, хотя им-то уж совсем это ни к чему: того, что было, не воротишь. На глазах всего Тампере проверялась тактика завтрашней игры, и никто, наверное, не догадался, какое значение имела эта тренировка. В Инсбруке чехословаки с первой же минуты были ослеплены и ошарашены бешеным темпом атак, хотя сами они так играли в Женеве и думали тогда, что быстрее нельзя. Оказывается, можно. И в Тампере чехословаки, наверное, готовятся к еще более высокому темпу. Нет, не знают они, что ждет их в Тампере! А может быть, знают? С Боузеком и Косткой шутки плохи. Да нет же! Недомански, Шевчик, Холик словно созданы для космических скоростей. Они это доказали в игре с канадцами... Только подумать, что этот матч состоялся всего лишь вчера, 11 марта! Кажется, это было так давно...

III

Альметов решил не идти на стадион, когда канадцы играли с чехословаками, а смотреть этот матч по телевизору. Александров и Локтев присоединились к нему, и так тройкой они и сидели у экрана в мягких креслах. Но с первых же минут игры им показалось, что сидят они на твердой скамье запасных, у кромки ледяного поля. Что это была за игра! Словно время покатилось вспять, и они снова оказались в Женеве, оглушенные, растерянные, отбивающие неистовые атаки ликующих, торжествующих чехословацких хоккеистов. Снова чехословакам удавалось все. Снова коллективное вдохновение спаяло всех игроков команды, и после каждого гола они кидались друг другу в объятия, образуя на поле, под бесстрастно застывшими стрелками хронометра, одно многорукое, ликующее существо. Да, здесь, в Тампере, чехословацкие хоккеисты повторяли свой женевский триумф. Всего половину периода удалось продержаться канадцам. И героями этого триумфа были Голонка, Иржик, Шевчик. Пять шайб из восьми забили те, против которых альметовской тройке предстояло действовать в завтрашнем матче. И когда все кончилось и канадцы, понурившись, укатили со льда, Альметов и его два друга долго сидели молча у выключенного телевизора, словно восстанавливая на магнитной ленте своей памяти ход всего матча. А потом Альметов сказал:

— Ничего нет удивительного: канадцы дали им играть свою игру — широко, свободно.

— Но сыгрались они здорово,— заметил Локтев.

— Все равно выиграем,— убежденно заявил Александров.

И тут к ним подошел Тарасов, только что вернувшийся со стадиона.

— Ну что, напугали вас чехословаки? — спросил он подчеркнуто шутливо.— Как играть с ними будем?..

Сколько раз они задавали друг другу этот вопрос! Впервые он прозвучал, наверное, еще в Инсбруке, после победы. Потом в Москве осенью того же года, после новой встречи с чехословацкой сборной, затем в США, когда перед ними предстала чехословацкая сборная в новом своем составе. Затем в решающие дни подготовки перед отъездом в Тампере. И вот теперь, когда в ушах еще гремят овации в честь чехословаков, Анатолий Владимирович Та-

расов спрашивает их все о том же: «Как играть с ними будем?»

Но они уже давно знают, как играть с чехословаками, так давно, что ничего не будет удивительного, если о их планах сообщат завтрашние газеты еще до начала встречи. Они уже печатаются, эти газеты за 13 марта 1965 года. Каковы прогнозы вездесущих обозревателей? И не назвал ли кто-нибудь свою статью «Тик-так-ток»?

Неслышно и громогласно текла река времени, река секунд, минут, часов. И сколько участников завтрашней игры неслось в ту ночь по этой незамерзающей реке к ледяному квадрату хоккейного поля! Глубоки подводные течения таких ярких, значительных спортивных встреч, решающих столь многое. И редко, очень редко удается нам, зрителям, проникнуть в эти глубины. Александр Альметов уже после того, как все закончилось, пронеслось, промелькнуло перед нашими глазами, помог мне увидеть этот матч заново, сквозь тишину своих раздумий, и я решился воспроизвести ход его мыслей, хотя отлично понимаю, как не вяжутся эти неторопливые размышления с хоккеем, с взрывчатой его стремительностью, которая, казалось бы, не оставляет времени для слов. Но хоккеисты, показывающие чудеса стремительности, в обычной жизни часто удивительно неторопливы. И разве эта неторопливость исключает тот мир высоких скоростей, в котором они живут? А теперь представьте себе, что советским хоккеистам, для которых скорость всегда являлась главным козырем, было предложено провести решающий матч с чехословаками в Тампере, не торопясь! Что, трудно это представить? Но это было именно так!..

Однако дадим возможность Александру Альметову продолжить свои размышления о предстоящей игре. И на сей раз не наедине с самим собой, в ночной тишине, а утром, на собрании всей команды.

Когда я пришел в домик, где жила наша команда, собрание уже началось, и из-за закрытой двери доносились голоса, звучавшие неторопливо, даже как-то флегматично. И как же не вязалась эта многоречивая беседа с той предельной лаконичностью, которой требует быстрота, когда в молниеносно меняющейся обстановке обмениваться можно скорее не словами, а знаками азбуки Морзе.

Выступал Альметов.

— Трудную задачу предстоит нам выполнить,—говорил он.—Все ждут от нас вихревого штурма с первой же секунды. Все уверены, что мы поведем игру в нашем традиционном темпе. А нам придется играть медленно. Хоккей весь на риске. Ведь недаром же канадцы называют его игрой ошибок. А нам рисковать нельзя. Не имеем мы права рисковать в этом матче. Не имеем права ошибаться. Надо также учесть, что у наших соперников большое психологическое преимущество. Они могут выиграть первенство мира и отлично знают, как трудно будет выиграть его нам в третий раз. И еще они знают, какое впечатление на всех произвел тот разгром, который они учинили канадцам...

— Да, после победы советской сборной над Канадой в 1954 году — 7 : 2 — никому не удавалось превысить этот счет. Чехословакам удалось! — Это говорил уже, видимо, Борис Майоров, капитан сборной. Он тоже соглашался с доводами Альметова и тоже призывал всех четко осуществить план игры, предложенный тренерами. А потом Александров просил товарищей не отвечать на возможные вспышки грубости, и легкий смешок был ему ответом. Ведь Александров сам не привык покорно сносить несправедливости и в матче со шведами шесть минут просидел на скамье штрафников.

...Долго продолжалась эта беседа о плане игры, продуманном еще задолго до приезда в Тампере. Хоккеистам словно не хотелось расходиться, как будто разумные мысли, которыми они обменивались, могли спасти их от невыносимого напряжения предстоящего матча.

Хорошо тренированные спортсмены никогда не боятся физических усилий, усталости и всегда с тревогой думают о том, сумеют ли выдержать огромную нервную нагрузку. Команда выдержала эту нагрузку в борьбе со шведами, добилась победы, и все же нервное напряжение сказалось на ходе игры. В ней много было накладок, и особенно веские претензии были у Тарасова к Альметову и его товарищам, хотя армейская тройка и забила две шайбы. Но разве можно сравнить игру со шведами с той игрой, которая предстоит им теперь?

В такие минуты совесть не позволяет заговорить со спортсменами, да и к тренерам не хватает решимости подойти. Выручить журналиста может лишь невидимая «рация», настроенная на волну команды, и утром 13 марта эта рация принимала столь взволнованную морзянку чувств, что нервный озноб пробегал по коже. И действительно, уже потом, после матча, когда все страсти улеглись, мне удалось убедиться, что эти радиосигналы не обманывали меня. Альметов подтвердил, что глубокое напряжение в те часы охватило всю команду. А когда мимо меня неторопливо, казалось бы, беспечно проходили хоккеисты, направляясь в свои комнаты, какими они казались спокойными, какими легонькими без своих громоздких доспехов! Только защитники, словно с утра уже натянули фетровые нагрудники и наплечники, осанистые тяжелые ребята, обстрелянные шайбами, обтертые обо все борта. И Рагулин, и Иванов, и Кузькин, и Брежнев, и Давыдов уже не раз испытали ярость чехословацких атак. Ну что ж, может быть, и в Тампере они сумеют их отразить! Ведь именно в этом городе в январе 1954 года советская сборная команда успешно провела свой первый международный матч.

Одиннадцать лет прошло с тех пор. Давно уже сошли со льда все те, кто брал такой счастливый старт в Стокгольме. Прошла команда с тех пор и через долгую полосу неудач. И вот снова она на гребне успеха. Как-никак, дважды подряд чемпионы! Неужели же не выиграют и в третий раз?

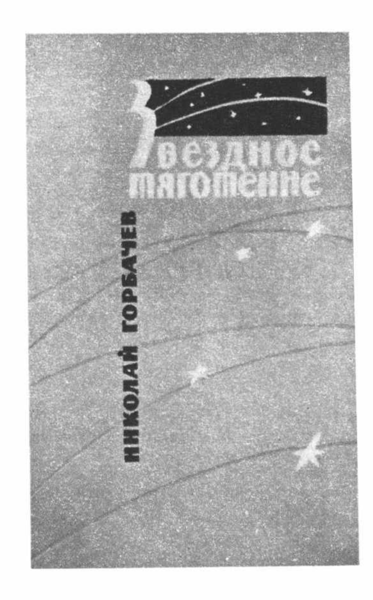
«Выиграете? Верите?» — хотелось мне спросить всех их. Но разве может кто-нибудь ответить на эти два простых вопроса перед началом борьбы?

Однако вернемся к Альметову...

Окончание следует.

ПИСАТЕЛЬ И КНИГА

ЛЮДИ И РАКЕТЫ

Две повести Николая Горбачева включены в книгу «Звездное тяготение». В обеих повестях действуют воины-ракетчики. Автор убеждает читателя в том, что и в мирное время бывают ситуации, когда от воина требуется мужество и верность товарищескому долгу.

В сущности, разные люди сошлись в ракетном расчете, где служит Гоша Кольцов. Он, девятнадцатилетний парень, уже кое-что увидел в жизни, и далеко не простое. Наученный горьким опытом, он подходит к людям критически. У него есть свое кредо, оно определяется словами известной песни:

Какое мне дело до всех до вас,
А вам до меня...

С таким отношением к людям Гоша начинает свою службу. Первые неприятности, конфликт с младшим сержантом Крутиковым, туповатым службистом. Кольцов не может понять, что объединяет его товарищей-солдат, что общего, скажем, у будущего ученого-физика Уфимушкина и сержанта Долгова, в прошлом шахтера... Чувствует он и некоторую отчужденность товарищей. Но постепенно Гошу Кольцова начинает увлекать ратный труд ракетчика, напряжение и радостное чувство, когда ввысь взлетает ракета. «Вздрогнула установка, раскатистый стоголосый рев двигателя вспорол тишину, из клубов дыма и пламени, блеснув, взметнулась ракета, оставляя позади белое жало пламени. Рокочущий острый звук стремительно побежал, удаляясь и замирая в голубой высоте». Так может описать взлет ракеты только знающий ракетное оружие автор, и читатель ему верит.

Верит читатель и в аварийный пуск, когда во избежание несчастья надо разрядить установку и отнести ракету на руках... Это игра со смертью. И в этой игре получает ожог первой степени Гоша Кольцов, рванувший рычаг, чтобы не изуродовались все его товарищи, находившиеся возле установки. Гоша Кольцов обгорел — шесть месяцев в госпитале, трудная операция, невыносимая боль. И тут в тяжкую минуту он чувствует всю силу товарищества. Так кончается повесть «Звездное тяготение»: «...Выходит, человеческое тяготение сильнее: я-то ведь уже летел по той самой короткой, как штрих, косой черте, обгоряя в прямом и переносном смысле...» Герой повести думал о себе, как о падучей звезде, но удержали его от падения законы человеческого тяготения — дружба, товарищество и любовь.

Вторая повесть книги, «Ракеты и подснежники», уступает первой, хотя написана на том же материале. Несколько схематичны и слишком ясны коллизии, почти с первого появления угадываются отрицательные персонажи. Полемика с «ремаркизмом» и литературные реминисценции не выручают автора.

Л. НИКУЛИН

Николай Горбачев. Звездное тяготение. Воениздат. Москва. 1965.

ПРАВДА О БОННСКОМ РЕЙХЕ

Много книг написано об этой стране. Есть среди них острые и яркие журналистские зарисовки, есть серьезные и глубокие исследования. Книга Павла Наумова «Бонн — сила и бессилие», вышедшая в издательстве «Мысль»,— одновременно точно набросанный внешний облик страны и серьезный анализ глубоких политических процессов. Автор, видный советский журналист-международник, много лет работавший корреспондентом «Правды» в ГДР и ФРГ, отлично знает Германию, и его рассказ, рассказ вдумчивого и внимательного очевидца событий, интересен для каждого.

П. Наумов приглашает своего читателя в отель «Ремербад» в Баденвейлере, где группу советских журналистов принимает канцлер Людвиг Эрхард; в забастовочный комитет завода «Мерцедес-Бенц», в концерн короля желтой прессы Акселя Шпрингера, одного из лидеров западногерманских бешеных, и на веселый рейнский карнавал, на берлинские улицы 17 июня 1953 года и во дворец принца Макса в Карлсруэ, где происходит позорное судилище над компартией. И всюду автор остается интересным собеседником, который не просто информирует, а размышляет, сталкивает различные точки зрения, взвешивает аргументы, спорит.

Автор не идет на упрощение, чтобы загнать в примитивную черно-белую схему противоречивые и очень сложные процессы, характеризующие современную жизнь ФРГ, не уклоняется от разговора об острых проблемах послевоенного развития Германии. П. Наумов категорически против удобной и — увы! — нередко распространенной фигуры умолчания. Его позиция ясна, его доводы убедительны.

Книга Павла Наумова «Бонн — сила и бессилие» — публицистическая работа высокого класса, которая, несомненно, будет по достоинству оценена читателями.

Г. АНДРЕЕВ

Маленький домовой

Л. ВОРОНКОВА

Сказка

— Сегодня буду рассказывать я,— сказала бабушка.

Аня осторожно спросила:

— А про кого, бабушка? Про мальчика или... про девочку?

— Про мальчика.

Аня сразу повеселела. Андрей же чуть-чуть насупился. Он уже знал, что эта сказка его коснется. Но сделал вид, будто не знает ничего.

— Вот жил-поживал на свете один Мальчик,— начала бабушка,— а было это давно. Это было в незапамятные времена. Тогда еще в лесах водились Лешие. В прудах — Русалки. В домах жили Домовые. А я была молодая.

Андрей живо взглянул на бабушку. Неужели она тоже была молодая?

— Вот и жил-поживал этот Мальчик. Мать его умывала, одевала, причесывала, потому что он был еще маленький. А когда Мальчик подрос, мать сказала:

— Сынок, ты уже большой. Сам одевайся, сам умывайся. А я на работу пойду.

— Да ведь я не умею!

— Будешь делать — так будешь уметь.

Рисунок И. Ушакова.

Мать как сказала, так и сделала — ушла утром на работу. Мальчик один остался. Стал он рубашку надевать да и надел ее задом наперед.

Тут Аня хихикнула и подтолкнула локтем Андрея. Но Андрей даже не оглянулся: ведь этот случай с рубашкой сегодня утром произошел с ним самим.

А бабушка продолжала:

— Стал этот Мальчик умываться да весь и облился водой. А как начал причесываться, то все вихры свои кверху поднял. И расческу сломал. Вот он и загоревал. Сидит, чуть не плачет. В это время из-под печки кто-то вылез. Вроде человечек маленький, весь лохматенький. Глаза круглые, голубые,

Петя и милиционер

Владимир ЛИФШИЦ

Петя с мамой
Входят в ГУМ.
ГУМ — громадный
Магазин.
В ГУМЕ люди,
В ГУМЕ шум,
Кассы в ГУМЕ:
Дзин, дзин, дзин!

И покуда маме Пети
Отмеряли матерьял,
Потеряла мама Петю,
Петя маму потерял.
Петя ходит,
Петя бродит,
Петя маму не находит
И, напуганный всерьез,
Удержать не может слез.

Очень жалко
Петю людям:
— Что ж мы, братцы,
Делать будем?
Покупали матерьял —
Мальчик маму потерял!..
Тут услышал эти речи
Стройный,
в амуниции,

Рисунки В. Черникова.

веселые, в каждом глазике по огоньку. Вылез и говорит:

— Мальчик, давай поиграем!

— А ты кто?— спросил Мальчик.

— Я ваш Домовой!

— А кто такой Домовой?

Маленький Домовой пожал лохматыми плечиками.

— Да я и сам не знаю как следует, кто я такой. Наверно, меня какие-нибудь бабки придумали. Ну, а раз придумали, так вот я и живу. Давай поиграем?

— Давай. Только мне одеться надо. Видишь, я с рубашкой никак не справлюсь.

— А я тебе помогу,— сказал Маленький Домовой. Он живо одел Мальчика. И рубашку надел. И лямки правильно пристегнул. И причесал его. И расческу склеил, будто она и не ломалась никогда.

Ну, теперь можно и поиграть. Вот Мальчик и Маленький Домовой принялись бегать друг за другом, принялись скакать через стулья, бороться, кувыркаться. Сделали качели из полотенца, повесили их в дверях и принялись качаться.

— А пойдем на улицу?— сказал Мальчик.— Там качели на дереве, раскачаемся чуть не до неба!

Но Маленький Домовой потряс гривкой.

— Нет, я на улицу не могу. Я Домовой. Ты ступай. А я — под печку.

В это время загремел запор в сенях. Это пришла мать. Тут Домовой сразу исчез, пропал куда-то.

— Ну вот,— сказала мать,— а говоришь: ничего не умею. И оделся и обулся, да как славно. Я же сказала: делай сам, так и научишься.

— А я не сам,— сказал Мальчик,— это меня Маленький Домовой и одел и обул. Я с ним играл.

— Не выдумывай,— сказала мать.— Никаких домовых на свете нет. А если ты с котенком играл, то так и скажи. И если тебе нашего Барсика хочется домовым называть, так пожалуйста. А качели из полотенца устраивать ни к чему. Можно и в саду покачаться, на веревочных.

Мальчик больше не спорил. Побежал с ребятами на речку. Туда, сюда, всякие ребячьи дела нашлись. Начал было ребятишкам про Домового рассказывать, а они стали смеяться:

— Эх, ты! Это тебе во сне приснилось. Никаких домовых на свете не бывает.

К вечеру Мальчик уже и сам стал думать, что этот Домовой ему, наверно, во сне приснился.

На другое утро мать говорит Мальчику:

— Умойся, оденься, теперь ты это умеешь. А когда позавтракаешь, посуду за собой вымой и убери.

— Да я не умею посуду мыть!

— Если станешь делать, так будешь уметь.

И ушла на работу.

А Мальчик опять принялся воевать со своей рубашкой. То она не лезет, то задом наперед надевается.

И вдруг слышит:

— Ку-ку! Давай поиграем?

Мальчик так и подскочил от радости.

— Маленький Домовой, это ты?

— А то кто же?

Маленький Домовой выскочил из-под печки.

— Ты опять с рубашкой мучаешься? Не тужи, сейчас все будет готово.

И опять он одел Мальчика, обул, причесал. А потом накормил его и посуду убрал. А когда все было сделано, они снова принялись играть, прыгать, скакать, бороться, кувыркаться. Уж и возни было и смеху!

Мать пришла с работы, похвалила Мальчика:

— Ну вот, а говоришь: «Ничего не умею». Если сам все делаешь, то все и умеешь.

— Так ведь это же не я, это Маленький Домовой приходил!

— Ладно, ладно. Знаю твои выдумки.

Так и пошло день за днем. Мать думает, что Мальчик все сам делает: и одевается, и посуду моет, и квартиру убирает. А все это делал Маленький Домовой. И Мальчик жил себе да поживал без всяких забот.

Не успели оглянуться — и лето прошло. Наступил самый главный денек для всех школьников — первое сентября.

Мальчику надо идти в школу. А матери, как всегда,— на работу.

— Ты у меня уже большой,— сказала мать,— все умеешь! Соберись как следует и ступай в школу. Сумка у тебя есть, тетради есть, карандаши есть. Все есть. В добрый час!

И ушла.

А Мальчик стал ждать Домового. Мальчик ждет, а Домового нет. Тогда он стал звать его:

— Маленький Домовой, где же ты? Иди скорей, мне в школу собираться надо.

Но Домовой не вылез. Только голос его послышался из-под печки.

— В школу уйдешь? А играть?

— Что ты! Мне сегодня играть некогда. Вон ребята уже пошли, вылезай скорей!

— Нет,— сказал Маленький Домовой,— это мне ни к чему. Да еще я вчера лапу занозил. Не вылезу. Да и, кстати, меня вовсе нет, меня просто бабки выдумали.

Мальчик его звал, просил, даже плакал. Но Маленький Домовой так и не вылез.

Пришлось Мальчику поскорей собираться без чужой помощи. Ну уж он и собирался! Как пришел в школу, так все ребята и начали хохотать. Пуговицы не на те петли застегнуты, башмаки не на ту ногу надеты, сумка не закрыта, карандаши, тетрадки из нее валятся... Вот так Мальчик, вот так ученик в школу пришел!

Молодой,
широкоплечий
Старшина милиции.

Выступает он вперед,
Петю на руки берет.

— Что ж ты, Петя,
растерялся?
Не к лицу нам кислый вид!
— Потому что потерялся!—
Всхлипнув, Петя говорит.

— Ты скажи мне, Петя,
толком,
Как твоя фамилия?
Отвечает Петя:— Волков —

Вот моя фамилия!..
— Славный парень Петя
Волков,
Петя Волков молодец!
Мама — это не иголка
И найдется наконец!

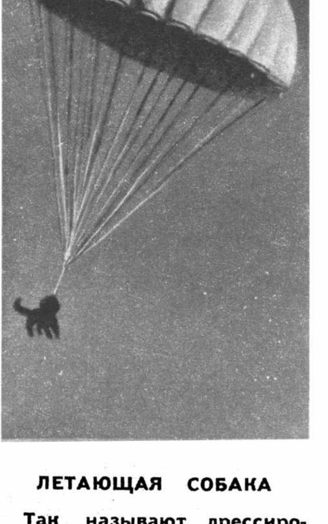
• • •

Над кассами,
Над ситцами,
Над поднятыми
Лицами
Репродуктор
шлет
слова
Старшины милиции:
— Гражданка Волкова! Ваш сын Петя Волков нашелся и ждет вас в детской комнате ГУМА!.. Повторяю: гражданка Волкова! Ваш сын Петя Волков нашелся и ждет вас в детской комнате ГУМА!..

Не прошло пяти минут—
Двери настежь,
Мама тут!

— С ног я сбилась прямо!—
Восклицает мама.
— Как ты здесь-то
оказался?
Где ты был?
— Я потерялся!
— Надо, чтобы не теряться,
Крепче за руку держаться!
— Руку ты ведь отпустила!
— Я? Когда?
— Когда платила...
— Чрезвычайно трудно с
сыном
Мне ходить по магазинам.
Я следить за ним должна
Более внимательно.
Вам, товарищ старшина,
Очень я признательна!

Отвечает старшина:
— Это уж как водится —
Мальчики теряются,
Мальчики находятся!

ЛЕТАЮЩАЯ СОБАКА

Так называют дрессированную овчарку, которая служит в финской армии. Она выпрыгивает из самолета вслед за своим хозяином и опускается на собственном парашюте.

ДРУГ ТРЕСИ

Этот лев обучался у известного укротителя Стюарта Рефила и сделался звездой многих американских фильмов. Лев подружился с трехлетней девочкой Треси и повинуется каждому ее слову.

НА КОГО ПОХОЖЕ ДЕРЕВО?

Ствол дерева, напоминающий собой гигантского жирафа, можно увидеть в Крконошском лесу в Чехословакии.

НЕЛЕГКО БЫТЬ ГИГАНТОМ

Рост болгарина Ассена Иванова — 218 сантиметров. Ассен испытывает большие трудности, когда ему приходится пользоваться автобусом или трамваем. Впрочем, не только этими видами транспорта. Например, в итальянский автомобиль «фиат-600» или «фиат-850» Ассен Иванов не может поместиться.

В свое время этот человек-гигант занимался боксом, борьбой. Сейчас он снимается во французском фильме.

ПАРИКМАХЕР-АВТОМАТ

На железнодорожных вокзалах Франции появился оригинальный и удобный автомат для бритья.

ЗАБОТА О БЛИЖНЕМ

Слон нью-йоркского зоопарка долго не мог примириться с потерей свободы и первое время разрушал и топтал все, что находилось вблизи него. Но вот однажды он заметил, как две птички начали вить гнездо на ограде. Слон смирился и стал с интересом наблюдать, что делают пернатые. Когда у малиновок вывелись птенцы, слон в жаркую погоду подходил к гнезду и охлаждал новорожденных струей воздуха из хобота.

забавные мелочи

Латинская буква

В. РЕЗНИКОВ

Фельетон

На еще не окрепшие, шестнадцатилетние плечи Вячеслава Ирматовича легли очень тяжелые заботы.

Нет, он не стал сиротой. Родители его, слава богу, живы и на здоровье пока не жалуются.

Отец с матерью души не чают в своем сыне, и сын, в свою очередь, любит своих родителей. Любит маму — Яновицкую Б. Я. и папу — Тишебаева Ирмата. И все это несказанно усугубляет беду шестнадцатилетнего комсомольца из узбекского города Андижана.

Беда в их дом пришла недавно. А началось все с того, что Вячеслав (он же Асламбек) Яновицкий (он же Тишебаев) в 1948 году взял да родился. Появился то есть на свет. Какую он при этом преследовал цель, сказать сейчас трудно. Ясно одно: бывший новорожденный, а ныне узбекский комсомолец портит в городе Андижане кровь: работникам облисполкома, журналистам «Андижанской правды», горсобесу, гороно, горкому комсомола, загсу, милиции, прокуратуре, опекунскому столу. Полгода уже портит, с того самого дня, когда Вячеславу-Асламбеку стукнуло шестнадцать. В тот день наивный, как дитя, Асламбек двинулся после школы в милицию. Паспорт получать. По дороге в отделение юноша с любопытством заглянул в свидетельство о собственном рождении и обомлел. В том месте, где должна стоять фамилия папы, находилась латинская буква «зет». Сначала юноша подумал, что папа просто закодирован для всесоюзного статистического учета. Но почему тогда мама оказалась незакодированной? А если это не код, то что же тогда это такое?

Родители юноши жили в незарегистрированном браке. И, конечно, в отделении милиции мальчику объявили, что он фамилию отца носить не может по причине все той же таинственной латинской буквы.

Мальчик пришел к папе и, вытирая кулаками слезы, попросил его сходить в милицию и навести там порядок. В отделении папе сказали, что он никакой не папа, а буква «зет» и пусть он немедленно очистит помещение.

Папа пошел в облисполком. Здесь ему разъяснили смысл закона, принятого еще 8 июля 1944 года, и сообщили, что закон этот, к сожалению, пока никто не отменил.

— Но Асламбек — мой сын. Он должен носить мою фамилию! — вскипел Тишебаев-старший.

— Пусть носит мамину, какая ему разница!

В милиции посоветовали:

— Вам, папаша Ирмат, надо срочно усыновить своего сына. Идите-ка в опекунский стол горисполкома.

Поблагодарив за мудрый, как сто коранов, совет, родители устремились в горисполком.

— Идите в загс,— сказали там.

— В милицию надо обращаться,— молвили загсовцы.

— Давайте свидетельство о браке,— замкнулся круг в милиции.

Поскольку свидетельства не было, пришлось идти к товарищу Поплавскому.

— Сынка вот решил усыновить, гражданин прокурор,— явился с повинной Ирмат Тишебаев.

— Ну что же, это очень даже благородно с вашей стороны. Идите в опекунский стол. Стол вам все как надо оформит.

Написал заявление Асламбек, написал Ирмат, мать написала заявление, а стол отправил дело в долгий ящик.

— Не положено!

— То есть как это?

— А так, не положено — и все! Если бы сыну еще не было шестнадцати, он подлежал бы усыновлению, а так как ему уже шестнадцать,— не положено.

— Но ведь Асламбек—мой сын! Смотрите, люди добрые, как парень похож на меня: нос, уши, глаза, рот и родинка вон у него моя.

— Идите, идите, гражданин, не мешайте работать. Закон есть закон.

«ОГОНЕК» В ЛЕНИНГРАДЕ И КРОНШТАДТЕ

У нашего журнала стало традицией каждый год встречаться с ленинградскими читателями: выслушивать их замечания и советы, знакомить с планами работы редакции. Очередная встреча с ленинградцами по просьбе ученых началась также по установившейся традиции — в их клубе. Профессор В. П. Романовский, кандидат философских наук И. В. Климентьев, аспирант Института точной механики и оптики И. И. Ушаков, младший научный сотрудник Ленинградского университета В. Л. Замбржицкий, заведующий культмассовым отделом Дома ученых Н. М. Коровичев высказали много конкретных пожеланий «Огоньку» и сделали подробный разбор некоторых опубликованных в журнале материалов.

На другой день «Огонек» был гостем военных офицеров и матросов города-крепости Кронштадт. В Дом офицеров пришли молодые матросы, только еще начавшие службу на флоте, бывалые офицеры, воевавшие на Балтике, и рабочие знаменитых кронштадтских доков, где ремонтируются корабли.

Исключительно теплый, дружеский, обоюдно заинтересованный разговор проходил с экипажем крейсера «Киров». В большом кубрике, превращенном в клуб, собрались свободные от вахты матросы и офицеры. Балтийцы просили огоньковцев побольше рассказывать читателям о буднях советских военных моряков, о славных боевых традициях Балтийского флота.

Во встречах приняли участие ленинградские поэты: Александр Прокофьев, Всеволод Азаров, Людмила Щипахина, Владимир Константинов, Борис Рацер. В концертах, состоявшихся после встреч в Ленинградском Доме ученых, в Кронштадтском Доме офицеров и на крейсере «Киров», выступали артисты. Тепло встретил зал заслуженную артистку республики, актрису театра имени Комиссаржевской Марию Николаевну Самойлову, солистов оперной студии Ленинградской консерватории, молодых, талантливых певиц Нину Григоренко и Инну Семину. Прекрасно провел партию фортепьяно профессор, заслуженный артист республики Е. Д. Лебедев. Покорил сердца балтийских моряков молодой музыкальный ансамбль «Задира» Дворца культуры имени Первой пятилетки (художественные руководители ансамбля Рита и Анатолий Литвины).

Во встречах с ленинградцами и кронштадтцами участвовали главный редактор журнала «Огонек» А. Софронов, заместитель главного редактора Б. Иванов, редакторы отделов: литературы — Н. Кружков, науки — К. Бакши, сатиры — О. Шмелев, собственный корреспондент «Огонька» К. Черевков, фотокорреспондент Н. Ананьев.

Ц. СОЛОДАРЬ

КВАДРАТУРА КРУГА

— Я заказал, Танек, сегодня
Пиджак,— сказал шофер жене.—
Отличный сорт, фасон сверхмодный!
Но как обидно стало мне,
Когда закройщик элегантный
Мигнул, нахохлившись, как сыч:
«Оплатишь, друг, по прейскуранту,
Но не забудь про магарыч!»
Танек глядит чернее тучи:
— Ах, пережитки так живучи...

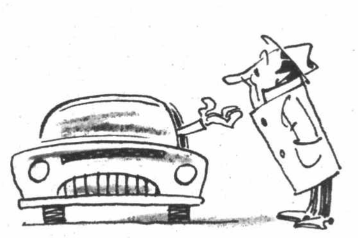
Звонит жене закройщик:
— Капа!
Приметил я диван-кровать —
Мечта!
Да вот желает в лапу
Завмаг рублишек этак пять.
Вздохнула Капа в трубку:
— Ужас!
Доколе нам в конце концов
Терпеть подобных продавцов?!
Но дай—с деньгами поднатужусь...

Обеда час. Из магазина
Завмаг летит в кафе:
— Спешу!
Официант глядит невинно:
«На чай, мол, будет — обслужу».
Завмаг домой пришел:— Ах, Женя,
Ведь чаевые — униженье...
Жена в ответ:
— Какое зло!
И как морально тяжело!

Официант вдвоем с женою
К друзьям в зеленый едет бор.
И говорит ему шофер
В такси с каймою голубою:
— Я счетчик выключу, черт с ним,
Мне главное, чтоб был калым!
Жена официанта Маня —
Полнейшее непониманье.

Четыре случая. Но все же
Мы с вами не признать не можем:
Как хорошо, когда жена
Сознаньем вооружена!

— Писать будем. Жаловаться будем.

И много еще разных слов наговорили в сердцах папа, мама и сын. Много разных заявлений написали они во все высокие и невысокие инстанции, много шагов прошли они по разным государственным учреждениям, но латинская буква непоколебимо красуется в документе, являя собой закодированную незаконнорожденную нелепость, принятую в суматохе военных будней.

Сколько еще драматических курьезов подсовывает нам эта буква! Сколько унижений, сколько душевных травм наносит она женщине посредством оскорбительной клички «мать-одиночка»!

Закон от 8 июля 1944 года несет с собой и немалый моральный ущерб воспитанию подрастающего поколения. Иной сластолюбивый индивид прекрасно сознает свою безнаказанность в деликатнейшем из вопросов.

Вот яркий тому пример. Так сказать, образцово-показательный индивид с резким уклоном к различным гадостям.

Владимир Шлапак сначала женился на Ольге в хуторе Роговичи, Брянской области. Затем, оставив ей в память о себе сына и дочь, не расторгнув брака, сошелся в окрестностях Хабаровска с Юлией М. Вскоре его сердцем завладела некая Жанна. Через год — Лидия Ш. И у каждой из обманутых женщин растут дети. Сейчас этот тридцатипятилетний пройдоха живет уже в Архангельске (ул. Транспортная, 2, кв. 7) и старательно забивает голову двадцатитрехлетней женщине, которая, как и другие его жертвы, верит по простоте душевной злостному неплательщику алиментов.

Любой водитель трамвая может, пользуясь микрофоном, пропесочить на весь вагон мужчину, не уступающего места женщине. Любой судья без колебаний даст пятнадцать суток за мелкое хулиганство. В масштабах же государственных иная женщина призвана со смирением нести крест бесправного материнского одиночества. В переводе на житейскую лексику это означает: сама, мол, виновата и расхлебывай теперь как хочешь. Зато ее сердешный может спокойно себе идти дальше и искать очередную жертву. Потому что закон есть закон. И дух его и буква вот уже двадцать с лишним лет — на стороне чувствующих безнаказанность ловеласов.

Вернемся, однако, к узбекскому школьнику. Ситуация в семействе Яновицкой—Тишебаева сложилась довольно драматически. Делу не поможет даже официально зарегистрированный брак, ибо парню уже за шестнадцать и усыновить его отец при всем желании не может. Юноша отказывается получать паспорт, а милиция грозит ему разными административными карами. Обращения в республиканские инстанции не дали никакого положительного результата. Львиная доля заявлений, просьб, ходатайств и прошений вообще осталась без ответа.

«Неужели нет никаких исключений из этих тяжелых для молодежи законов?— пишет Асламбек в Президиум Верховного Совета Узбекской ССР.— Я понимаю, что фактический брак, в котором находились мои родители, обществом не одобряется, но что же делать — ведь я родился, живу, вырос, стал уже юношей, надо получать паспорт, а я почему-то не могу носить, как все, фамилию отца».

Юный проситель, как и жертвы архангельского пакостника, остался пока при своих. И это плоды досадного противоречия буквы закона духу нашей жизни. Право же, жизнь это никак не украшает. Как не украшает латинская буква документ о рождении еще одного советского человека.

Новый год! Не рано ли? Ведь до него почти месяц. Тем лучше: если песня вам понравилась, вы успеете ее разучить. А мы будем рады, что она зазвучит в новогоднюю ночь.

Новый год

Слова студентов Литературного института В. БУТЕНКО и Г. ГЕОРГИЕВА.

Музыка А. АВЕРКИНА.

Зима пишет снегом стихи
на окнах всю ночь напролет.
А годы летят, как снежки,
и каждый снежок — новый год.

Припев:

Новый год,
не отставай от нас.
Не отставай от нас.
Будь счастлив, как и мы,
Новый год!

Зима пишет снегом: «Любовь —
как небо, она высока.
Ты к ней свое сердце готовь:
дорога к любви нелегка».

Припев.

Зима пишет снегом: «Пути —
они нас, нелегкие, ждут.
Ты песни с собой прихвати,
по ним, как по звездам, идут».

Припев.

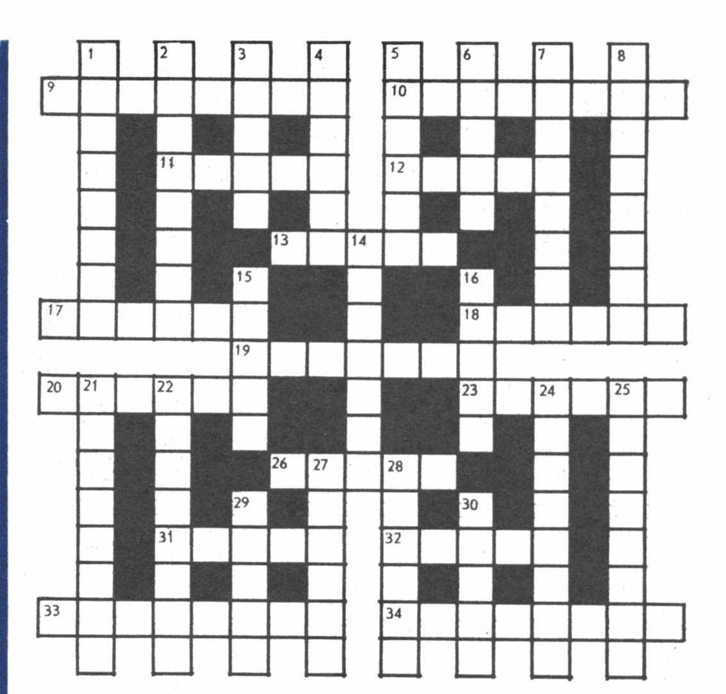
Зима пишет снегом: «Друзья —
с тобой они в бедах любых.
Без них, как без солнца, нельзя,
а солнце — не солнце без них».

Припев.

Зима пишет снегом стихи
на окнах всю ночь напролет.
А годы летят, как снежки,
и каждый снежок — новый год.

Припев:

Новый год,
не отставай от нас.
Не отставай от нас.
Будь счастлив, как и мы,
Новый год!

КРОССВОРД

По горизонтали:

9. Роман Ф. Купера. 10. Угломерный инструмент. 11. Пестрая нерпа. 12. Река в Якутии. 13. Украинский писатель, публицист. 17. Загадка. 18. Советский лингвист. 19. Город в Индии. 20. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 23. Рыболовная снасть. 26. Польский поэт. 31. Система знаний. 32. Драгоценный камень. 33. Русская актриса. 34. Ягода.

По вертикали:

1. Картина В. М. Васнецова. 2. Порт в Австралии. 3. Название коньков. 4. Приток Нила. 5. Цилиндрическая деталь машины. 6. Водяной вал. 7. Раздел языкознания. 8. Текст оперы, оратории. 14. Русский флотоводец, исследователь Антарктики. 15. Настольная игра. 16. Крепежный винт. 21. Оркестровая пьеса. 22. Советский физик. 24. Противник в споре, диспуте. 25. Рассказ А. П. Чехова. 27. Ветер разрушительной силы. 28. Комедия Н. В. Гоголя. 29. Пушной зверек. 30. Предмет для занятий художественной гимнастикой.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

6. Леонкавалло. 9. Мехико. 10. Семеру. 11. Нырок. 14. Манок. 16. Водолаз. 18. «Манас». 19. Стилистика. 20. Гиацинтова. 22. Мокша. 24. Находка. 25. Сосна. 29. Опера. 31. Онтант. 32. Нутрия. 33. Циолковский.

По вертикали:

1. Лондон. 2. Братск. 3. Перила. 4. Натюрморт. 5. Клумба. 7. Весло. 8. Драга. 12. Бадминтон. 13. Мандолина. 15. Корсика. 16. Ванилин. 17. Зубатка. 18. Меринос. 21. Прожектор. 23. Шипка. 26. Оазис. 27. Гравий. 28. Латвия. 29. «Отелло». 30. Аносов.

На первой странице обложки: Инга Воронина — четырехкратная чемпионка мира.

Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Горянки из аула Чиркей, Дагестанская АССР.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

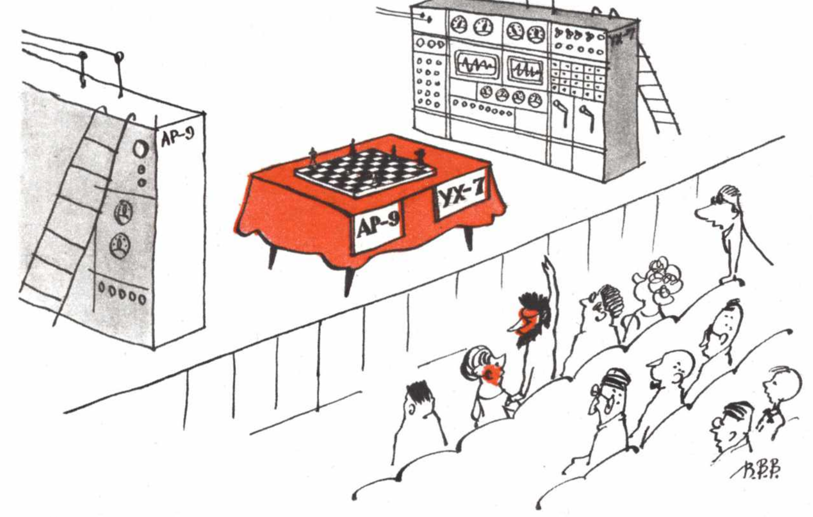
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

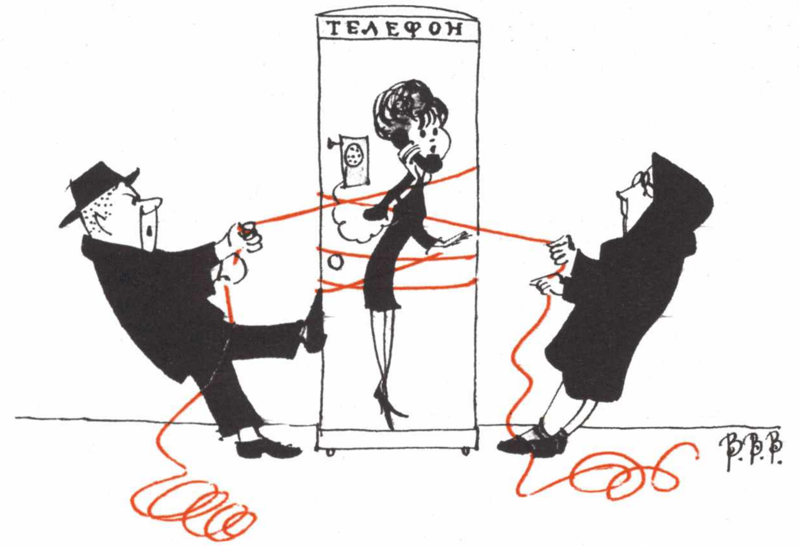
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-37-52; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02120. Подписано к печати 1/XII 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 3235. Тираж 1 850 000. Изд. № 2083.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Две такие машины высвобождают для полезной работы триста мастеров-перворазрядников.

— Не договаривайся: на танцы не пойдешь!

Без слов...

Двенадцать разгневанных мужчин.

— А ведь я могла бы выйти замуж за дирижера!

Рисунки Н. Елинсона.

Сто четыре страницы про любовь.

— Нам ничего не задали, кроме физкультуры: посмотреть по телевизору весь хоккей.

— Выйду из угла — устрою я тебе, бабуля, очередной инфаркт.

Рисунки В. Воеводина.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663